

ОТЗЫВЪ

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

В. В. БОЛОТОВА

(† 1900, IV, 5)

о сочиненіи профессора А. И. Садова,

читанный въ собраніи Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи

18 декабря 1895 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». 2-я Рождественская ул., д. № 7.

1900.

Отгискъ изъ „Протоколовъ Совѣта Академіи за 1895—96 учеб. годъ.“

**Отзывъ экстраординарнаго профессора В. Болотова
о сочиненіи профессора А. И. Садова,**

*читанный въ собраніи Совѣта С.-Петербургской Духовной
Академіи 18 декабря 1895 года.*

I.

Изслѣдованіе проф. А. И. Садова: «Древне-христіанскій церковный писатель Лактанцій» (С.-Петербургъ, 1895, стр. XXXV—273) является въ свѣтъ при обстоятельствахъ своеобразныхъ, почти исключительныхъ. Въ 1889—91 гг. въ Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien появились четыре статьи хейдельбергскаго профессора, д-ра Самуеля Брандта, касающіяся различныхъ спорныхъ вопросовъ изъ жизни и литературной дѣятельности Лактанція (А. И. Садовъ, стр. XXVII—XXX); сложенные вмѣстѣ, онѣ составили бы книгу въ 316 стр. И служебное положеніе ихъ автора и самый фактъ, что эти изслѣдованія появились въ журналахъ одной изъ академій наукъ, въ значительной степени ручаются за то, что эти статьи отличаются совсѣмъ незаурядными достоинствами. Опираясь на основательное знакомство съ богатою предшествующею литературою, которая по нѣкоторымъ своимъ сторонамъ (напр. трудъ Büschmann'a) сохраняетъ свое значеніе и до настоящаго времени, и располагая такимъ знакомствомъ съ текстомъ Лактанція, какаго читатели въ правѣ были ожидать только отъ будущаго издателя его твореній, проф. Брандтъ ведетъ свое изслѣдованіе въ высокой степени детально, приходитъ—даже и по мелкимъ вопросамъ—къ определеннымъ заключеніямъ. Такія изслѣдованія имѣютъ то важное свойство, что своихъ достоинствъ они сполна не утрачиваютъ никогда: даже и тѣ читатели, которые—какъ и пишущій эти строки—значительную часть выводовъ Брандта считаютъ ошибочною, всегда признаютъ за его статьями ту цѣн-

ность, что онъ возбуждаюгъ къ самостоятельному изслѣдованію спорныхъ вопросовъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ богатѣйшій матеріалъ для того или другого ихъ рѣшенія. Вопросы о Лактанціи Брандтъ рѣшаетъ и въ нѣсколькихъ другихъ статьяхъ, появившихся въ другихъ поврежденныхъ научныхъ изданіяхъ.

При такомъ ученюмъ предшественникъ новая работа надъ Лактанціемъ естественно не обѣщаетъ быть трудомъ вполне благодарнымъ. Его авторъ въ лучшемъ случаѣ можетъ рассчитывать подобрать нѣсколько колосевъ, не замѣченныхъ прежними изслѣдователями. Объ обильной жатвѣ невозможно и мечтать. Имѣя дѣло съ твореніями, въ которыхъ едва ли не каждый параграфъ уже комментированъ и про и contra, въ которыхъ почти не осталось свѣжаго мѣстечка, на которомъ не работалъ бы кто-либо изъ предшествующихъ ученыхъ, авторъ неизбежно рискуетъ для всякаго своего мнѣнія отыскать предшественниковъ. Въместо работы истинно самостоятельной неблагодарная эрудиція награждаетъ въ концѣ концовъ ученаго труженика только тѣмъ, что налагаетъ на него обязанность—примкнуть къ одному изъ существующихъ мнѣній, зачислить даже и достигнутые самостоятельно результаты въ похвалу и честь своихъ ученыхъ предшественниковъ.

Еще въ 1715 г.—какъ показываетъ авторъ (XXXIV)—ученый Вальхъ признавался, что труды прежнихъ ученыхъ почти ничего не оставили на долю его скромнаго дарованія въ дѣлѣ изученія Лактанція. А послѣ Вальха работали Бюнеманнъ и наконецъ Брандтъ. И А. И. Садову видимо было не легко мотивировать появленіе своего труда, указать—вѣрнѣе: *открытъ*—опредѣленные задачи для своего изслѣдованія. Два пункта особенно ясно выдвигаетъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ:

а) Онъ имѣетъ въ виду прежде всего потребности русской церковно-исторической и богословской литературы, въ отдѣлѣ о Лактанціи вообще бѣдной и скудной (XXXIII).

б) Онъ намѣренъ критически провѣрить выводы своихъ ученыхъ предшественниковъ и показать, что далеко не всѣ результаты ихъ изслѣдованій о Лактанціи можно признать окончательными.

Этими двумя указаніями автора я и пользуюсь, какъ точками отправления въ настоящемъ отзывѣ.

II.

А. Едва ли возможно оспаривать, что выраженіе: «*потребности* русской церковно-исторической и богословской литературы» не достаточно опредѣленно. Несомнѣнно одно: *православная* богословская наука никакихъ специальныхъ *требованій* относительно сочиненій Лактанція не предъявляетъ, никакой обязательной для изслѣдователей точки зрѣнія на него не ставитъ. Онъ не отецъ и не учитель церкви. Онъ—просто, церковный писатель, мнѣнія котораго не имѣютъ высокаго авторитета. Слѣдовательно, о Лактанція всякій ученый, православный, папистъ, протестантъ, не погрѣшая противъ началъ своего вѣроисповѣданія, можетъ быть какаго угодно мнѣнія.

Въ чемъ же могутъ состоять особенныя «потребности русской богословской науки» по вопросу о Лактанціи? Конечно я не расхожусь во мнѣніи съ авторомъ, если допущу, что и самое лучшее только достаточно хорошо (а не слишкомъ хорошо) для серьезныхъ русскихъ читателей; что они имѣютъ право желать, чтобы наша литература пополнялась самыми совершенными изслѣдованіями, какія только можетъ дать наука въ ея современномъ состояніи. Никакихъ особыхъ «потребностей», кромѣ общенаучныхъ, по моему мнѣнію, и въ Россіи не существуетъ.

Нельзя конечно оспаривать, что напр. нѣмецкій ученый, какъ проф. Брандтъ, пишетъ для сотенъ читателей, русскій—едва для десятковъ; но эти десятки столь же подготовлены къ научному чтенію самыхъ серьезныхъ сочиненій, какъ и тѣ сотни, и ни въ какомъ свисхожденіи къ нимъ не нуждаются. Поэтому я нахожу, что А. И. Садовъ грѣшитъ не только противъ своей эрудиціи, но и противъ потребностей русскихъ читателей, когда (стр. X, пр. 3, 8; XI. XII) не предъявляетъ извѣстныхъ ему поправокъ къ работамъ Брандта. Горизонтъ русскихъ научныхъ интересовъ рѣшается автору слишкомъ узкимъ, если объ изданіи Брандта онъ считаетъ вужнымъ сказать только то, что сказано на стр. IX. Русскими читателямъ не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о кодексахъ, которыми располагалъ Брандтъ; не названо даже число ихъ! Ср. стр. 4, прим. 1; стр. 148, пр. 3; стр. 267 («въ нѣво-

торыхъ рукописяхъ», «въ одной рукописи»). Важнаго вопроса: сдѣланную Брандтомъ оцѣнку рукописей можно ли при данномъ состояніи науки оспаривать?—авторъ даже и не ставитъ, словно для русскихъ ученыхъ не имѣеть никакого интереса вопросъ: какъ велика *вѣроятность* (не простая теоретическая *возможность*), что тотъ видъ текста Лактанція, въ которомъ онъ является въ вѣнскомъ изданіи, не есть окончательный?

Б. Но, если русская ученая книга *по содержанію* не должна уступать иностраннымъ сочиненіямъ, она должна представлять значительное отличіе отъ нихъ *по своей формѣ*. Сравнительно съ читателемъ напр. нѣмецкимъ, русскій ученый читатель поставленъ рѣшительно невыгодно въ томъ отношеніи, что ему оказывается недоступно, словно великая библиографическая рѣдкость, почти всякое иностранное ученое сочиненіе по богословію. Исключеніе составляютъ едва ли не тѣ только лица, которыя живутъ въ городахъ университетскихъ. Читатели въ строгомъ смыслѣ слова провинціальные, если бы даже рѣшились приобрести въкоторыя иностранныя богословскія сочиненія для своей собственной бібліотеки, встрѣтили бы затрудненія, не всегда легко устранимыя.

Это положеніе вещей налагаетъ на русскаго ученаго особенную обязанность. Ученый богословъ нѣмецъ, французъ и англичанинъ дѣлаетъ простую *любезность* своимъ читателямъ, если подѣстеровою предъявляетъ имъ подлинный текстъ тѣхъ источниковъ или пособій, на которые самъ опирается: русскимъ ученымъ такъ поступать приходится по чувству прямого *долга*. Вѣроятно 90% русскихъ читателей фактически лишены возможности—пріискать по простымъ ссылкамъ подлежащія мѣста источниковъ. *Дѣльная канцелярская справка, въ смыслѣ формы, является, поэтому, идеальнымъ образцомъ русскаго ученаго богословскаго сочиненія.*

Нельзя не признать, что А. И. Садовъ даетъ въ своей книгѣ этихъ *pièces justificatives* достаточно много. Ея *habitus*—рѣшительно ученый: примѣчанія во всей книгѣ, повидимому, занимаютъ столь же много мѣста, сколько и текстъ. Но я не рѣшусь утверждать, что авторъ вездѣ и всюду стоитъ на высотѣ своей задачи, налагаемой на него положеніемъ русскаго ученаго. Вотъ примѣры.

Стр. 1 прим. 1 могло бы быть почти сполна опущено. Обык-

новенный русскій читатель изъ однихъ цферъ и собственныхъ именъ не въ состояніи извлечь ничего. А самъ авторъ никакихъ выводовъ изъ формы ссылки на Лактанція у древнихъ писателей не дѣлаеть. Если же онъ предполагаетъ, что его читателямъ доступны или изданіе Брандта или Migne Patrologiae series latina tomus VI, то благоволитъ допустить и то, что они и сами нашли бы тамъ эти testimonia veterum и именно выписки изъ самыхъ текстовъ, не однѣ цитаты. Брандтъ перепечаталъ не «многія изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ», онъ напечаталъ *всѣ* эти свидѣтельства: мѣсто изъ Migne S. L. VI, col. 79 A (Hieronymi comment. in Eccles. c. 10) читается при Institut. VI, 3, 6 seq. ed. Brandt I, 486.

Стр. 91 прим. 2 страдаетъ неполнотою справки. Авторъ выписалъ подлинныя слова Лактанція изъ Inst. IV, 10, 18; Epit. 40 (45), 9 и не выписалъ текста изъ Тертулліана. А разъ слова Тертулліана не предъявлены читателю, ему отказано въ правѣ собственнаго сужденія по вопросу о томъ, зависитъ ли здѣсь Лактанцій отъ Тертулліана.

Тоже самое приходится сказать и о стр. 87 прим. 3. Со скрупулезною добросовѣстностью авторъ отмѣчаетъ сужденія Брандта по спорному вопросу. Но читатель, не ища предъ глазами самыхъ текстовъ св. Писанія (въ латинскомъ переводѣ), о которыхъ рѣчь, лишень возможности рѣшить вопросъ болѣе интересный: насколько правъ самъ Брандтъ въ своихъ сужденіяхъ? не опъживаетъ ли здѣсь комаровъ почтенный вѣмецкій ученый?

И стр. 261—262, стоившія автору значительнаго труда, не отвѣчаютъ потребностямъ русскихъ читателей по той же самой причинѣ.

В. Также самая прискорбная безкнижность русскаго читателя налагаетъ на русскаго ученаго писателя и другіа аналогичныя обязанности.

а) Слѣдуетъ *свои собственные мнѣнія* выражать вполне опредѣленно.

б) Слѣдуетъ вести читателя путемъ *первоисточниковъ*, отстраняя всякія—такъ называемыя—«пособія» (въ дѣйствительности же—слишкомъ часто—или балластъ—или тормозъ), избавляя, гдѣ только возможно это, читателя отъ необходимости обращаться къ нимъ.

в) Слѣдуетъ *руководить* читателя въ выборъ между «пособіями» въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ нихъ обойтись невозможно; слѣдуетъ даже самыя цитаты ставить такъ, чтобы для читателя былъ ясенъ «удѣльный вѣсъ» научныхъ авторитетовъ, ему предъ-являемыхъ.

аа) Въ первомъ отношеніи А. И. Садовъ мѣстами впадаетъ въ неумѣстную нейтральность, доходитъ до умолчанія своего собственнаго сужденія.

1. На стр. 7 авторъ о производствѣ имени Lactantius отъ молочной сладости краснорѣчія этого писателя докладываетъ (ср. прим. 7) съ такимъ спокойствіемъ, что можно подумать, что къ этому объясненію и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ и въ 1893 г. относиться безъ всякой «ироніи». И такъ какъ авторъ не говоритъ, кто были эти «одни» — «другіе» — «многіе», то читатель рискуетъ и не догадаться, что это словопроизводство измышлено обветшалою мудростію временъ гуманистовъ и лишено подтверждающихъ его аналогій изъ жизни, современной Лактанцію.

α) Не доказано, чтобы кто-либо въ IV в. носилъ какъ *cognomen* эпитетъ, усвоенный ему *honoris causa*.

β) Бл. Иеронимъ никогда не пользуется именемъ Lactantius, какъ ἐπίθετον ὀνόμας (нигдѣ не употребляетъ напр. такой фразы: *Firminus noster vere meritoque vocatus Lactantius*).

γ) Люди IV в. совсѣмъ не походили на древнихъ троянскихъ пастуховъ, которые не знали ничего вкусае молока.

δ) Христиане затруднились бы (въ виду 1 Кор. 3, 1—3; Евр. 5, 12—14) почитать прославленнаго писателя Фирміана, несомнѣнно претендовавшаго на роль «учителя», именемъ Lactantius

2. Стр. 79 прим. 8. Здѣсь авторъ находитъ, что «нельзя не пожалѣть» и «жалѣ также», что проф. Брандтъ не выражаетъ ясно, подъ «auctores» разумѣетъ ли онъ «источники» (Quellen) или только «параллели» (Parallelen). Но вѣдь читатель въ правѣ поставить и такой вопросъ: если изданіе Брандта на этомъ пунктѣ не удовлетворительно, то почему же самъ авторъ не потрудился восполнить этотъ—вызывающій сожалѣніе—пробѣлъ? По моему мнѣнію, авторъ, если онъ отнесся такъ внимательно къ вопро-сительному знаку («oder (?)») вѣмедкаго рецензента, не долженъ бы былъ уклоняться отъ такого напр. объясненія: приблизительно

в) Слѣдуетъ *руководить* читателя въ выборъ между «пособіями» въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ нихъ обойтись невозможно; слѣдуетъ даже самыя цитаты ставить такъ, чтобы для читателя былъ ясенъ «удѣльный вѣсъ» научныхъ авторитетовъ, ему предъ-являемыхъ.

аа) Въ первомъ отношеніи А. И. Садовъ мѣстами впадаетъ въ неумѣстную нейтральность, доходитъ до умолчанія своего собственнаго сужденія.

1. На стр. 7 авторъ о производствѣ имени Lactantius отъ молочной сладости краснорѣчія этого писателя докладываетъ (ср. прим. 7) съ такимъ спокойствіемъ, что можно подумать, что къ этому объясненію и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ и въ 1893 г. относиться безъ всякой «ироніи». И такъ какъ авторъ не говоритъ, кто были эти «одни» — «другіе» — «многіе», то читатель рискуетъ и не догадаться, что это словопроизводство измышлено обветшалою мудростію временъ гуманистовъ и лишено подтверждающихъ его аналогій изъ жизни, современной Лактанцію.

α) Не доказано, чтобы кто-либо въ IV в. носилъ какъ *cognomen* эпитетъ, усвоенный ему *honoris causa*.

β) Бл. Иеронимъ никогда не пользуется именемъ Lactantius, какъ ἐπίθετον ὀνόμας (нигдѣ не употребляетъ напр. такой фразы: *Firminus noster vere meritoque vocatus Lactantius*).

γ) Люди IV в. совсѣмъ не походили на древнихъ троянскихъ пастуховъ, которые не знали ничего вкусаѣ молока.

δ) Христиане затруднились бы (въ виду 1 Кор. 3, 1—3; Евр. 5, 12—14) почитать прославленнаго писателя Фирміана, несомнѣнно претендовавшаго на роль «учителя», именемъ Lactantius

2. Стр. 79 прим. 8. Здѣсь авторъ находитъ, что «нельзя не пожалѣть» и «жалѣ также», что проф. Брандтъ не выражаетъ ясно, подъ «auctores» разумѣетъ ли онъ «источники» (Quellen) или только «параллели» (Parallelen). Но вѣдь читатель въ правѣ поставить и такой вопросъ: если изданіе Брандта на этомъ пунктѣ не удовлетворительно, то почему же самъ авторъ не потрудился восполнить этотъ—вызывающій сожалѣніе—пробѣлъ? По моему мнѣнію, авторъ, если онъ отнесся такъ внимательно къ вопро-сительному знаку («oder (?)») вѣмедкаго рецензента, не долженъ бы былъ уклоняться отъ такого напр. объясненія: приблизительно

въ 90 случаяхъ изъ 100 наука сходныя мѣста можетъ твердо объявить «параллелями»; но изъ 100 «параллелей» она едва ли 50 можетъ возвести съ высокою вѣроятностію въ достоинство «источниковъ» и развѣ 20--10 съ несомнѣнностію.

бб) Несравненно чаще встрѣчаются у автора недочеты второго порядка, и я не сомнѣваюсь, что здѣсь я расхожусь съ А. И. Садовымъ во мнѣніи до діаметральной противоположности: онъ считаетъ достоинствомъ своего труда то, что и называю недочетомъ. Съ извѣстной точки зрѣнія конечно авторъ правъ. Все дѣло объясняется одною чертою характера А. И. Садова почтенною по своей сущности, хотя и неудобною для читателей. Очевидно онъ ригористически строгъ въ своихъ взглядахъ на *ἥθος* писателя, на обязанность всякаго автора—быть добросовѣстнымъ въ указаніяхъ на дѣйствительные источники своей эрудиціи. Съ крайнею опасливостію онъ старается отклонить отъ себя самую возможность подозрѣнія, будто онъ хочетъ своимъ знаніямъ приписать бѣльшую объективную литературную цѣнность, чѣмъ та, каковую они имѣютъ на дѣлѣ. Если онъ знаетъ, что извѣстный выводъ изъ первоисточника—будь это мысль самая естественная и заурядная—дѣлаетъ не онъ первый; онъ непремѣнно отсылаетъ читателя къ какому нибудь изъ предшествующихъ ученыхъ. Въ своемъ литературномъ пуританизмѣ авторъ не рѣшается взять на свою совѣсть даже простой ссылки на первоисточникъ, если ему самому данная цитата стала известна лишь изъ вторыхъ рукъ. Мѣстами въ этомъ направленіи онъ доходитъ положительно до виртуозности. Напр. (стр. 2 прим. «сравн. впрочемъ» и т. д.) онъ предлагаетъ читателю навести въ двухъ мѣстахъ справку, чтобы только узнать, что въ 1888 г. въ изданіи, котораго у А. И. Садова видимо не было подъ руками, въ *Sitzungsberichte der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München* помѣщена статья мюнхенскаго старокатолическаго проф. *Фридриха*: «О неподлинности декреталии папы Геласія I de recipiendis et non recipiendis libris».—Русскихъ ученыхъ авторъ цитуетъ, кажется, всякій разъ, какъ представляется хотя малѣйшій къ тому поводъ, безъ всякой необходимости. Напр. стр. 142 пр. 6 и стр. 158 пр. 5 слѣдовало бы прямо замѣнить ссылками на св. Іустина, св. Теофила и Тертуллиана; но повидимому авторъ не желаетъ ни одной мысли и ни одной цитаты признать общимъ

достояніемъ науки, надъ которымъ никакая личность не имѣетъ правъ собственности.

Исполнѣ признавая благородство побужденій, которыми авторъ руководится, я не могу не видѣть тѣхъ неудобствъ, которыми эта манера цитатіи создаетъ для читателя. Вотъ примѣры:

1. Стр. 35 прим. 1. Авторъ находитъ «болѣе вѣроятнымъ», что Лактанцій зналъ о сочиненіи Арнобія,—и представляетъ на то свои мотивы. Два изъ нихъ выражены настолько ясно, что ученый читатель имѣетъ полную возможность отнестись къ нимъ критически и принять или не принять ихъ.

(Ихъ можно оспаривать напр. на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Сношенія Галліи съ Фригіею при Маркѣ Авреліи падаютъ на такое время, когда юная галльская церковь—такъ сказать—не имѣла еще своей исторіи, не начала жить своею мѣстною жизнію, создать для себя кругъ мѣстныхъ животрепещущихъ интересовъ. Но къ началу IV вѣка многое стояло не такъ, какъ въ третьей четверти III вѣка, и универсализмъ церковной жизни былъ ослабленъ подъ вліяніемъ мѣстнаго интереса.

б) Вѣроятно *первое* значительное произведеніе латинскаго христіанства, «Apologeticus» Тертуліана возбудилъ къ себѣ интересъ и на востокѣ, во-первыхъ—какъ явленіе новое въ литературѣ, во-вторыхъ—по самому своему содержанію, какъ консультанція опытнаго юриста по процессамъ противъ христіанъ. Арнобія же былъ далеко не Тертуліанъ).

Но между этими аргументами стоитъ цитата: «См. еще Извъкова, «Іерархія сѣв.-афр. церкви», 156 и ок.».—Подобная цитата—скажу прямо—портитъ для ученаго читателя все примѣчаніе: будь онъ отличнѣмъ знаткомъ древней церковной исторіи, онъ все же не осмѣлится рѣшить вопроса: стбитъ ли «смотреть еще» то сочиненіе, къ которому его отсылаютъ? И если этого сочиненія у него не окажется подъ руками, онъ не рѣшится придти ни къ какому опредѣленному заключенію и по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли согласиться съ авторомъ относительно знакомства Лактанція съ сочиненіемъ Арнобія или не слѣдуетъ. Иное дѣло, если бы авторъ къвинтъ-вещенію своей ссылки формулировалъ такъ: «См. еще Euseb. h. e. 7, 30,1 у Извъкова — —, 157». Тогда простой справки съ первоисточникомъ было бы достаточно, чтобы понять, что этотъ аргументъ и въ самомъ лучшемъ случаѣ

(если показаніе Евсевія понимать и такъ, какъ—вслѣдъ за Moggelli—понялъ его г. Извъковъ) къ дѣлу не относится, такъ какъ у Евсевія рѣчь объ энцикликѣ антиохійскаго собора, 269 г., а это далеко не то, что чисто литературный трудъ Арнобія.

2. Стр. 77 пр. 1: «цитаты изъ рѣчи имп. Константина къ отцамъ никейскаго собора, въ которой упоминалась *Ἐρωδραία Συβύλλα*». Нѣтъ, въ рѣчи къ отцамъ никейскаго собора (Euseb. vit. Const. 3, 12) императоръ сивиллы не упоминалъ. Цитата взята изъ «Constant. ad sanctorum coetum oratio, 18,2» (τῷ τῶν ἀγίων συλλόγῳ = τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦ Θεοῦ = христіанамъ). Но за эту цитатю авторъ отсылаетъ читателя не къ Vita Constantini Евсевія кесарійскаго, а къ *Александрю*, французскому издателю «Oracula Sibyllina».

3. Стр. 102 пр. 4.—Если понять выраженія, взятые авторомъ изъ «пособій», въ смыслъ буквальный, то получается и нелѣпое и оскорбительное для памяти Евсевія кесарійскаго предположеніе, будто онъ, митрополитъ первой Палестины, т. е. епархіальный начальникъ надъ Іерусалимомъ, и ученый авторъ сочиненія «Περὶ τῶν τοπικῶν ὀνομάτων», думалъ, что «Іерусалимъ» получилъ это названіе отъ имени «Соломона»! Но ничего подобнаго Евсевій и не думаетъ (cf. Onomastica Sacra, alterum ed. P. de Lagarde, Göttingae 1887, p. 267). Рѣчь идетъ о слѣд. строкахъ: «Περιβαλεῖν δὲ (Σολομῶνα) καὶ τὰ Ἱεροσόλυμα τὴν πόλιν τεῖχεσι καὶ πύργοις καὶ ταφροῖς, οἰκοδομῆσαι δὲ καὶ βασιλεία ἑαυτῷ. Προσαγορευθῆναι δὲ πρῶτον μὲν τὸ ἀνάκτορον ἱερὸν Σολομῶνος, ὕστερον δὲ παρεφθαρμένως τὴν πόλιν ἀπὸ τοῦ ἱεροῦ Ἱεροσαλήμ ὀνομασθῆναι, ὑπο δὲ τῶν ἐλλήνων φερωνύμως Ἱεροσόλυμα λέγεσθαι». Но эти слова принадлежатъ эллинисту-иудею Евполему (ж. въ 158 г. до Р. Хр.), и за его вздорныя фантазіи (какъ видимъ, Евполемъ думаетъ, что во Іерусалимѣ и во дни Соломона говорили уже *по-гречески*) Евсевій отвѣчать не можетъ. Вмѣсто ссылки на Migne и Büchemann, авторъ долженъ бы былъ, провѣривъ это мѣсто, цитовать его технически точно: «Eupolemus apud Euseb. Praeparat. Euang. 9, 34, 8».

4. Стр. 205 пр. 1. Приводятся даже два «пособія», Винклеръ и Розенмюллеръ. Читатели могутъ предположить, что наука этимъ ученымъ очень обязана за правильное истолкованіе разсматриваемаго мѣста. На дѣлѣ авторъ долженъ бы былъ восполь-

зоваться указаніемъ Брандта и поставить только цитату: «Syr-rian., Testimonia, 2,22». Тема этой главы: «Quod in hoc signo cru- cis salus sit omnibus, qui in frontibus notentur». Св. Кипріявъ ра- зумѣеть при этомъ слѣд. мѣста св. Писанія: Іезек. 9, 4—6; Исх. 12, 13; Апок. 14, 1; 22, 13. 14. Лактанцій въ разсматриваемомъ мѣстѣ несомнѣнно пользуется св. Кипріяномъ.

в) Примѣрами неправильности третьяго рода могутъ слу- жить слѣд. два мѣста:

1. Стр. 12 пр. 1. Почему здѣсь первое мѣсто предоставлено цитатѣ «Migne VI, 75, adnot.», для меня непонятно. Содержаніе названной adnotatio—вполнѣ убогое.

2. Стр. 11 пр. 5. Опять, въ ряду авторитетовъ, на первомъ мѣстѣ являются Teuffel-Schwabe, ученая компетентность которыхъ въ вопросахъ исторической географіи далеко не без- спорна, а имя «Н. Кіерертъ», т. е. авторитетъ перваго ранга, ютится на послѣднемъ мѣстѣ. Славное имя *Моммсена* (Th. Mommsen, *Römische Geschichte* [Berlin 186], V, 626. 634 и «Карта II: «Hispania und Africa», начертанная Кіерертъмъ) не упомянута вовсе. А сочиненіе А. Schwarze, *Untersuchungen über die äussere Entwicklung der africanischen Kirche mit besonderer Verwertung der archäologischen Funde*, Göttingen 1892, въ которомъ, SS. 15. 16, вопросъ о нумидійской границѣ разсматривается по- подробно, конечно осталось неизвѣстно автору. Такимъ образомъ русскій читатель не встрѣчаетъ отъ автора надлежаще твердаго руководства въ выборѣ между авторитетами, и самый спорный вопросъ предъявленъ въ невѣрномъ освѣщеніи.

А. И. Садовъ возражаетъ проф. Брандту на почвѣ строгаго *классической*; между тѣмъ Брандтъ говоритъ о времени Арнобія, т. е. о времени почти *византійскомъ*. Русскій читатель едва ли вѣрно опредѣлитъ, насколько извинителенъ или тяжекъ lapsus, допущенный Брандтомъ, и едва ли пойметъ, что споръ идетъ pro nihilo.—Ученые нисколько не сомнѣ- ваются въ томъ, что на мѣстѣ древней Sicca Veneria стоитъ нынѣшній городъ al-Kéf $\varphi = +36^{\circ}9',54$ $\lambda = +8^{\circ}44',76$ Green- wich въ Тунисѣ, въ 37 — 38 километрахъ отъ алжирской гра- ницы (Н. Кіерерт, *Nouvelle Carte de la Regence de Tunis*, Echelle de 1 : 800000, Berlin 1851). Что *никогда* городъ Sicca Veneria лежалъ въ Нумидіи, тоже не спорить никто.

Но,—разсказываетъ *Моммсенъ*:—еще въ 37 г. по Р. Хр. состоялся раздѣлъ, по которому восточная часть прежней (цезаревской) провинціи Africa «удержала древнее наименование Africa и осталась подъ властію проконсула, а западная часть провинціи, съ главнымъ городомъ Киртою, подчинена была командиру африканскаго легіона».—*Sicca Veneria* лежала въ первой изъ этихъ частей, и та полоса земли, на которой лежалъ этотъ городъ, носила точнѣйшее названіе «*Numidia Proconsularis*». Вопросъ, возбужденный А. И. Садовымъ, получаетъ такую постановку: въ наименованіи «*Numidia Proconsularis*» что важнѣе: существительное «*Numidia*» или прилагательное «*Proconsularis*»? Какъ дѣло стояло съ точки зрѣнія интересовъ практическихъ, видно изъ того, что въ написанъ одна и таже дорога называется то «*via a Karthagine Thevesten*», то «*via a Carthagine usque ad fines Numidiae provinciae*». Граница «провинціи Нумидіи» пролегалась слѣдовательно, около Тевесты, нынѣ *Tebessa* $\varphi = +35^{\circ}23',84$ $\lambda = +8^{\circ}6',47$ Greenwich. — *Sicca Veneria* лежала въ 103 километрахъ прямолинейнаго (къ NEgN) разстоянія отъ Тевесты, т. е. была ближе къ Карраегену, чѣмъ Тевеста, слѣдовательно находилась не въ «провинціи Нумидіи». Во времена Діоклетіана (*Laterculus Veronensis* 297 г.) вмѣсто «*Africa Proconsularis*» и «*Numidia Proconsularis*» упоминается одна «*Provincia Proconsularis*», и это названіе удерживается и далѣе въ исторіи (напр. въ *Notitia Dignitatum*, въ *Laterculus Polemii Silii* 449 г., въ *Notitia* 484 г., въ дѣяніяхъ карраегенскаго собора 419 и 525 гг.; «*provincia Carthaginensis*» въ дѣяніяхъ карраегенскаго собора 418 г.). Слѣдовательно Брандтъ допустилъ бы болѣшую неточность, если бы сказалъ, что *Sicca* лежитъ въ *Нумидіи*. Выраженіе «въ *Africa Proconsularis*», въ которомъ преимущественно важно слово «*Proconsularis*», достаточно точно для времени Арнобія: оно прямо говоритъ, что Арнобій дѣйствовалъ въ провинціи сенатской (не императорской) и былъ подвѣдомъ не легату легіона и не консуляру, а проконсулу Африки.

Г. Нельзя не замѣтить и того, что самъ авторъ подавленъ широтою своей эрудиціи. Онъ задался мыслию—написать небольшую книгу, сочиненіе, пріемлемое—по своимъ размѣрамъ—

не для десятковъ избранныхъ между избранными, а—можетъ быть— для сотенъ хорошо образованныхъ русскихъ читателей, интересующихся церковно-историческими вопросами. Ограничивъ себя въ этомъ отношеніи, авторъ естественно затрудняется въ выборѣ того немногаго, что слѣдуетъ сообщить читателю, изъ того весьма многого, что авторомъ изучено и для науки весьма не безразлично, но—къ сожалѣнію—не для всѣхъ читателей интересно. И вонечно—мѣстами—съ нимъ можно не соглашаться, можно находить, что иное слѣдовало бы опустить, а о другомъ сказать подробнѣе.

1. Напр. (стр. 122 пр. 3), если Брандтъ извѣстную мысль «раскрываетъ прекрасно» и даетъ «вообще весьма тонкую характеристику» Лактанція какъ «апологета»; то читатели въ правѣ пожалѣть, что эти прекрасныя страницы Брандта не нашли мѣста въ книгѣ автора ни въ текстѣ, ни подъ строкою.

2. Въ замѣвъ того замѣтку (стр. 42 пр. 3) о «внѣшнемъ видѣ сочиненій» Лактанція можно бы опустить, потому что только справка съ текстомъ пролегоменъ Брандта можетъ внести свѣтъ въ эти слишкомъ лаконическія строки.

3. Равнымъ образомъ, читатели вѣроятно предпочли бы, чтобы имъ сказали, въ какихъ именно рукописяхъ встрѣчается столь своеобразное евангельское чтеніе, и не поспѣвовали бы, если бы и не узнали, какъ заблуждался на этотъ счетъ Бюнеманнъ (стр. 99 пр. 1). То вѣдь фактъ, что въ настоящее время мнѣнія Бюнеманна не раздѣляетъ никто.

Такимъ образомъ задача—служить потребностямъ русской богословской литературы настолько трудна и осложнена такими противорѣчивыми ингредиентами, что не удивительно, если авторъ справляется съ нею не всегда счастливо.

III.

Вторая задача, которую ставитъ себѣ авторъ,—критическая провѣрка результатовъ, къ которымъ пришли предшествующіе ученые, писавшіе о Лактанціи.

По своей сущности и всякая критика есть искусство; а всякое искусство трудно. Легче критиковать чужую критику, чѣмъ

самому написать цѣнную, безошибочную критическую работу. Говоря это, я хочу показать, что придаю самъ крайне относительное значеніе и своимъ замѣчаніямъ противъ нѣкоторыхъ сторонъ критики автора. Тѣмъ не менѣе я считаю возможнымъ высказать слѣд. основныя положенія:

1. Такъ какъ успѣхи историческихъ изслѣдованій весьма существенно зависятъ отъ количества и качества наличныхъ историческихъ данныхъ, и *увеличить* ихъ количество нисколько не зависитъ отъ воли самого ученаго (онъ въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ только критически опредѣлить ихъ качество, а это—въ большинствѣ случаевъ—лишь *сократить* ихъ количество): то всякая ученая историческая работа неизбежно выполняется при *довольно скромномъ мнѣніи* о самой себѣ. Собственно говоря, всякое историческое сочиненіе о какомъ либо лицѣ или событіи напр. IV в. должно бы начинаться такъ:

«Предполагая, что письменность IV в. была вѣрнымъ отображеніемъ современной исторической дѣйствительности и что сохранившіеся до нашего времени остатки этой литературы (въ подлинныхъ произведеніяхъ авторовъ IV в. или въ переработкѣ у писателей позднѣйшихъ вѣковъ) представляютъ вѣрное въ существенномъ, хотя и миниатюрное, отображеніе письменности IV в. въ ея цѣломъ: я имѣю сообщить благосклонному читателю нижеслѣдующее».

Если такого заявленія въ началѣ историческихъ изслѣдованій не дѣлаютъ *explicite*, то—просто потому, что всѣми разумѣющими дѣло такая оговорка предполагается *implicito*. И кто, по своимъ научно-критическимъ началамъ, не считаетъ возможнымъ допустить двухъ вышеупомянутыхъ предположеній, для того всѣ историческія изслѣдованія неизбежно будутъ казаться совсѣмъ пустою тратою времени.

2. Поэтому и историческая критика должна всегда ограничиваться разборомъ только *второй* посылки въ силлогизмъ историческаго изслѣдованія, не затрогивая *первой*,—должна всегда начинать признаніемъ *достаточности* наличнаго состава источниковъ для данныхъ научныхъ цѣлей (*первая посылка*) и критиковать лишь то или другое примѣненіе этихъ данныхъ, ту или другую оцѣнку ихъ (*вторая посылка*). Но никакихъ апелляцій къ неизвѣстному! Кто не хочетъ примириться съ неустранимымъ

фактомъ ограниченности валичныхъ источниковъ и оспариваетъ достаточность ихъ, тотъ очевидно не имѣетъ литературнаго права пользоваться ими, тотъ не долженъ писать.

3. Именно потому, что историческая наука сама знаетъ эту *лишь условную* достаточность своихъ источниковъ, она не имѣетъ надобности ни въ чьихъ напоминаніяхъ о томъ, что ея построенія не достаточно тверды. Эти напоминанія, какъ простыя формально-логическія упражненія въ пропедевтикѣ, сами близко соприкасаются съ паралогизмомъ-софизмомъ *a dicto secundum quid ad dictum simpliciter*. И только ту историческую критпку можно признать дѣловой, которая не ограничивается бесплодными вздохами по поводу нетвердости того или другого тезиса, а возвышается до постановки *противоположнаго тезиса*, который представляется критпку — *сравнительно* съ оспариваемымъ положеніемъ—болѣе состоятельнымъ (хотя — въ принципѣ и въ *абсолютномъ* смыслѣ—также недостаточно твердымъ). Установка же, вмѣсто положительнаго антитезиса, чисто отрицательнаго *Non liquet* рѣдко бываетъ полезна въ области историческихъ знаній, потому что достаточно извѣстной дозы иперкритическаго унынія, чтобы—подъ чисто научными предлогами—распространить это *Non liquet* и на всю сферу исторически изучаемаго и объявить ее сплошною сахарою.

IV.

Первая часть сочиненія А. И. Садова носитъ заглавіе «Жизнь Лактанція» и предлагаетъ біографическія свѣдѣнія о Лактанціи и—въ связи съ ними—очеркъ его литературной дѣятельности.

Написать біографію Лактанція нѣтъ возможности. Всѣ извѣстныя науки біографическія свѣдѣнія о немъ заимствуются изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ бл. Иеронимомъ.

Если понять завѣреніе А. И. Садова, стр. 2 прим., въ томъ смыслѣ, что сочиненія самого Лактанція служатъ «болѣе важнымъ источникомъ» *даже и «біографическихъ свѣдѣній о Лактанціи»*; то оно будетъ прямо невѣрно: безъ данныхъ у Иеронима изъ сочиненій Лактанція мы узнали бы объ этомъ послѣднемъ такъ немного, что это немногое не далеко отстояло бы отъ «ничего».

Но именно эта скудость фактических данных и побуждает ученых—каждое из них обследовать весьма обстоятельно, взвѣшивать на вѣсахъ ювелира.

I. Биографическія изслѣдованія о Лактанціи приходится начинать съ вопроса о *порядкѣ имени*, изъ которыхъ слагается полное имя этого церковнаго писателя (А. И. Садовъ, 8. 3). Звать ли его Lactantius Firmianus или Firmianus Lactantius? Въ рѣшеніи этого вопроса, по моему мнѣнію, въ 1895 г. колебаній быть не должно.

Въ принципѣ, конечно, ничего не возможно возразить и противъ распорядка:

L. Caelius Lactantius Firmianus.

Такое имя представляло бы строгую аналогію съ именемъ еще болѣе славнымъ:

Q. Septimius Florens Tertullianus.

Разница лишь въ степени производства третьяго имени. «Lactantius: Lactans = Florens: Florentius».

Даже и показаніе Іеровима: «Firmianus qui et Lactantius» не могло бы служить полновѣснымъ доводомъ *противъ* этого распорядка.—Такъ называемыя «signa» (А. И. Садовъ, 8, прим. 1), т. е. имена, отмѣчаемыя связкою «qui et», не всегда занимали непременно послѣднее мѣсто въ ряду прочихъ именъ. Въ отвѣтъ на ироническое обращеніе къ нему одного современника, св. Кипріанъ написалъ ему письмо (epist. 66), начинающееся словами: «Cyprianus qui et Thascius Florentio cui et Puppiano fratri s.». И однако, на основаніи данныхъ строго документальныхъ (съ одной стороны въ proscriptio языческой власти стояли слова: «Si quis tenet uel possidet de bonis Caecilii Cypriani, episcopi christiano», съ другой стороны Galerius Maximus proconsul Cypriano episcopo dixit: «Tu es Thascius Cyprianus?» и затѣмъ decretum ex tabella recitavit: «Thascium Cyprianum gladio animaduerti placet») установлено, что полное имя святителя было «Thascius Caecilius Cyprianus» (не Caecilius Cyprianus Thascius).

Но, неразрѣшимый въ принципѣ, этотъ вопросъ рѣшается категорически на слѣдующемъ статистическомъ основаніи:

Сиглы В Т Р R Н М V S Bob означаютъ codd. Bononiensis saec VI—VII, Taurinensis saec. VII, Pa-

risinus saec. IX, Regius. saec. IX, НМ — X в.,
V— X-XI в., S—XII в.; Bob—catalogus Bobiensis
saec. X.—Въ < > стоятъ слова, писанныя «manu
recentissima», въ ()—слова писанныя «manu
altera», по крайней мѣрѣ едва ли «manu prima»

a	L CAELI	FIRMIANI	LACTANTI	B 5
b	L CAELI	FIRMIANI	B 3
c	L CAELI	firmiani	S 1
d	(c?) CAELII	FIRMIANI	LACTANTI	V 1
e	(L) CAECILII	FIRMIANI	LACTANTI	M 1
f	<L Caecilii	Firmiani	Lactantii>	M 1
g	. Celii	Firmiani	Lactantii	Bob 1
h	. CAELI	FIRMIANI	B 1
i	. (Caecilii	Firmiani)	B 1
k	. CAE LI	FIRMIANI	P 1
l	. CAECILII	FIRMIANI	P 3
m	. .	FIRMIANI	LACTANTI	T 2. P 1. H 6. M 4. S 1.
n	. .	FIRMINI	LACTANTI	V 1
o	. .	FIRMIANI	lactanti	S 1
p	. .	F.	L.	S 1
q	. .	FIRMIANI	R 1
r	LACTANTI	B 1. M 1.
s	. LACTANTI	CAECILII	FIRMIANI	P 1.

Здѣсь приведены всѣ 40 случаевъ, въ которыхъ имя Лактанція упоминается въ apparatus criticus изданія Брандта. За устраненіемъ строкъ q r s, остаются 36 случаевъ. Въ 26 случаяхъ изъ 36 (строки a d e f g m n o p) имя Лактанція читается explicite: «FIRMIANVS LACTANTIVS»; изъ 10 прочихъ случаевъ (строки b c h i k l) или даже изъ 11 (со строкою s) видно, что его звали CAELIVS FIRMIANVS, не Caelius Lactantius, т. е. видно, что имя Firmianus было *третье*, (а не четвертое), слѣдовательно имя Lactantius было *четвертое* и послѣднее. Строка s, очевидно спутанная (ея первоначальный видъ = l или k?), совершенно не авторитетна (подлинныя чтенія P поставлены въ спора строками k l m). И притомъ за порядокъ «Lactantius Cae[ci]lius Firmianus» хотя онъ и аналогиченъ съ «Thascius Caecilius Cyprianus») не стоятъ никто изъ ученыхъ. Итакъ статистическая таблица показываетъ,

а) что въ пользу ряда *Lactantius Firmianus* нѣтъ ни одной рукописной инстанціи и

б) что всѣ 36 (или 37) инстанцій подтверждаютъ распорядокъ *FIRMIANVS LACTANTIVS*.

Слѣдовательно, авторъ не долженъ бы выставлять (стр. 2) формы «*Firmianus Lactantius*» и «*Lactantius Firmianus*» какъ научно равноправныя. Слѣдовало бы форму «*FIRMIANVS LACTANTIVS*» прямо признать за единственно обоснованную и мнѣніе «другихъ» — отъ ветхихъ гуманистовъ (стр. 9, пр. 1) до Фришше (стр. 3, пр. 2) включительно — игнорировать въ виду того, что чтеніи хорошихъ рукописей *V T P R I M V S. Vob.* приведены въ полнотѣ впервые лишь въ изданіи Брандта, которое въ нѣкоторыхъ вопросахъ конечно составляетъ эпоху.

Если автору не угодно признать подавляющее значеніе этихъ 36 — 37 свидѣтельствъ, онъ долженъ бы предварительно доказать, что Брандтъ поступилъ неправильно, исключивъ изъ *apparatus criticus* позднія и — по его мнѣнію — плохіи рукописи, которыя играли значительную роль въ прежнихъ изданіяхъ. Въ послѣднихъ строкахъ стр. 8 А. И. Садовъ повидимому выступаетъ изъ-за твердынь своего нейтралитета и какъ будто даетъ понять, что его симпатія на сторонѣ формы «*Lactantius Firmianus*». Однако — указываемая имъ — «нѣкоторая поддержка», — какъ будетъ показано въ гл. V, — сама еще крайне нуждается въ какой-нибудь поддержкѣ.

II. Тотъ же авторитетъ наилучшихъ рукописей рѣшаетъ и второй вопросъ — о «*nomem*» (*родовомъ имени*) Лактанція. Принимая строку *f* за копию *e* и строку *i* за копию *h*, мы имѣемъ въ остаткѣ 18 инстанцій; изъ нихъ 12 (*B 5. R 4. V 1. S 1. Vob 1.*) въ пользу «*Caelius*» и 6 (*P 5. M 1*) въ пользу «*Caecilius*». При томъ на сторонѣ этого внушительнаго большинства — 5 рукописей съ *B* во главѣ, а на сторонѣ меньшинства — только 2, и изъ нихъ *M* не лестно рекомендуетъ себя съ ореографической стороны уже своимъ «*Lactanci*», а *P*, какъ показываетъ строка *k*, отправляется отъ чтенія «*Caeli*», которое позднѣйшею рукою «исправлено» въ «*Caecili*». Поэтому въ моихъ глазахъ даже то умѣренное возраженіе противъ этого результата, которое авторъ заявляетъ въ

пр. 1 стр. 4, излишне, какъ аппеляція къ неизвѣстному. Въдъ ви одного «кодекса современнаго Лактанцію» до насъ не дошло, и это неустранимый фактъ. А что изводъ П (= P) авторитетнѣе, чѣмъ изводъ ΨX (= BB), авторъ и не думаетъ доказывать.

Итакъ, при настоящемъ состояніи науки слѣдуетъ признать, что Лактанція звали

L[ucius]. Caelius Firmianus Lactantius,
или—еще точнѣе:

L[ucius]. Caelius Firmianus qui et Lactantius.

V.

Третій вопросъ, занимающій биографовъ Лактанція, уже prima facie представляется болѣе важнымъ, чѣмъ оба предыдущіе. *Откуда былъ родомъ Лактанцій?* Изъ Африки или изъ Италіи?—На стр. 5—6 А. И. Садовъ излагаетъ тотъ и другой взглядъ, но кончаетъ опять тѣмъ, что замыкается въ свой нейтралитетъ и объявляетъ «этотъ вопросъ пока еще открытымъ». Но такъ какъ за африканское происхожденіе Лактанція энергично высказался проф. Брандтъ (и высказался вслѣдъ за *Моммсеномъ!*) и третируя поборниковъ итальянской гипотезы заслуженно и неслестно; то авторъ, чтобы доказать, что обѣ гипотезы лишь уравновѣшиваютъ одна другую, разбираетъ въ «приложеніи 1» (стр. 244—250) аргументы Брандта и приходитъ къ выводу, что дѣло поборниковъ итальянской гипотезы стоитъ еще не совсѣмъ плохо.

Какъ и А. И. Садовъ, и знакомъ со взглядами итальянскихъ патріотовъ только по изложенію Брандта, но нахожу, что хейдельбергскій профессоръ третируетъ поборниковъ итальянскаго происхожденія Лактанція слишкомъ академически-нисходительно, и если своею аргументаціе не изорвалъ ихъ гипотезу словно паутину, то лишь потому, что считалъ ее слишкомъ несерьезною, чтобы тратить время на ея окончательное разрушеніе.

Эта гипотеза — нищенская и нищенствующая отъ начала до конца. Она постоянно ждетъ логическихъ подачекъ, проситъ, чтобы представители другого мнѣнія въ ея интересахъ нисходительно допустили что-нибудь такое, чего допускать логически не слѣдуетъ. И конечно великодушная поддержка, оказанная этой гипотезѣ авторомъ, не можетъ закрыть слабыхъ сторонъ ея.

А. Основныя положенія проф. Брандта слѣдующія:

1. Кромѣ Лактанція церковнаго писателя извѣстенъ только еще одинъ Лактанцій, *Seius Clebonianus qui et Lactantius*, упоминаемый въ надгробной написа изъ *Нумиди*.

S. A. Bennett въ W. Smith and H Wace, A Dictionary of Christian Biography (London 1882), 3,617, указываетъ еще «пресвитера Лактанція», подателя посланія епископа Никетія трирскаго имп. Юстиниану (около 555 г.). Migne, S. L., t. 68, col. 380. «Cum Lactantius, ut dicit, presbyter loca sancta per Gallias propter Domini misericordiam visitaret, ante nos apparuit», пишетъ Никетій. Очевидно въ этихъ словахъ нѣтъ ничего, что препятствовало бы и въ «Лактанціи пресвитеръ» (видимо не галльскомъ) признать африканца.

2. Cognomen «Firmianus» вѣрѣдко встрѣчается именно въ Африкѣ и — позволю себѣ прибавить — вполне гармонируетъ съ тономъ именъ африканскихъ.

Фамильныя имена едва-ли не у всѣхъ народовъ по своему происхожденію принадлежать двумъ періодамъ. Въ періодъ чисто органическаго роста, когда имена сами рождаются, они или не выражаютъ ничего, или явно ведутъ свое происхожденіе отъ прозвища. Въ этотъ періодъ являются и такія фамиліи, какъ *Свингинъ*, *Нагой*, *Дурново*, *Бестужевъ*, *Поганковъ*.—Въ періодъ искусственныхъ прививокъ имена сочиняются, и тогда придумываютъ имена содержательно-благозвучныя, похожія на ἐπιθετα ορναντία. Статистика фамилій духовнаго званія въ Россіи вѣроятно показала бы рѣшительный перевѣсъ *Орловыхъ* и *Соколовыхъ* надъ *Галкиными* и *Курицыными*, *Виноградовыхъ* надъ *Рябинными*, *Роз(ан)овыхъ* надъ *Капустинными*, *Остроумовыхъ* надъ *Тупицынными*, *Мудролюбовыхъ* надъ *Дурневыми*. Къ этой второй категоріи относятся и латинскія имена африканцевъ. Если пуніецъ, нумидіецъ или мавръ рѣшался олатиниться, онъ называлъ себя *Victor*, *Felix*, *Fortunatus* и тому подобными громкими именами. Имя *Firmus* съ производными было если не громкимъ, то по меньшей мѣрѣ вполне приличнымъ.

3. Имя Firmianus пропзведено отъ Firmus такъ же просто, какъ Florianus отъ Florus, какъ Primianus отъ Primus, какъ Priscianus отъ Priscus, какъ Marcianus отъ Marcus.

4. Cognomina съ окончаніемъ на ianus представляютъ самое обыкновенное явленіе въ семьяхъ латинскаго языка.

а) Когда у Флавія Сабина и жены его Веспасія Поллы (Vespasia Polla) родился *второй* сынъ, его назвали T. Flavius Vespasianus. Это—императоръ Веспасіанъ. Когда у Веспасіана, въ то время еще частнаго лица, и жены его Флавія Домитиллы (Domitilla, т. е. diminutivum отъ Domitia) родился *второй* сынъ, его назвали T. Flavius Domitianus. Это — императоръ Домиціанъ. Предъ нами очевидно фамильный обычай — давать *второму* сыну cognomen по имени *матери*. — Изъ одной надгробной написи (Salonis, G. Wilmanns, Exempla Inscriptionum Latinarum (Berolini 1873, 2714) видно, что у C. Albucius Menippus и жены его Liguria Procilla quae et Albusia были дѣти C. Albucius Procilianus и C. Albucius Menippus. Здѣсь, въ скромной плебейскій семьѣ, даютъ cognomen по имени *матери* видимо *старшему* сыну.

б) Stemma римскаго аристократическаго рода Авикіевъ, Anicii (O. Seeck въ Prolegomena къ Q. Aurelii Symmachi quae supersunt, въ Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi VI, 1, Berolini 1883, p. XCI), представляетъ слѣдующее любопытное явленіе:

Дядь cos. ord. a. 310 Probus.

Отецъ cos. ord. a. 322 Petronius Probianus.

* cos. ord. a. 341 Petronius Probinus.

Сынъ cos. ord. a. 371 Sex. Petronius Probus.

Племянникъ pf. urbi a. 391 Faltonius Probus Alypius.

Внукъ cos. ord. a. 395 Anicius Probinus.

Внукъ cos. ord. a. 406 Anicius Petronius Probus.

Аристократическій родъ излюбилъ одно cognomen и на пространствѣ пяти поколѣній въ теченіи цѣлаго столѣтія (IV — V в. по Р. Хр.) варьируетъ его въ формахъ Probus-Probinus-Probianus. Въ семьѣ Лактанція могли играть такую же роль cognomina Firmus-Firminus-Firmianus.

Всѣ эти явленія такъ естественны, что имя Firmianus, какъ

сognomen Лактанція, нѣ въ какихъ другихъ объясненіяхъ не нуждается. Но итальянская гипотеза проситъ допустить, что въ имени Firmianus что-то не ясно, что оно нуждается въ какихъ-нибудь другихъ объясненіяхъ, и этотъ искъ итальянскихъ патриотовъ А. И. Садовъ поддерживаетъ слѣдующими соображеніями:

Данныя 1 и 2, конечно въ смыслѣ доказательства чисто статистическаго не особенно вѣскія, онъ отводитъ путемъ апелляціи къ неизвѣстному—къ несохранившимся до насъ написаньямъ (стр. 249), опуская изъ вида, что если «на основаніи *одной единственной* надписи» не слѣдуетъ дѣлать «широкаго вывода», то на основаніи *ни одной* надписи, на чистомъ нулѣ, еще менѣе позволительно что-либо строить.

Относительно пункта 3 авторъ непостижимымъ для меня образомъ голословно замѣчаетъ (стр. 248): «нѣмецкій ученый напрасно называетъ свое объясненіе имени Firmianus вполне надежнымъ».

Изъ пункта 4 авторъ дѣлаетъ выводъ «о не вполне достаточной надежности» объясненія имени Firmianus отъ Firmus, такъ какъ «Брандтъ далъ цѣлыхъ три частѣйшихъ объясненія происхожденія имени Firmianus» [по Брандту, это имя могли дать Лактанцію α) по имени его отца, который можетъ быть имѣлъ cognomen Firmus, β) по имени его матери, которую можетъ быть звали Firmia, γ) по имени одного изъ родственниковъ или знакомыхъ], «и всѣ эти три объясненія призвалъ возможными». Это возраженіе показываетъ, до какой степени криво держитъ свои критическіе вѣсы авторъ. Мы, его современники и сослуживцы, можемъ ли угадать навѣрное, почему его назвали Александромъ? Со стороны представителей исторической науки было бы чистымъ безуміемъ, если бы они покусились не въ видѣ гипотезы, а категорично указать одну и только одну причину (изъ многихъ одинаково вѣроятныхъ), почему родившемуся около 250 г. по Р. Хр. ребенку дали cognomen Firmianus. Отвѣтственность за «цѣлыхъ три объясненія» лежитъ никакъ не на Брандтѣ, а на самой римской жизни, которая создавала *различныя* побужденія для образованія cognomina на ianus. Имп. Августъ называется Octavianus потому, что онъ, нѣкогда Octavius nomine, поступилъ чрезъ *усыновленіе* въ gens Julia. Имп. Веспасіанъ Веспасіемъ никогда не назывался, своей природной gens Flavia никогда не мѣнялъ, потому что никакъ не былъ усыновляемъ, и однако носить cognomen

Vespasianus въ честь своей *матери*. А консуль 322 г. свое *согно-*мен Probianus получилъ видимо въ честь своего *отца*.—Ставя подобную «не вполне достаточную надежность» объясненія имени Firmianus на счетъ гипотезъ объ африканскомъ происхожденіи Лактанція, авторъ и не думаетъ, однако, сравнить это объясненіе съ тѣми *прямыми абсурдами*, которыми пришлось бы замѣнить его, принявъ итальянскую гипотезу. Августъ назывался Octavianus, слѣдовательно онъ родился въ мѣстечкѣ Octavum, очевидно въ 8 римскихъ миляхъ, неизвѣстно лишь, отъ какого города. Императоръ Веспасіанъ родился въ Vespasium, имп. Домитіанъ былъ родомъ изъ Domitium, а консуль Пробіанъ конечно родился въ Probum. Жаль только, что географія ничего не знаетъ о самомъ существованіи этихъ трехъ мѣстностей!

Б. Признавая чужое объясненіе имени Firmianus не вполне надежнымъ, итальянская гипотеза толкуетъ его въ смыслѣ *географическомъ*. Конечно и самые вѣрные ея поборники не могутъ оспаривать того, что подавляющее большинство именъ на ianus имѣетъ смыслъ совсѣмъ не географическій, и лишь очень немногія cognomina—несомнѣнно географическаго происхожденія. Почему же имя Firmianus слѣдуетъ толковать не по аналогіи съ большинствомъ, а по аналогіи съ меньшинствомъ именъ той же категоріи? Очевидно итальянская гипотеза съ перваго шага нуждается въ поддержкѣ со стороны какого-нибудь авторитета. Корифей этого направленія, Мекки, находитъ такой авторитетъ въ Decretum Gelasii, изъ котораго будто бы видно, что уже древніе интересовались вопросомъ о родинѣ Лактанція и, сомнѣваясь въ его африканскомъ происхожденіи, ставили дилемму: «Lactantii siue Africani siue Firmiani». Слѣдовательно уже древніе въ 495—496 г. усматривали въ cognomen Firmianus указаніе на итальянское происхожденіе Лактанція. Проф. Брандтъ счелъ недостаточнымъ указать на то, что Мекки эксплуатируетъ въ свою пользу *ошибочное чтеніе*, отвергнутое Тилемъ на основаніи лучшихъ рукописей, — и не сталъ фальшивый итальянскій доводъ вырывать съ корнемъ. А. И. Садовъ повидимому не имѣлъ подъ руками дорогого и — какъ кажется—рѣдкого уже изданія Тили (Epistolae Romanorum Pontificum Genuinae a s. Hilario usque ad Pelagium II: Tomus I [единственный изданный]: a s. Hilario usque ad s. Hormisdam, ann. 461—523, recens. et ed. A. Thiel, Brunsbergae 1868) и, не проверивъ спорнаго мѣ-

ста, предположилъ, что пререванія идутъ лишь изъ-за рукописныхъ вариантовъ, но самый смыслъ мѣста Мекки изложилъ верно. Поэтому (стр. 5 прим. 2) итальянская гипотеза взята авторомъ подъ защиту и на этомъ пунктѣ. На дѣлѣ же показывается слѣдующее:

Въ *Decretale Hormisdæ* (Thiel, 937), с. 4, п. 11 читаются слѣдующія строки:

Opuscula Tertulliani аросгурфа.
Opuscula Lactantii аросгурфа.
Opuscula Africani аросгурфа.
Opuscula Postumiani аросгурфа.

Тѣ же самыя строки читаются (по лучшимъ рукописямъ) и въ *Decretale Gelasii*, с. 4, п. 8 (Thiel 467). Но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ это мѣсто въ *Decretale Gelasii* подверглось передѣлкѣ. Эти *codices* ведутъ свое начало видимо отъ экземпляра, принадлежащаго какому-то ученому съ довольно значительною эрудиціею. И вѣжется, что поводомъ къ этой передѣлкѣ послужила справна съ первоисточникомъ этихъ строкъ въ *Decretale Gelasii* resp. *Hormisdæ*.

Изъ справки у Тили совершенно ясно, что составитель «декреталій» пользуется здѣсь толкованіемъ блаж. Иеронима *in Ezechielem* I. XI с. 36. [Въ этотъ древній *index librorum prohibitorum* имя Лавтанція (замѣчу въ отвѣтъ на стр. 136 прим. 1 А. И. Садова) занесено за его «*Institutionum volumen septimum*», гдѣ онъ раскрываетъ свои хиліастическія воззрѣнія].

Работу этого ученаго можно—при нѣкоторой способности къ конъектурѣ—прослѣдить шагъ за шагомъ. Во-первыхъ, къ имени «*Postumiani*» онъ прибавилъ «*et Galli*» (въ *codd. F^d F^m H³*). Разумѣются здѣсь *Sulpicii Seueri dialogi de uita s. Martini* (разговариваютъ *Postumianus* и *Gallus*). Прибавить «*et Galli*» было не излишне уже потому, что Иеронимъ пишетъ: «*Seuerus noster in dialogo cui Gallo nomen posuit*». Во вторыхъ, къ имени «*Lactantii*» прибавлено *cognomen* «*Firmiani*». Въ-третьихъ, зачеркнута вся третья строка: имя Африкана у Иеронима не упомянуто вовсе; при томъ же и по чисто хронологическимъ основаніямъ оно между Лактанціемъ и Сульпиціемъ Северомъ († ок. 420 г.) стоять не можетъ. Въ-четвертыхъ, имя Африкана († ок. 240 г.) опять вписано хронологи-

чески правильно между Тертуллианомъ († ок. 220—230 г.) и Лактанціемъ. Такимъ образомъ подучилось чтеніе:

Africani

Lactantii. Firmiani,

которое въ Н³ передано: «Lactantii siue Africani Firmiani», а въ F^d F^f F^m X^k: «Lactantii siue Africani siue Firmiani». Ясно, что въ этой рукописной неурядицѣ рѣшается вопросъ не о томъ, изъ Африки ли родомъ Лактанцій или изъ Фермо, а о томъ, быть или не быть имени Секста Юлія Африкана въ index librorum prohibitorum. И кто хочетъ видѣть здѣсь непременно слѣдъ споровъ о родинѣ Лактанція, тотъ не долженъ бы забывать, что понятіе «родомъ изъ Африки» у латинскихъ писателей выражалось наименованіемъ «Afer» (а не «Africanus»).

Такимъ образомъ, вѣрная своей нищенствующей природѣ, итальянская гипотеза проситъ читателей допустить, что варианты въ Decretale Gelasii имѣютъ географическій смыслъ, говорятъ объ Африкѣ и Фермо, тогда какъ тамъ на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ лишь о Секстѣ Юлія Африканѣ и Фирмианѣ Лактанціи.

В. Предполагаемая итальянскою гипотезою родина Лактанція, итальянскій городъ Фермо (Fermo $\varphi = + 43^{\circ}0'31''$ $\lambda = + 13^{\circ}43'22''$ Greenwich) въ древности назывался Firmum in Piceno (Фірмюм Πιχρῦόν) Strabo, E, 4, 2 p. 241 C a s a u b o n). Итальянскія претензіи терпятъ крушеніе на весьма давнемъ возраженіи: если бы Лактанцій былъ родомъ изъ Фермо, онъ назывался бы а Firmo Firmianus, non Firmianus. И это грамматическое положеніе—безспорно вѣрное и орографія города Firmum Picenum стоитъ непререкаемо твердо. Но поборники итальянской гипотезы просятъ допустить, что городъ Фермо въ древности назывался также и Firmium, потому что у Птолемея (Geographia, 3, 1, 52) онъ названъ Фірмюм. Это послѣднее показаніе, разумѣется, вѣрно. Брандтъ принимаетъ это какъ фактъ, но не допускаетъ лишь обратнаго заключенія отъ «греческой формы» Фірмюмъ къ существованію латинской формы Firmium. А. И. Садовъ (стр. 245) находитъ логичнымъ допустить и это послѣднее. На мѣстѣ проф. Брандта я считалъ бы своимъ научнымъ долгомъ поставить вопросъ: Фірмюмъ у Птолемея дѣйствительно ли представляетъ «другую греческую форму» имени города или составляетъ простую ошибку писателя-грека, безъ лингвистическаго чутія природнаго латинянина? Въдѣ Птолемей

былъ не grammaticus latinus, а математикъ и астрономъ. Онъ пишетъ *математическую географію*, каждое упоминаемое мѣсто подводитъ подъ градусы долготы и широты (Фірмион $\varphi = + 42^{\circ}55'$ $\lambda = + 37^{\circ}30'$ отъ τῶν Μακάρων νήσων). Для подобной работы онъ нуждался въ источникахъ sui generis: автографъ самого Цицерона съ именемъ Firmum Picenum, если при этомъ не было сказано, на сколько millia passuum этотъ городъ отстоитъ отъ Asculum или отъ Сурра montana, не имѣлъ бы для Птолемея никакого значенія (въ грамматической правильности александрійскій астрономъ не особенно нуждался); напротивъ, записка полуграмотнаго матроса или sommis-voyageur съ отмѣтками разстояній отъ города была для ученаго математика преподлезнымъ источникомъ. Что на ореографію Птолемея далеко не всегда можно полагаться, легко понять уже изъ того, что онъ (Geogr. 3, 1, 15) пишетъ „Αὐφιδίου ποταμοῦ ἐκβολαί“. Эту рѣку Страбонъ (s, 3, 9, p. 283) знаетъ какъ τὸν ποταμὸν Αὐφιδῶν, латинское ея имя Aufidus (не Aufidius). Источникъ подобныхъ ошибокъ угадать не трудно. Кто читаетъ—въ титулѣ изданія Брандта—«L. Caeli Firmiani Lactantii opera omnia», тому можетъ показаться, что имя писателя не безспорно: звали ли его Caelus Firmianus Lactantus или Caelius Firmianus Lactantius? Если въ источникахъ Птолемея стояло «fl. Aufidi ostia» или «Firmi» (какъ casus loci), авторъ-грекъ естественно могъ затрудниться производствомъ именительнаго падежа изъ такихъ родительныхъ и написать наугадъ Αὐφιδίου, Фірмион. Однимъ словомъ, грекъ Птолемей—слишкомъ ненадежный авторитетъ въ вопросахъ латинской ореографіи.

Г. Но если даже допустить, что городъ Фермо въ древности дѣйствительно назывался Firmium, итальянская гипотеза отъ этого выигрываетъ очень немного: и тогда Лактанцій назывался бы Firminus или Firmiensis, не Firmianus (по аналогіи съ Patavinus отъ Patavium, Mediolan(i)ensis отъ Mediolan(i)um). На этомъ пунктѣ А. И. Садовъ сдѣлалъ для итальянской гипотезы наибольшее: онъ указалъ существованіе формы «Antianus» отъ «Antium».

Примѣрамъ «Amorianus» отъ «Amorium» и «Summoenianus» отъ «Summoenium» трудно приписать столь же важное значеніе: Ἀμόριον — городъ *греческій*, summoenium — имя *нарицательное*. Что отъ *нарицательныхъ* на ium образуются прилагательныя на ianus, въ этомъ

едва-ли кто сомнѣвался: praetorium—praetorianus, consistorium—consistorianus.

Но и «Antianus»—только аналогія! Между тѣмъ всякій живой языкъ есть тиранія самый капризный и деспотичный: знаетъ только свой usus и не подчиняется «законамъ» даже самыхъ убѣдительныхъ аналогій.

Есть, напримѣръ (въ тверской губерніи), погость *Рождокъ* (родит. *Рожкѣ*) и приходъ *рождковскій*; есть (тамъ же) и уездный городъ *Торждокъ* (родит. *Торжкѣ*), но уезда *торждковского* нѣтъ: есть *новоторжскій*. Точно такъ же отъ Sicca—Siccensis, отъ Cirta—Cirtensis, отъ Serdica—Serdicensis, отъ Arva—Arvensis, отъ Calama—Calamensis; но слѣдуетъ ли отсюда, что и отъ Roma—Romensis? Живой языкъ повелительно требуетъ формы Romanus.

Автору удалось доказать, что—судя по нѣкоторымъ аналогіямъ—форма «Firmianus» отъ Firmium—возможна; но спрашивается: живой языкъ принялъ ли такую форму въ свой usus? Не аналогіи нужны, а примѣры, факты, и они—не въ пользу итальянской гипотезы. Цицеронъ, Ливій, оба Пливин, латинская эпиграфика, не говоря уже о такихъ географическихъ памятникахъ, какъ Itinerarium Antonini и Tabula Peutingeriana, знаютъ только форму Firmianus. Предполагаемая итальянскою гипотезою форма Firmianus не оправдывается латинскою письменностію.

Правда, подъ дѣянiями латеранскаго собора 649 г. подписанъ (Mansi, X, 1168 A) епископъ «sanctae Firmianae ecclesiae»; но этой подписи не придаетъ значенія и самъ Мекки и—не безъ основанія: предъ началомъ дѣянiй этого собора (Mansi X, 868B) имя этого епископа читается въ casus ablativus absolutus: «Jobiano Firmabo». Изъ этого видно, во-первыхъ, что подлежащая латинская рукопись писана очень небрежно въ орфографическомъ отношенiи, а во-вторыхъ—ясно и то, что «firmabo» (черезъ посредство «firmabo»?) получилось изъ первоначальнаго «firmabo», которое подтверждается и греческимъ переводомъ актовъ, въ которомъ въ обоихъ мѣстахъ читается «φορμαβοῦ», «φορμαβοῦ». Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, что «мнѣніе» Бравдта, что «въ греческомъ языкѣ существовала и форма Φορμαβός», *вопль*

доказано. Сожалѣнія автора (стр. 245) повидимому покоятся на томъ, что онъ не могъ провѣрить совершенно глухой ссылки Мекки-Брандта на акты латеранскаго собора 649 г.

Не встрѣчая себѣ поддержки у латинянъ, итальянская гипотеза опять прибѣгаетъ къ греку и пытается убѣдить читателей, будто въ вопросѣ латинской орографіи отъ consensus такихъ авторитетовъ, какъ Цицеронъ, Ливій, Плиній, Inscriptiões, можно апеллировать къ Плутарху, который пишетъ: «Τὸς φῖρμιανὸς οἷς ἀεὶ πιστοῖς ἐχρήσατο» и тотчасъ же опять: «οἱ φῖρμιανοί». Брандтъ къ этому мѣсту лаконично прибавляетъ: «въ смыслѣ Firmiana cohorts, Liv. 44, 40, 5». На дѣлѣ «параллелизмъ» этихъ двухъ мѣстъ вовсе не безспоренъ. Ливій несомнѣнно подъ Firmiana cohorts разумѣетъ когорту, набранную въ Firmum Picenum (это вполнѣ ясно изъ контекста); она въ 168 г. до Р. Хр. принимала участіе въ войнѣ противъ Персея, царя македонскаго. Плутархъ же говоритъ о побѣдѣ, которую въ 191 г. до Р. Хр. М. Поркій Катонъ старшій одержалъ надъ паремъ сирійскимъ Антиохомъ; въ отрядѣ Катона и были эти οἱ φῖρμιανοί. Вопросъ здѣсь не о томъ, тождественны ли объективно эти οἱ φῖρμιανοί съ Firmiana cohorts, но только о томъ, видѣлъ ли самъ Плутархъ въ οἱ φῖρμιανοί отрядъ, набранный въ Firmum Picenum. Но этого ничѣмъ доказать невозможно. Извѣстно, что 22-й римскій легіонъ назывался LEGIO XXII DEIOTARIANA видимо въ честь Дейотара, тетрарха галатійскаго. И Плутархъ могъ предполагать, что οἱ φῖρμιανοί (подъ начальствомъ Катона) назывались такъ по имени какого-нибудь Фирма.

Д. Но красота колонны довершается ея капителю. Мекки считаетъ возможнымъ приписать Лактанцію слѣдующій образъ дѣйствія:

Прибывъ въ Никомидію, Лактанцій рекомендуетъ мѣстному греческому населенію какъ уроженецъ города Firmum Picenum и съ этого времени начинаетъ носить производное отъ этого имени прилагательное «въ греческой формѣ» Firmianus какъ cognomen. Предполагается, во-первыхъ, что никомидійцы питаютъ такую странную привязанность къ формѣ φῖρμιανός или же такое странное отвращеніе отъ формы φῖρμιανός, что съ ихъ симпатіями или антипатіями нельзя было не считаться. На дѣлѣ же Firmum Picenum былъ городъ не греческій, а римская колонія, основанная въ 264 г. до Р. Хр., и при томъ городъ не портовый, и потому малоазійскіе

греки не имѣли даже и особыхъ поводовъ вспоминать о Firmus часто и выработать специальную, излюбленную форму производнаго отъ него прилагательнаго. Во-вторыхъ, прославленный африканскій риторъ Лактанцій является въ Никомидію въ качествѣ лица, обязаннаго научить грековъ говорить классически правильнымъ языкомъ Цицерона, Ливія, Плинія, и самъ же дебютируетъ барбаризмомъ: свое собственное согномен пишетъ въ формѣ, осуждаемой всѣми латинскими авторитетами! Что сказали бы о такомъ профессорѣ русской словесности, природномъ русскомъ, который, прибывъ въ бывшій Дерптъ, чтобы разомъ завоевать себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, рекомендовался бы въ качествѣ доктора русской словесности отъ университета казанійскаго, гесрестиве харковійскаго, гесрестиве кіювійскаго?!

Е. Въ своихъ возраженіяхъ противъ итальянскихъ измышленій самъ проф. Брандтъ допустилъ немаловажную научную непоследовательность: онъ не извлекъ *методически* всѣхъ данныхъ изъ книги блаж. Іеронима de viris illustribus, которыя могутъ уяснить спорный вопросъ. Эти данныя распадаются на слѣдующія четыре категоріи:

- A. cap. 1. «Simon Petrus, filius Iohannis, provinciae Galilaeae e uico Bethsaida».
- cap. 135. «Hieronymus, natus patre Eusebio, oppido Stridonis, quod a gothis euersum Dalmatiae quondam Pannoniaeque confinium fuit».
- B. c. 85. «Eustathius, genere Pamphylius Sidetes, primum Veriae Syriae deinde Antiochiae episcopus».
- c. 96. «Eusebius, natione Sardus et ex lectore urbis Romae Vercellensis episcopus».
- c. 97. «Fortunatianus, natione Afer, Aquileiensis episcopus».
- c. 101. Victorinus, natione Afer, Romae sub Constantio principe rhetoricam docuit».
- c. 107. «Fotinus de Gallograecia Marcelli (анкирскаго) discipulus et Sirmii episcopus ordinatus».
- c. 127. «Maximus philosophus, natus Alexandriae, Constantino poli episcopus ordinatus».
- C. cap. 67. «Cyprianus Afer, primum gloriose rhetoricam docuit — etiam episcopus Carthaginensis constitutus est».
- c. 110. «Optatus Afer, episcopus Mileuitanus».

- D. с. 87. «Athanasius Alexandrinae urbis episcopus».
 с. 99. «Serapion Thmucens episcopus».
 с. 100. «Hilarius, urbis Pictavorum Aquitaniae episcopus».
 с. 116. «Basilius Caesareae Cappadociae quae prius Mazaca uocabatur episcopus».
 с. 129. «Iohannes [Златоустъ] Antiochiae ecclesiae presbyter».

Изъ категоріи А, т. е. первой и послѣдней главы книги, ясно видно, что сообщеніе біографическихъ, этнографическихъ и географическихъ данныхъ Іеронимъ ставитъ одною изъ специальныхъ задачъ своего каталога.—Категорія В (шесть примѣровъ) показываетъ, что эту задачу Іеронимъ и пытался разрѣшить съ возможною полнотою: онъ не затруднялся сообщать даже довольно подробныя біографическія свѣдѣнія, если только располагалъ ими. Особенно тщательно отмѣчалъ онъ происхожденіе тѣхъ писателей, которымъ пришлось жить и дѣйствовать не на своей родинѣ.—Два примѣра С—единственные во всей книгѣ. Слово Afer въ нихъ для меня загадочно. Іеронимъ какъ будто здѣсь погрѣшилъ непослѣдовательностью: съ такимъ же правомъ онъ могъ бы и о Серапіонѣ тмуйскомъ (D, с. 99) сказать, что онъ былъ Aegyptius, и однако не внесъ въ текстъ этого слова. То ли означаетъ категорія С, что Іеронимъ ничего не желаетъ говорить, что хотя сколько-нибудь походить на конъектуру и сообщаетъ одни только завѣдомые, точно ему извѣстные факты?—Категорія D, въ поясненіе которой я выписалъ только пять примѣровъ,—какъ и естественно ожидать, самая обширная. Но всѣ примѣры порядка D допускаютъ одно толкованіе: «точныхъ свѣдѣній о происхожденіи этихъ писателей, — какъ бы такъ говоритъ Іеронимъ,—я не имѣю, но не знаю и ничего такого, что исключаетъ возможность догадки, что эти *virī illustres* жили и дѣйствовали на своей родинѣ». Сообщение Іеронима о Лактанціи (с. 80): «Firmianus qui et Lactantius, Arnobii (ср. А. И. Садовъ, стр. 11) discipulus, sub Diocletiano principe accitus—Nicomediae rhetoricam docuit», очевидно принадлежитъ къ этой четвертой категоріи D. Отсюда получаютъ такіе выводы:

а) Блаж. Іеронимъ, въ распоряженіи котораго былъ такой источникъ, какъ многочисленныя письма Лактанція и его *odeorogicum de Africa*, быть можетъ (если намѣченное выше толкованіе категоріи С не ошибка) не нашелъ въ нихъ прямыхъ указаній

на африканское происхождение этого писателя и потому не считалъ себя въ правѣ сказать: «Firmianus qui et Lactantius Afer», но не встрѣтилъ тамъ извѣстій и о томъ, что онъ родомъ изъ Италіи. Если бы Иеронимъ располагалъ какими-нибудь данными въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то—судя по примѣрамъ В — онъ сказалъ бы объ этомъ ясно. Побужденія къ тому были на лицо: Лактанція мы встрѣчаемъ сперва въ Африкѣ, затѣмъ въ Никомидіи.

3) Въ имени Firmianus Иеронимъ, младшій современникъ Лактанція, не усмотрѣлъ никакихъ біографическихъ указаній, не прочиталъ ничего, что уполномочивало бы его начать главу 80 такъ: «Firmianus qui et Lactantius, natus Firmi provinciae Piceni». Но спустя 1500 лѣтъ послѣ Иеронима явились различные Мекки и Кольвани и прочли все это въ одномъ словѣ: «Firmianus»!. Выборъ между авторитетами Meschi, Colvanni e tutti quanti съ одной стороны и Иеронима—съ другой очевидно не затруднителенъ.

Подвожу итогъ. Попытку Мекки — увѣрить читателей, что Firmianus—все равно, что Firmanus, я, если то возможно, еще рѣшительнѣе, чѣмъ проф. Брандтъ, считаю неудачною отъ начала до конца. Но въ интересахъ аргументаціи допускаю на минуту даже не то, что эта попытка удалась, а нѣчто большее: что Лактанція звали не Firmianus, а Firmanus. И послѣ этого итальянскіе патриоты находились бы не у цѣля, а только у исходнаго пункта ихъ аргументаціи: и тогда на нихъ лежалъ бы опус проbandi, что Лактанцій былъ родомъ изъ Firmum Picenum въ Италіи. Въдь не всякій же Романъ (Romanus) eo ipso родомъ изъ Рима! Между тѣмъ остальные аргументы итальянцевъ въ пользу итальянскаго происхожденія Лактанція не только Брандтъ, но и А. И. Садовъ признаетъ ничтожными (стр. 5 пр. 1).

Итакъ, вопросъ о родинѣ Лактанція, по моему мнѣнію, не есть «вопросъ пока еще открытый»: послѣ аргументаціи Брандта онъ герметически закрытъ для итальянской патриотической паутины; и въ настоящее время на него слѣдуетъ отвѣчать такъ: *Фирмианъ Лактанцій былъ родомъ изъ Африки.*

Этотъ выводъ служитъ для меня точкою отправленія въ слѣдующей главѣ.

VI.

Что значить имя Lactantius? Въ концѣ концовъ А. И. Садовъ (стр. 8)—съ осторожностью въ выраженіяхъ ему свойственно—находитъ «безспорно оригинальнымъ и не лишеннымъ правдоподобія» мнѣніе Брандта, что имя Lactantius «въ дальнѣйшемъ значеніи» имѣетъ «смыслъ: *возрастающій, преуспѣвающій*». Таково послѣднее слово латинской филологіи по этому вопросу. Кто нѣсколько умѣетъ читать и между строками, тотъ безъ особеннаго труда пойметъ, что за «дальнѣйшее значеніе» филологи хватаются потому, что ближайшее значеніе имени Lactantius (отъ Lactans) ставить ихъ въ безвыходное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ Lactantius-Lactans буивадно значить: *мужчины, кормящій грудью*. Отъ такого абсурда филологія укрывается подъ защиту непереходнаго значенія причастія Lactans, т. е. повиимаетъ его въ смыслъ «Lactens». Псал. 8, 3: *изъ оустъ младенца и същнихъ ex ore infantium et lactentium, с о d. A m i a t. lactantium.*

Противъ толкованія Lactans въ смыслъ Lactens возраженій быть не можетъ. Но и «непереходномъ смыслъ» Lactantius=*сосущій грудъ* странно какъ собственное имя. Въ именахъ Valens-Valentius,—разсуждаетъ Брандтъ,—выражается пожеланіе, чтобы новорожденный былъ здоровъ, въ именахъ Florens-Florentius—чтобы онъ отличался *цвѣтушимъ* здоровьемъ, въ именахъ Crescens-Crescentius—чтобы онъ *возрасталъ*. Слѣдовательно въ имени Lactantius можно прочесть пожеланіе, чтобы новорожденный хорошо сосалъ грудъ.—Т. е. человеку желаютъ того, что составляетъ благо лишь въ первые мѣсяцы жизни, а между тѣмъ имя даютъ на всю жизнь! А если Фирмиану хотѣли пожелать собственно *возрастанія и преуспѣянія*, то не проще ли было выразить это, давъ ему имя Crescentius или Florentius?

Всѣ ученые убѣждены непоколебимо, что корень имени «Lactantius» есть *lact, молоко*. Но вѣрно-ли это? Сомнительный успѣхъ толкованій Брандта служить достаточнымъ оправданіемъ для всякой попытки—дать иное, даже радикально отличное отъ прежнихъ объясненіе этого имени.

Блаж. Иеронимъ сохранилъ драгоценное указаніе, что имя Лас-

tantius было собственно signum Фирмиана. Какого рода имена отмечены признакомъ «qui et»? Для иллюстраціи приведу въ-сколько inscriptiones (цитую по Willmannus).

2716. Lambaesi (въ Африкѣ) [L. Cornelio Catoni] qui et Caligatus.

1518. Sarmizegetusae (но тонъ имени рѣшительно африканскій) P. Ael. Sept. Audco qui et Maximus uet(eranus) — et Septimia Septimiana quae et Revocata.

Здѣсь африканцы по какимъ-то побужденіямъ мѣняютъ одно имя на другое.

2498, prope Lugdunum. Около Ліона умеръ купецъ, родомъ сиріецъ, Thaemus Iulianus, Sati filius, Syrus, Θαῦμος ὁ καὶ Ἰουλιανὸς Σαῖδος.

1673. Puteolis. C. Iulio Siluano — natione Bithyno, qui et Diophanes Diophani.

1674. Puteolis. T. Suillio. Albano qui et Timotheus Meniscif., natione Nicaensis.

2621. Romae. L. Aurelius Panniculus qui et Sabanas.

Здѣсь сиріецъ Таймъ чрезъ ὁ καὶ присоединяетъ къ своему природному имени другое, римское имя «Юлианъ». Наоборотъ, въ дальнѣйшихъ примѣрахъ олатинившіеся — по крайней мѣрѣ по имени — восточные чрезъ «qui et» выдаютъ свое нелатинское происхожденіе. Двое изъ нихъ — нивнскіе греки. Третій, Л. Аврелій, вольноотпущенникъ императора, сиріецъ, а можетъ быть и египтянинъ родомъ, поступилъ очень любопытно: свое подлинное имя Sabanas = Σαβανᾶς (отъ σάβανον, саванъ, но собственно холстъ, у армянъ σαταν = drap de lit) онъ перевелъ на латинскій языкъ: Panniculus и принялъ его въ качествѣ cognomen.

Въ заключеніе приведу (изъ Revue Archéologique, III. serie, tome XXV, p. 255, 1894 sept.-oct.; tome XXVI, p. 26, 1895 janv.-févr.) недавно найденную въ Rém'ada въ Триполи латинско-неопунійскую inscriptio bilinguis:

dis. manibus. sac.

apuleus. maxssimus.

qui. et. rideus. uocabatur.

tur. iuzale. f. iurathe. n.

uix. an. l. xxxx. thanubra.

coniunx. et. pudens. et. se

uerus. et. maximus. f.
piissimi. p. amantissimo.
s. p. f.

Чистокровный пувиецъ Ридай (неорипице װײַר), сынъ пуиѣца Юзалы, внукъ пувиѣца Юраты [донатистскій епископъ Iugata Turretamallumensis присутствовалъ на соборѣ въ Карфагенѣ въ 411 г.], женатый на пуиѣкѣ Танубрѣ (неорипице טאַנאַבאַר), въ свою долгую жизнь задумалъ олатиниться: назвалъ себя Апулеемъ Максимомъ и тремъ своимъ сыновьямъ далъ чисто латинскія имена: Пудентъ, Северъ, Максимъ.

Спрашивается: нѣтъ ли самой строгой аналогіи между именами:

L.	Aurelius	Panniculus	qui et	Sabanus,
C.	Iulius	Siluanus	qui et	Diophanes,
T.	Suillius	Albanus	qui et	Timotheus.
	Apuleus	Maxssimus	qui et	Rideus,
	Seius	Clebonianus	qui et	Lactantius,
L.	Caelius	Firmianus	qui et	Lactantius ?

Этотъ вопросъ можетъ показаться рискованно смѣлымъ: имя Lactantius выглядит такимъ безукоризненно латинскимъ, что спрашивается прямо на аналогію съ «qui et Caligatus», «qui et Maximus», «quae et Revocata». Но наружность нѣкоторыхъ именъ обманчива.

А. И. Садовъ (стр. 24 пр.) склоняется къ мысли о «греческомъ происхожденіи» африканскаго ритора *Арнобія* (учителя Лактанція) «въ виду греческаго происхожденія его имени». Это онъ предполагаетъ, не смотря на серьезное предостереженіе *de-Vita*. Справка съ A. Fick.-F. Vechtel, Die griechischen Personennamen (Göttingen 1894, SS. 71. 125) показываетъ, что 'Αρνόβιος какъ греческое имя наукъ неизвѣстно: недаромъ оно—по вѣрному замѣчанію де-Вита—«встрѣчается впервые въ Африкѣ».

И въ самомъ дѣлѣ *Зенобія* (Ζηνοβία), царица пальмирская, развѣ была гречанка? Нѣтъ, она была супруга царя Одената, 'Οδαίναθος, араб. «ud^hayna^hun», ушко Oerschen; она была мать Аеинодора - Вабаллата, 'Αθηνόδωρος Vaballathus, араб. طلبط, даръ (чтимой арабами богини) *аль-Латъ*, которую греки отождествляли со своею Аеиною. Имя Ζηνοβία въ данномъ случаѣ ни съ Ζεὺς-Ζηνός ни съ βίος не имѣетъ ничего общаго; это — до-

вольно распространенное у арабовъ женское имя زَيْنَاب «*zaynab*» [отъ глагола «*zaniba*» *pinguem esse (de homine)*] и значить просто *толстуха*. (P. de Lagarde, Uebersicht über die im Aramäischen, Arabischen und Hebräischen übliche Bildung der Nomina, Göttingen 1889, SS. 168. 169).

Извѣстна напр. Зайнабъ, девятая жена Мухаммада, отношенія къ которой бросаютъ такой невыгодный свѣтъ на характеръ мнимаго «славянника Божія». — Одна изъ каирскихъ мечетей (Gāma' as-Sayyidah Zaynab) называется по имени Зайнабъ, вѣвки Мухаммада.

По аналогіи съ Ζηνοβία *Zaynab* не трудно объяснить и пунійское имя *Арнобій*. Корень *кнв* въ языкахъ еврейскомъ, арабскомъ и сирскомъ удержался въ видѣ существительнаго כַּנָּב , араб. «*knab*», сир. «*knab*», евр. «*knabeth*». Во всѣхъ трехъ языкахъ это имя значить *заяцъ*. Встрѣчающееся въ Африкѣ имя *Leporius* (иппонскій пресвитеръ Лепорій въ 426 г.; нумидійскій епископъ въ 484 г.) быть можетъ представляеть только переводъ на латинскій языкъ чисто пунійскаго имени *ARNOB* = *Arnobius*, замаскированнаго мнимо греческою формою Ἀρνόβιος .

Такою же маскою являются въ Африкѣ и нѣкоторыя формы латинскія.

1. Имя «*Iugata*», по формѣ — причастіе отъ *jugo*, странно только какъ имя мужское. Однако изъ приведенной выше *bilinguis* видно, что правильнѣе это пунійское имя слѣдуетъ писать «*Iugatha*».

2. Нѣсколько нумидійскихъ царьковъ носили имя «*Iuba*». Латинское слово «*iuba*» значить *грива*. Однако подъ *Iuba* несомнѣнно кроется пунійское имя יְבֻבָּל = *y'ubabal* = «*Decus (Splendor) Baalis*».

3. Въ 411 г. на соборѣ въ Каррагенѣ присутствовалъ православный епископъ *Annibonius Abbiritanus*. Въ 484 г. былъ въ Нумидіи епископъ *Annibonius Vadesitanus*. Съ латинскими «*annus+bonus*» это имя не имѣетъ ничего общаго: подобно имени «*Chanebo*», это лишь искаженная или строго фонетически записанная форма громкаго имени *Hannibal* = חַנְנִיבָל = «*Gratia Baalis*».

Въ виду всѣхъ этихъ аналогій не будетъ слишкомъ смѣлымъ и въ *Lactantius* видѣть пунійское же имя.

Въ языкахъ арабскомъ (lāqata), еврейскомъ (laqat) и сирскомъ (laqat) сохранился корень لَقَطَ laqt. Во всѣхъ трехъ языкахъ этотъ глаголъ значить: *подобралъ, поднялъ съ земли*. Араб. «laqāt» (евр. «leqet») значить: *упавшіе на землю во время жатвы колосья* (объектъ), араб. «laqāt» — *подбирание такихъ колосьевъ* (какъ подбирала ихъ библейская Руфь) (дѣйствіе), араб. «laqīt» — *тотъ, кто подбираетъ такіе колосья*. По аналогіи съ формами لَقَطَ и لَقِطَ допустима пунійская форма لَقِطَ LaqTaN, *тотъ, кто постоянно подбираетъ, кто занимается подбораньемъ какъ египетск. Равнумветъ, это laqtan было латинизовано въ lactans и уцѣлѣло въ производной формѣ lactantius.*—Послѣднее имѣетъ окончаніе безспорно латинское. Но подобныя hybridae voces не составляютъ чего-либо чрезвычайнаго въ африканской ономотологіи. Одинъ современный св. Кипріану мавританскій епископъ назывался Iubaianus (= Iubaal=Iuba--ianus). Словомъ, Iuba: Iubaianus=Firmus: Firmianus. Въ Вузасена существовала епископская кафедра въ мѣстечкѣ Iubaltiana (изъ Iubaal=Iubal-t-t+iana).

- - -

Если я не ошибся toto coelo, предлагая такое объясненіе имени Lactantius; то этотъ взглядъ даетъ возможность объяснить слѣдующіе факты, едва ли легко объясняемые, если Lactantius есть доброе латинское имя и значить *преуспѣвающій*.

1. (α) Африканецъ Марій Викторинъ, равно какъ и блаж. Августинъ, тоже африканецъ, называютъ Фирміана Лактанція Лактанціемъ. Быть можетъ это — фамильярность земляковъ. Но грамматикъ Руфинъ антиохійскій, равно какъ и «Sergius plenior», цитуютъ его подъ именемъ Firmianus.

2. Едва ли возможно колебаніе относительно тона, въ которомъ имена съ qui et употребляютъ Аврелій, Юлій, Суллій и Апулей. Всѣ эти латинизовавшіеся восточные видимо желали бы, чтобы ихъ принимали за истинныхъ латинянъ. Отъ своихъ родныхъ именъ они хотѣли бы до извѣстной степени отдѣлаться: для нихъ имена Sabanas-Rideus означаютъ прошедшее, которое они промѣняли на лучшее настоящее.

3. (β) Оба извѣстные Лактанція, и Клебоніанъ и Фирміанъ, прибѣгаютъ къ помощи «qui et»: они—«qui et Lactantii». Они предпочитали бы, чтобы ихъ Лактанціями не звали. И неуди-

вительно, если это имя для пунийскаго уха было приблизительно тѣмъ же, чѣмъ были бы для русскаго фамиліи «Побирохинъ» или «Нищebroдовъ».

4. Впрочемъ имя *Lactantius* могло быть неприятно для романизоваднаго африканца уже просто потому, что это было имя пунийское. Я едва ли ошибаюсь, предполагая, что въ IV—V в. неподкрашенные пунийскія имена въ Африкѣ носили почти такъ же неохотно, какъ свои имена—среднесложные современные русскіе евреи, которые лишь по требованію полиціи называютъ себя Мовшами и Борухами. Латинизовавшійся африканецъ смотрѣлъ уже на пунийскія имена, какъ на что-то чрезвычайно смѣхотворное. Язычникъ Максимъ, мадаврскій (въ *Numidia Consularis*) грамматикъ, въ письмѣ къ блаж. Августину, развязно обозвалъ ихъ «*diis hominibusque odiosa nomina*».

«*Nam quod nomina quaedam punica mortuorum [христіанскихъ мучениковъ] collegisti, quibus in nostram religionem festivas (ut tibi visum est) contumelias iaciendas putares,* — писалъ блаж. Августинъ (epist. 17, al. 44) ему въ отвѣтъ:—*nescio, utrum refellere debeam, an silentio praeterire.* «*Neque enim usque adeo te ipsum obliuisci potuisses, ut homo afer scribens afris, cum simus ntrique in Africa constituti, punica nomina exagitanda existimares. Nam si ea uocabula interpretemur, Namphamo [archimartyrъ ΜΟΥΣΟΥ] quid aliud significat, quam boni pedis hominem, id est cuius aduentus afferat aliquid felicitatis?» «Poeniteat te certe ibi natum, ubi huiusmodi linguae cunabula recalent. Si uero et sonus nobis non rationabiliter displicet, et me bene interpretatum illud uocabulum recognoscis, habes quod succenseas Virgilio tuo, qui Herculem uestrum—uenire optat Namphamonem, de quo tu multum nobis insultare dignares.» «— et tamen punica nomina, tanquam numinum romanorum altaribus deditus, contemnis ac despicias».*

Такое отношеніе къ «пунийскимъ именамъ» въ IV—V в. въ Африкѣ началось конечно не со вчерашняго дня. Когда Флорентій Пупіанъ (см. выше стр. 111) свое письмо къ св. Кипріану адресовалъ не «*Surgiano parae*», какъ обычно дѣлали христіане, а «*Surgiano cui et Thascio*» онъ несомнѣнно хотѣлъ уколоть епископа карфагенскаго, напомнивъ ему его африканское происхожденіе; онъ даетъ ему понять что латинскимъ именемъ *Caecilius Surgia-*

pus зовуть его лишь изъ вѣжливости, на дѣлѣ же онъ—африканецъ Таскій.

При такомъ положеніи дѣла нельзя удивляться, что слабые Воссages и Мисирсае готовы были отречься отъ своего африканскаго происхожденія.

Возможно, что и «qui et Caligatus» и «quaе et Revocata» бросаютъ эти—чисто латинскія по формѣ—имена потому, что всякій латинянинъ ex usu угадывалъ въ Калигатѣ и Ревокатѣ африканцевъ. Ср. Augustin. epist. 41, al. 163: «quamquam enim Donati nomen afrum esse soleat, non tamen repugnaret a uero, ut uel partium illarum aliquis uocaretur nomine afro-uel aliquis afer in illis partibus constitueretur episcopus».

VII.

Если Лактанцій былъ африканскаго происхожденія и носилъ пунійское имя; то очевидно въ этомъ мы получаемъ новую точку опоры и для рѣшенія вопроса, который у А. И. Садова (стр. 92 пр. 1) затронуть только вскользь, потому что такъ поставленъ этотъ вопросъ въ наличной ученой литературѣ. *Зналъ ли Лактанцій еврейскій языкъ?*

По самому существу вопроса въ рѣшеніи его невозможно идти далѣе нѣсколькихъ гипотезъ.

I. Можно думать, что—подобно блаж. Августину—Лактанцій понималъ рѣчь африканскихъ rustici, которые называли себя «runicе шапани», т. е. «хананеями». Вѣроятно онъ могъ и говорить по-пуійски. Въ пользу этихъ предположеній говоритъ тотъ фактъ, что въ IV—V в., т. е. въ такую пору, когда роль пуійскаго языка въ жизни была еще болѣе (сравнительно съ III в.) ослаблена успѣхами прогрессирующей латинизаціи Африки, — даже такой ненавистникъ пуійскаго, какъ Максимъ мадаврскій, понимаетъ этотъ языкъ по меньшей мѣрѣ настолько, что можетъ судить, что имя «Naphtho» Августинъ переводитъ на латинскій языкъ правильно.

Иной вопросъ, за недостаткомъ данныхъ совершенно неразрѣшимый: былъ ли Лактанцій въ состояніи читать и писать по пуійски? Къ счастью, это не имѣетъ особенной важности для,

решения главнаго вопроса, потому что, если Лактанцій и писалъ по пунійски, то по всей вѣроятности писалъ такъ же, какъ и всякій неопуніецъ, какъ напр. писали члены семьи Апулея Максима, qui et Kideus,—т. е. фонетически и безграмотно.

Въ inscriptiones neopunicae особенно характеристичны двѣ особенности:

а) Въ нихъ безобразно часто встрѣчается буква ъ = У, которую въ это время въ Африкѣ уже не умѣли произносить какъ гортанный звукъ характерно семитскій. Достаточно сказать, что чисто латинское имя «Apuleus Maximinus» въ неопунійскомъ текстѣ передано Ѧ [...] 𐤀𐤓𐤀𐤕𐤁𐤓𐤀𐤕𐤁𐤓𐤀𐤕𐤁𐤓𐤀𐤕 «ърулау тѣк ...а».

б) Буквы Ш и У и вообще свистящія-шипящія смѣшваются между собою. Напр. имя IASVCTA пишется то 𐤀𐤒𐤒𐤕𐤕𐤀 «уъсктъп», то 𐤀𐤒𐤒𐤕𐤕𐤀 «уъсктъп».

3. Еврейскаго языка Лактанцій конечно не зналъ и въ развернутой предъ нимъ еврейской библии не прочиталъ бы ни одного слова.

4. Но, какъ русский, не понимающій ни одной буквы въ санскритской книгѣ, можетъ угадать значеніе нѣкоторыхъ санскритскихъ словъ, если предложитъ ихъ ему въ понятной для него транскрипціи, можетъ напр. догадаться, что «tri» значитъ *три*, «ḍatur» *четыре*, «mâtâ» *мать*, «bhrâtâ» *братъ*, «stanati» *стенаетъ*, *стонетъ*, «-ṣayate» *считетъ*: такъ и всякій пуніецъ могъ бы понять смыслъ довольно многихъ еврейскихъ словъ, начавъ читать напр. второй столбецъ октавлъ-эксаплъ Оригена. Сходство финикійскаго языка съ еврейскимъ такъ велико, что нерѣдко подходитъ на тождество.

5. Но второй столбецъ октавлъ, въ которомъ еврейскій текстъ былъ транскрибированъ греческими буквами, не былъ въ обращенія между христіанами въ видъ отдѣльнаго издавія, а октаплы-эксаплы существовали только въ одномъ и единственномъ экземплярѣ въ кесарійской библиотекѣ, и видѣть ихъ имѣли возможность лишь очень немногіе. Поэтому и христіане-пунійцы не имѣли достаточно широкаго поля для примѣненія своихъ лингвистическихъ средствъ, своего матерьяскаго языка, на пользу толкованія св. Писанія. Они могли попробовать свои силы только въ объясненіи собственныхъ библейскихъ именъ, т. е. единственныхъ еврей-

скихъ словъ, которыя въ доступныхъ христіанину текстахъ ветхаго завета были транскрибированы греческими, а затѣмъ и латинскими буквами.

6. Какъ пунійцы толковали собственные имена, можно видѣть изъ слѣд. примѣра: Быт. 10, 18 καὶ τὸν Σαμαραῖον, евр. שַׁמְרַיִן שַׁמְרַיִן «we-eth-haš-šemâîi». Иеронимъ (P. de Lagarde, Onomastica sacra, p. 37) объясняетъ это имя такъ: «Samaraeum lanam meam siue conjunctum meum. sed melius custos». Это sed melius чрезвычайно и плохо и характерно: Иеронимъ писалъ, очевидно, не имѣя предъ глазами еврейскаго текста, потому что custos = שַׁמְרַיִן «šmr» не «šemr», которое стоитъ въ текстѣ.— Совершенно независимо отъ Иеронима толкуетъ это слово неизвестный африканскій христіанинъ, писавшій въ 463 г. сочиненіе «Liber Genealogus», или «Genealogiae totius bibliothecae». Одна изъ разночтностей его сочиненія (а можетъ быть и одинъ изъ его источниковъ) читается въ томъ самомъ T (=codex Taurinensis, olim Bobiensis), въ которомъ сохранился и полный текстъ Epitome Лактанція. Въ обоихъ изводахъ (P. de Lagarde, Septuaginta Studien, Göttingen 1892, II, 9. 32) толкованіе буквально тождественно: «Samaraeus, id est audiuit reum». Толкователь несомнѣнно предполагалъ, что въ еврейскомъ читается ve «šemr», а «šmr гъ» שַׁמְרַיִן. Буква ש поставлена здѣсь съ неопунійскою щедростію.

7. Именно такъ могъ толковать и дѣйствительно толковалъ библейскія имена и Лактанцій. Извѣстны два его опыта, оба неудачные.

α) Онъ думалъ (А. И. Садовъ 92 пр. 1), что слово «sabbatum» (евр. שַׁבָּת) происходитъ «отъ числа семь», очевидно предполагая, что суббота по еврейски пишется שַׁבָּת. Достойное неопунійца смѣшеніе «šbt» съ «šbъt»! Правда, подобное толкованіе (σάββατον ἑλληνιστὶ ἐρμηνεύεται ἐβδόμας) читается уже у св. Феофила антиохійскаго въ томъ сочиненіи (ad Antolyc, 2, 12), которымъ Лактанцій несомнѣнно (D. Inst. I, 23, 2) пользовался; но онъ могъ предложить такое объясненіе и самостоятельно или, по крайней мѣрѣ, могъ замѣтывать его у св. Феофила, убѣжденно соглашась, что это объясненіе правильно.

β) Болѣе загадочно мнѣніе Лактанція (А. И. Садовъ, стр. 102), что Hierosolyma значить «городъ Соломона». Если даже допустить, что Лактанцій читалъ Евполема, то взгляды ихъ будутъ

все же нетождественны: по Лактанцію, самъ Соломонъ далъ *городу* названіе Hierosolyma; по Евполему (ср. гл. II, выше стр. 105), такъ называли городъ невѣжды по ошибкѣ, а собственно это названіе относится лишь къ *храму*. Я предполагаю, что еврейское слово יְרוּשָׁלַיִם или יְרוּ *городъ*, urbs (Vulg. «Ar Moab», ἡ Μωαβίτις, Исai. 15, 1, столица Моав), удержалось и въ пунійскомъ языкѣ. Въ такомъ случаѣ Лактанцій, не подозревая, что Іерусалимъ по еврейски יְרוּשָׁלַיִם , предположилъ, что Hierosolyma въ еврейскомъ текстѣ пишется יְרוּ שָׁלֵם , что въ плавтовской транскрипціи вѣроятно было бы «yru sulumo» *yru sulomo* [ср. לִבְרָחִים *помощь Ваала* = Hasdrubal]; а такое выраженіе и слѣдовало перевести «urbs Solomonia», «городъ Соломона», «столица Соломона».

VIII.

Кто были родители Лактанція? христіане или язычники? Иными словами: самъ Лактанцій былъ ли язычникомъ или христіаниномъ въ то время когда учился у знаменитаго языческаго ритора Арнобія?—Этотъ вопросъ А. И. Садовъ рѣшаетъ на стр. 14—19. Вслѣдъ за Брандтомъ и онъ полагаетъ, что Лактанцій происходилъ изъ языческой семьи. Эту мысль, и по моему мнѣнію совершенно вѣрную, авторъ старается подтвердить различными намеками на языческое прошлое Лактанція, разсѣянными въ его сочиненіяхъ. Мнѣніе Брандта, что это положеніе поставлено вавъ всякаго сомнѣнія словами блаж. Августина въ De doctrina christiana, автору представляется излишне «рѣшительнымъ». Съ своей стороны я нахожу, что проф. Брандтъ стоитъ на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія, но только не умѣлъ взять у Августина всего того, что даетъ онъ. Дѣло стоитъ такъ: если блаж. Августинъ не имѣлъ достовѣрныхъ свидѣній объ этой сторонѣ жизни Лактанція, то и намъ взять ихъ неоткуда; потому что Лактанцій сообщаетъ объ этомъ такъ мало данныхъ, что трудъ автора на стр. 14—15 не приноситъ заслуженныхъ результатовъ. Все, что можно знать объ этомъ, мы знаемъ изъ словъ блаж. Августина. Именно на нихъ и слѣдуетъ обратить все вниманіе.

1. Прежде всего, авторъ напрасно обнаружилъ, вслѣдъ за Юлихеромъ, такое равнодушіе къ вопросу о томъ, о какомъ

именно Викторинъ (стр. 18) говорить блаж. Августинъ. Здѣсь Брандтъ, какъ небогословъ, допустилъ безспорную ошибку. Кто читалъ Augustin. Confessionum l. 8, сс. 2. 5, для того не можетъ быть и сомнѣнія, что Августинъ говоритъ не объ епископѣ петабонскомъ, а о знаменитомъ риторѣ Маріи Викторинѣ, родомъ африканцѣ, который, по словамъ Иеронима (de uir. illustr. с. 101, ср. выше стр. 124), in extrema senectute обратился къ вѣрѣ христіанской. Римская церковь IV в. несомнѣнно пережила одинъ изъ величайшихъ своихъ нравственныхъ триумфовъ надъ культурнымъ языческимъ міромъ, когда Викторинъ, какъ выражается Августинъ, «ille doctissimus senex et omnium liberalium doctrinarum peritissimus, doctor tot nobilium senatorum», сдѣдался христіаниномъ. Въ личной жизни Августина обращеніе этого Викторина въ христіанство имѣло огромное значеніе. «Ubi mihi homo tuus Simplicianus [пресвитеръ медиолаванскій] de Victorino ista narravit, exarsi ad imitandum». Такимъ образомъ, изъ приводимыхъ у Августина лицъ большинство (3 изъ 5) приняла христіанство безспорно въ зрѣлыхъ лѣтахъ, Кипріанъ, Иларій, Викторинъ.

2. Тоже самое *неприменно* слѣдуетъ допустить и о Лавтанціи и Опатѣ.—Ни Брандтъ, ни А. И. Садовъ не выписали слѣдующихъ важныхъ строкъ изъ De doctrina christiana: «Quibus omnibus uiris [вышеупомянутымъ пяти] superstitiosa gentium consuetudo (et maxime illis temporibus, quum Christi recutiens iugum christianos persequeretur) disciplinas quas utiles habebat, numquam commodaret, si eas in usum colendi unius Dei—conuersum iri suspicaretur. Sed dederunt aurum et argentum — nescientes, quemadmodum illa quae dabant in Christi obsequium cederent. Illud enim in Exodo factum sine dubio figuratum est, ut hoc praesignaret». Слѣдуетъ лишь обратить вниманіе на логическій ходъ мысли блаж. Августина въ этомъ отдѣлѣ. Въ Исх. 11, 2; 12, 35. 36 сказано, что, по повелѣнію Божію, евреи «обобрали» египтянъ. Обираютъ — насиліемъ или хитростію — только того, о комъ предполагаютъ, что онъ самъ изъ доброй воли не отдастъ своихъ сокровищъ, въ которыхъ нуждается обирающій. Въ этомъ ветхозавѣтномъ событіи Августинъ усматриваетъ прообразъ христіанскаго modus agendi въ отношеніи къ язычникамъ. Евреи поставлены въ необходимость «обобрать» египтянъ, потому что тѣ не дали бы имя motu proprio ни золота ни серебра: христіане тоже вынуждены «обирать» язычниковъ,

потому что тѣ, по ненависти къ христіанству, не подѣлились бы добровольно съ христіанами своимъ культурнымъ достояніемъ своею высокоразвитою наукою. Для блаж. Августина, слѣдовательно, вопросъ стоитъ совсѣмъ не такъ, какъ для Брандта, мнѣнію котораго авторъ справедливо противопоставляетъ (стр. 17) свои ограничительныя замѣчанія: по Брандту, *христіанинъ* не желалъ бы учиться у язычника; по Августину же, христіанинъ и радъ бы учиться у язычника, но *язычникъ* не сталъ бы учить христіанина. Въ данное время, до признанія христіанства религіею дозволенною, человѣкъ могъ получать хорошее образованіе только въ томъ случаѣ, если или *былъ* язычникомъ или *казался* имъ. Едва ли блаж. Августинъ предполагаетъ послѣднюю альтернативу, т. е. притворство христіанъ. Мысль его, видно та, что само providѣніе устроило такъ, что будущіе свѣточы христіанской мысли рождались въ языческихъ семьяхъ и до зрѣлыхъ лѣтъ оставались язычниками. Уже получивъ прекрасное образованіе, въ языческой школѣ, и такимъ образомъ «обобравъ египтянъ» они принимали христіанство. Очевидно въ такомъ контекстѣ Августинъ имѣлъ право упомянуть Лактанція и Оптата только въ томъ случаѣ, если и они были языческаго происхожденія: Лактанцій-христіанинъ, учившійся у Арнобія-язычника, былъ бы живымъ возраженіемъ противъ главной мысли Августина, что язычниковъ нельзя не «обирать».

IX.

При дальнѣйшемъ обзорѣ *біографическихъ* свѣдѣній о Лактанціи обрисовывается своеобразное препятствіе для оцѣнки датъ, принимаемыхъ А. И. Садовымъ. Какъ почти всегда въ исторіи, о годѣ *рожденія* Лактанція приходится догадываться на основаніи датъ, относящихся къ *послѣднимъ годамъ* его жизни. А установка этихъ послѣднихъ датъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ вопроса *литературно-критическаго*: сочиненіе *De mortibus persecutorum* принадлежитъ ли Лактанцію? Авторъ собралъ цѣнныя—особенно новѣйшія—библіографическія данныя по этому вопросу (XXII—XXV.XXXI.60), но самъ уклонялся отъ его категорическаго разрѣшенія, прикинувъ на этомъ пунктѣ

къ Брандту—такъ сказать—лишь провизорнымъ образомъ. Это—весьма важный пробѣлъ въ книгѣ автора.

1. Какъ справедливо замѣчено еще у проф. *Шаффа*, изъ вѣдѣхъ сочиненій Лактанція *De mortibus*—«самое важное для церковной исторіи». Что это мнѣніе—не преувеличеніе, вотъ выразительное доказательство. Э. *Пройшенъ*, одинъ изъ видныхъ глашатаевъ современнаго воззрѣнія, что *De mortibus* не принадлежитъ Лактанцію,—въ своихъ *Analecta: Kürzere Texte zur Geschichte der alten Kirche* (Freiburg i.B.—Leipzig 1893) изъ «Pseudo-Lactantius», *de mortibus*, выписалъ очень много мѣстъ, а изъ «подлиннаго Лактанція» ни одной строки.

2. Авторъ поступилъ очень непоследовательно и съ точки зрѣнія взятой имъ на себя задачи—служить потребностямъ именно русской богословской науки. По наведенной имъ же самимъ справкѣ оказывается, что и архіеп. Филаретъ черниговскій и профессеры церковной исторіи И. В. Чельцовъ и—вполнѣ отъ него независимый—А. П. Лебедевъ смотрятъ на *De mortibus* какъ на сочиненіе Лактанція. И проф. И. В. Помяловскій этотъ взглядъ признаетъ тоже болѣе обоснованнымъ, чѣмъ противоположное мнѣніе. Теперь же А. И. Садовъ предлагаетъ русскому читателю сдѣлать *volte-face* и начать думать, что авторъ сочиненія *De mortibus*—не Лактанцій,—и предлагаетъ это безъ объясненія причинъ, на томъ единственно основаніи, что гдѣ-то кто-то подсчиталъ чьи-то голоса (стр. 60 пр. 3; ср. стр. 57 прим. 3) и нашелъ, что «большая вѣроятность»—за мнѣніемъ Брандта, что *De mortibus* не принадлежитъ Лактанцію. Русскіе читатели въ правѣ ожидать, чтобы сужденіе о *De mortibus* произнесено было не на основаніи соображеній *in petto*: если и въ русской богословской литературѣ старый взглядъ долженъ пасть, пусть-же онъ падетъ послѣ аргументаціи, которая не оставитъ въ немъ камня на камнѣ.

3. Въ устоячивость вердикта о *De mortibus*, который въ 1895 г. несомнѣнно представляетъ «последнее слово науки», плохо вѣрятъ. Столько разъ «последнія слова науки» оказывались мнѣніемъ только сегодняшняго дня! Стоитъ лишь припомнить, что не далѣе какъ въ 1891 г. самъ Брандтъ (*Ueb. d. Entst.* 26) сказалъ коротко и ясно: «общее мнѣніе въ настоящее время на сторону Эберта», т. е. за подлинность *De mortibus*, и сказалъ это

послѣ подсчета голосовъ на 1½ страницахъ! Съ своей стороны я нахожу, что у Брандта оставлены безъ вниманія голоса университетскихъ профессоровъ церковной исторіи, кажется, на томъ только основаніи, что они подали свое мнѣніе не въ специальныхъ работахъ (т. е. иногда—въ брошюркахъ), а въ курсахъ церковной исторіи. Вотъ небольшой выборъ изъ книгъ, явившихся во второй половинѣ XIX вѣка. По мнѣнію протестантовъ *Баура* (1863), котораго конечно никто не заподозритъ въ консерватизмъ ради консерватизма, *Шаффа* (1869), *Ф. Овербекка* (1875), *Хазе* (1885: «wahrscheinlich der Rhetor Lactantius»), *Веймартена* (1888), *Мёллера* (1889: «oft dem Lactantius abgesprochen, aber schwerlich mit Recht»), старокатолика *Ламена* (1881) и римско-католиковъ *Крауза* (1882: скепсисъ въ видѣ «Lactantius (?)») *Функа* (1886) и аббата *Л. Дюшена* (парижскаго профессора) *De mortibus* есть сочиненіе Лактанція. Такимъ образомъ профессиональные представители церковно-исторической науки до самаго недавняго прошлаго не только въ Россіи, но и за границею не усматривали никакихъ серьезныхъ побужденій оспаривать принадлежность *De mortibus* Лактанцію. — Дѣло стояло столь твердо, что это признавали и историки-небогословы: въ *Abriss der Quellenkunde der Griechischen und Römischen Geschichte* v. A. Schaefer: *Römische Geschichte bis auf Iustinian, zweite Auflage besorgt* v. H. Nissen (Leipzig 1885), S. 90, «L. Caecilius Lactantius Firmianus» фигурируетъ въ ряду историковъ единственно лишь какъ авторъ сочиненія *De mortibus persecutorum*. — Правда, знамя трусости богослововъ въ вопросѣ о *De mortibus* теперь развернуто не только у протестантовъ, но и у римско-католиковъ (*Bardenhewer* въ *Patrologie*, 1894); но долго ли наука будетъ ходить *sub iugo* Брандта, это вопросъ.

4. Для самого А. И. Садова этотъ искусственный нейтралитетъ создаетъ и другія неудобства. Далекое не убѣжденный въ безопасности *De mortibus*, авторъ, отказавшись отъ защиты этого сочиненія, почти капитулировалъ предъ Брандтомъ. Одну изъ самыхъ сильныхъ сторонъ въ изслѣдованіяхъ этого ученаго составляетъ его глубокое убѣжденіе, что *De mortibus* не принадлежитъ Лактанцію. Эта мысль—можетъ быть даже и тамъ, гдѣ она и не сознается Брандтомъ,—отражается на результатахъ его изслѣдованій по другимъ вопросамъ о Лактанціи. Хронологію

послѣднихъ лѣтъ его жизни кейдельбергскій профессоръ начертываетъ твердою рукою, рѣшительнымъ шагомъ направляясь къ опредѣленнымъ (*раннимъ*) датамъ. Не то у А. И. Садова (стр. 56.58). А нѣтъ твердыхъ датъ—нѣтъ ясной обрисовки и положенія Лактанція при Криспѣ.

Отмѣчая этотъ пробѣлъ въ книгѣ автора какъ самый крупный я естественно считаю себя обязаннымъ дать предъ Советомъ отвѣтъ на возможный вопросъ: не возлагаю ли я на автора бремени совсѣмъ неудобносімаго? Въдѣ Брандтъ, написавшій о *De mortibus* тѣ 78 страницъ, которыя произвели несомнѣнный переворотъ во взглядахъ многихъ ученыхъ на это сочиненіе, прямо начинаетъ свое изслѣдованіе заявленіемъ, что «самый важный и самый трудный вопросъ въ области историко-литературнаго изслѣдованія о всемъ томъ, что связано съ именемъ Лактанція, есть вопросъ объ авторѣ книги *De mortibus persecutorum*». И можетъ быть требуется написать особое сочиненіе въ 780 страницъ, чтобы дать обстоятельный отвѣтъ на замѣчанія Брандта.

Я смотрю на «трудность» этого вопроса не столь пессимистически. Въ главномъ и существенномъ я и къ себѣ могъ бы приложить прекрасныя слова проф. Юлихера (А. И. Садовъ, XXV, пр. 1): и во мнѣ возраженія Брандта поселили только твердую увѣренность, что авторъ *De mortibus*—самъ Лактанцій. Но такъ какъ въ настоящій моментъ это мнѣніе можетъ многимъ казаться прямо «отсталымъ» и я не имѣю права съ этой точки зрѣнія *sans phrases* критиковать положенія А. И. Садова, на сторонѣ которыхъ—голоса весьма авторитетныхъ ученыхъ; то я долженъ предложить здѣсь по крайней мѣрѣ контуръ спорнаго вопроса, чтобы дать гг. Членамъ Совета возможность самостоятельно рѣшить, на чью сторону они должны стать въ этомъ ученюмъ спорѣ: на мою ли или на сторону А. И. Садова *sine sententia*? При этомъ я долженъ оговориться, что я намѣренно приступаю къ дѣлу безъ всякой слишкомъ тяжелой арматуры (я намѣренно не знакомился со взглядами моихъ литературныхъ союзниковъ, ср. А. И. Садовъ, XXIV. XXV), чтобы тѣмъ показать, что возраженія Брандта не представляютъ такой грозной силы, какою они многимъ кажутся.

X.

1. Прежде всего, сочинение *De mortibus persecutorum*,—кто бы ни былъ его авторъ,—написано и по Брандту въ Никомидіи «по всей вѣроятности въ первые мѣсяцы 315 г., но можетъ быть и въ концѣ 314 г.» (*Ueb. d. Entst.* 116). Оно написано—по Schaefer-Nissen—«въ концѣ 313 г.». По моему мнѣнію, оно начато вскорѣ послѣ 13 іюня 313 г. и къ концу 313 г. было уже закончено. Пререканія можно свести къ формулѣ: «оно написано

$z+15$ мѣсяцевъ»,

гдѣ «15»—цифра быть можетъ и испорченная, а «z»—нѣкоторый пунктъ времени послѣ 15 мая 311 г., точно авторомъ *De mortibus* не обозначенный и потому опредѣляемый учеными по догадкамъ. Оперируя надъ «формулой столь сомнительной крѣпости, Брандтъ приходитъ къ хронологическому выводу—очень старому и весьма неудобному тѣмъ, что принимающіе его должны неизбежно допустить,

а) что авторъ сочиненія *De mortibus* замолчалъ такое событіе, какъ война между Константиномъ и Ликиніемъ въ 314 г. (у Брандта по этому пункту—извѣстіе словесъ, *SS.* 116.109) и

б) что онъ невѣрно сообщилъ, будто престарѣлую супругу Діоклетіана Приску и ея дочь, супругу Галерія Валерію, предалъ смертной казни Ликиній (какъ можно и даже легко предполагать на основаніи *De mortibus*): ихъ казнилъ побѣдитель Ликинія Константинъ в., согласившійся или и пожелавшій быть исполнителемъ преговора, постановленнаго Ликиніемъ (этотъ выводъ Брандтъ принимаетъ *explicitè*: онъ убѣжденъ въ политическомъ безсердечіи Константина, *S.* 110).

Этихъ двухъ выводовъ, по моему мнѣнію, достаточно для того, чтобы отвергнуть дату Додвелла-Брандта какъ ошибочную. Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что *De mortibus* ближайшимъ образомъ есть поздравительное письмо автора къ исповѣднику Донату по случаю дарованія христіанамъ свободы вѣроисповѣданія (черезъ опубликованіе медиоланскаго эдикта въ Никомидіи 13 іюня 313 г.) вслѣдъ за смертію (въ маѣ 313 г.) послѣдняго

изъ гонителей Максимиана. Въ 315 г. такое поздравительное письмо выглядело бы уже запоздалымъ.

2. Объ авторѣ книги *De moribus* спорить по основаніямъ: а) строго объективнымъ, б) полуобъективнымъ и в) чисто субъективнымъ.

а) Это сочиненіе сохранилось въ одной и единственной рукописи (cod. Colbertinus) XI в. и написано въ ней такъ: «Lucii. Cecillii. Incipit. Liber. ad Donatum confessorem. de moribus persecutorum».—Состояніе вопроса, повидямому—строго объективно, формулируетъ Э. Пройшенъ (въ А. Harnack—E. Preuschen, *Geschichte der Altchristlichen Litteratur bis Eusebius*, Leipzig 1893. S. 740) слѣд. образомъ: «Единственная рукопись, въ которой сочиненіе сохранилось, авторомъ его называетъ не Лактанція, а нѣкоего Л. Цецилія, котораго обыкновенно отождествляютъ съ Лактанціемъ Противъ подлинности—Brandt.»

Для отвѣтки этой формулы предлагаю слѣд. аналогію:

Въ единственной рукописи сохранилось и то посланіе (epist. 96 [97]) Плинія младшаго къ Траяну, на которое императоръ отвѣтилъ рескриптомъ, опредѣлявшимъ положеніе христіанъ предъ римскою властію. Плинія младшаго звали «С. Plinius Caecilius Secundus». Посланіе же написано: «С. Plinius Traiano imperatori». Если-бы какой-либо начинающій ученый «констатировалъ фактъ», что авторомъ посланія рукопись называетъ не Плинія младшаго, не К. Плинія Кекилія Секунда, а нѣкоего К. Плинія, котораго обыкновенно отождествляютъ съ Плиніемъ младшимъ; то конечно серьезные филологи удостоили бы молодого ученаго такой улыбки, въ которой онъ не прочиталъ бы ничего для себя лестнаго. Между тѣмъ слова Пройшена стоятъ въ *standard work*, которое справедливо считается гордостью современной германской богословской учености.

Фактъ, что въ cod. Colbertinus читается «Cecillii», а по-мен Лактанція было «Caelius» (ср. гл. IV стр. 113), разности въ аналогіяхъ не составляетъ, а показываетъ только, что cod. Colbertinus принадлежитъ къ изводу II (=PM).

Пройшенъ въ одномъ предложеніи, разомъ, сказалъ и правду и неправду, слѣдовательно сказалъ неправду. То *правда*, что «авторомъ сочиненія» рукопись называетъ «Л. Цецилія» и т. д.;

но текстъ рукописи не уполномочивалъ Пройшена дѣлать вставку: «называетъ не *Лактанція*, а *нѣкого Л. Цецилія*».

3. Болѣе сложенъ и обстоятельнѣе развитъ взглядъ самого Брандта. Хейдельбергскій ученый далекъ отъ той неправды, въ которую впадаетъ Пройшенъ. De mortibus persecutorum, по мнѣнію Брандта,—написано большимъ почитателемъ (вѣроятно даже ученикомъ) Лактанція. Авторъ сочиненія, вѣроятно риторъ и судебный адвокатъ, былъ отлично знакомъ съ подлинными сочиненіями Лактанція, ловилъ въ нихъ всякій намекъ на новые литературные мотивы и хорошо подражалъ даже самому слогу прославленнаго никомидійскаго ратора. De mortibus явилось въ свѣтъ какъ сочиненіе анонимное. Но уже современники стали думать, что его авторомъ былъ самъ Лактанцій. Иеронимъ былъ въ этомъ твердо увѣренъ, и cod. Colbertinus приписываетъ liber de mortibus не кому либо другому, а именно Лактанцію. Но это мнѣніе, хотя—какъ видимъ—и весьма древнее, ошибочно.—Такимъ образомъ въ толкованіи надписанія «Lucii. Ceciliii» Брандтъ существенно расходится съ Пройшеномъ. Что правъ не Пройшенъ, а Брандтъ, это безъ труда допустить всякій, кто знаетъ, что въ рукописяхъ титулы обыкновенно писали миниаторы, люди съ прекраснымъ почеркомъ, но скудными литературными свѣдѣніями. Миниаторы и каллиграфы далеко не всегда умѣли въ сложномъ имени подчеркнуть настоящее cognomen. Въ этомъ отношеніи интересенъ codex S (см. выше стран. 112 строки sor). Писецъ его такъ неумѣло распоряжается мѣстомъ, что, разрисовавъ унциальнымъ почеркомъ второстепенныя «L. CAELI», самое важное, «firmiani», пишетъ минускулами; далѣе унциалами написано только «FIR», а «miani» продолжено уже минускулами; наконецъ «Firmiani Lactantii» сокращено въ два унциальные инициала F. L. Возможно и то, что и писцу той рукописи, отъ которой cod. Colbertinus ведетъ свое происхождение, просто не хватило мѣста на полѣ для дальнѣйшихъ «Firmiani Lactantii»; равнымъ образомъ не невозможно и то, что эти заключительныя слова повреждены были вмѣстѣ съ краями поля древней рукописи.

4. Признавая, такимъ образомъ, что заглавіе въ cod. Colbertinus указываетъ именно на Лактанція, какъ на автора книги De mortibus, Брандтъ, однако же, въ самой формѣ этого заглавія усматриваетъ слѣдъ того, что первоначально книга вышла въ

свѣтъ анонимно. «Въ высшей степени странно,» — говорятъ Брандтъ, — «что имя автора здѣсь читается предъ Incipit». Дѣйствительно, нормальная форма написанія была бы слѣдующая: «Incipit. Lucii. Cecillii. liber. ad Donatum» etc. Это и даетъ поводъ нѣмецкому ученому заключать, что первоначальный титулъ книги былъ анонимный: «Incipit Liber ad Donatum» etc., а потомъ ех consuetudine прибавили сверху имя предполагаемаго автора. — Меня подобное объясненіе происхожденія отмѣченной странности удивляетъ только потому, что оно предложено не къмъ другимъ, какъ самимъ издагелемъ Lactanti opera. Въ дѣйствительности эта «странность» допускаетъ другое объясненіе въ совершенно противоположномъ направленіи. Въ видѣ unum instar plurimorum выписываю изъ ed. Brandt I. 94 слѣд. образецъ древней подписи по древнѣйшей рукописи В.:

ΑΩ
L. CAELI FIRMIANI LACTANTI DE FALSA RELI-
GIONE LIBER PRIMVS EXPLICIT INCIPIT LIBER SECVNDVS
DE ORIGINE ERRORIS LEGENTI VITA IN. XPO. [HV.
DNO. N.

Т. е., древніе имя автора означали только предъ Explicit, а въ непосредственно слѣдующемъ затѣмъ Incipit его опускали. Предположимъ, что въ cod. Nononiensis слово Explicit заканчиваетъ собою послѣднюю строку страницы 96-й, т. е. составляетъ послѣднее слово 6-го quaternio. Тогда съ Incipit начинается новая (97) страница и новое (7) quaternio. Если бы на этомъ мѣстѣ рукопись случайно разорвалась, и конецъ ея, начная съ 7-й тетради, поступилъ бы во владѣніе другому лицу, то новый собственникъ имѣлъ бы предъ собою только титулъ: «Incipit liber secundus» etc. безъ имени автора, и если оно было владѣльцу рукописи извѣстно, онъ конечно приписалъ бы его на свободномъ верхнемъ полѣ, и получилось бы «въ высшей степени странное» чтеніе: «L. Caeli Firmiani Lactanti Incipit liber» etc., совершенно похожее на чтеніе въ cod. Colbertinus. — Такимъ образомъ это послѣднее чтеніе вовсе не доказываетъ того, будто liber de mortibus въ IV в. явилось анонимно: «странность» безъ труда объясняется тѣмъ, что это сочиненіе входило въ составъ цѣлаго сборника твореній Лактанція, но стояло тамъ не въ началѣ, а въ среднѣ или въ концѣ.

Итакъ, принадлежность книги *De mortibus* Лактанцію засвидѣтельствована рукописно не менѣе твердо, чѣмъ и подлинность другихъ его произведеній (если оставить въ сторонѣ ту случайность, что это сочиненіе сохранилось въ одной и единственной рукописи). Другими словами: *по основаніямъ строго объективнымъ оспаривать подлинность сочиненія De mortibus невозможно.*

5. Затѣмъ Брандтъ указываетъ два полуобъективныхъ основанія противъ подлинности *De mortibus*.

а) Первое изъ нихъ—весьма значительное различіе въ слогахъ между *De mortibus* и другими несомнѣнно подлинными произведеніями Лактанція.

Полуобъективными я называю эти основанія потому, что другіе изслѣдователи находили, напротивъ, большое сходство въ слогахъ. Сподна не оспариваетъ этого и самъ Брандтъ, но только объясняетъ это сходство иначе (авторъ книги *De mortibus* хорошо подражалъ слогу Лактанція) и затѣмъ полагаетъ, что различіи въ слогахъ больше, чѣмъ сходства. Однако вопросъ о враніицѣ между тѣмъ сходствомъ, которое свойственно сочиненіямъ того же самаго писателя, и тѣмъ, котораго достигаетъ хорошее подражаніе оригиналу,—есть вопросъ объективно неразрѣшимый. Здѣсь каждый изслѣдователь мѣрять своими субъективнымъ масштабомъ.

Разности въ слогахъ, отмѣченныя Брандтомъ, производятъ впечатлѣніе... А. И. Садовъ имѣлъ бы поводъ выступить во всеоружіи своей академической спеціальности, если бы принялъ этотъ вызовъ Брандта на почвѣ латинской грамматики и лексики. Мой отвѣтъ на эти доводы Брандта состоялъ бы въ слѣдующемъ:

Самъ Брандтъ признаетъ, что *liber de mortibus* зналъ блаж. Іеронимъ и считалъ подлиннымъ сочиненіемъ Лактанція. Возможно одно изъ двухъ: Іеронимъ читалъ текстъ *De mortibus* или въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ уцѣлѣлъ и до насъ, или не въ томъ видѣ.

И эта послѣдняя альтернатива не представляется невозможною. Наукѣ приходится считаться съ *auctores rescripti*, текстъ которыхъ переписчиками, или—върѣвѣ—редакторами, не искаженъ, если угодно—не интерполированъ, но послѣдовательно исправленъ въ стилистическомъ отношеніи. Такому исправленію подвергались посланія св. Кириана. Церковная исторія Евсевія кесарій-

скаго является, какъ *historia rescripta*, стилистически изукрашенная, въ *codd.* АЕ^a кратическаго аппарата Lämmer - Heinichen. Liber Pontificalis rescriptus наблюдается въ ркп. фамилія Е критическаго аппарата Duchesne. Если допустить это предположеніе и относительно *liber de mortibus*, то станетъ очевидно, что подмѣненные Брандтомъ разности нельзя ставить на счетъ самого автора этой книги: онѣ, можетъ быть, характеризуютъ только литературный вкусъ одного изъ редакторовъ этой книги, изводъ которой сохранился въ *cod.* Colbertinus.

Но конечно проще допустить первую альтернативу, что въ *cod.* Colbertinus текстъ сохранился въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ зналъ *liber de mortibus* и блаж. Иеронимъ. Тогда наблюденія Брандта рушатся отъ столкновения съ авторитетомъ *De viis inlustribus*. Иеронимъ, получившій отличное риторическое образованіе, *ciceronianus*, какъ тонкій знатокъ Цицерона, самый видный совѣтникъ Лактанція въ спорѣ о правѣ на титулъ *Cicero christianus*,—однако не сомнѣвается въ томъ, что *de persecutione liber unus* принадлежитъ автору *Divinarum institutionum*: значить, указанная Брандтомъ разности въ слогѣ не столь ужасны, какъ онъ полагаетъ. Не забудемъ, что Иеронимъ читалъ не только *Institutiones*, но и цѣлыя книги писемъ Лактанція, т. е. зналъ послѣдняго не только во всеоружіи прославленнаго профессора латинскаго краснорѣчія, но и запросто, въ откровенной бесѣдѣ съ близкими лицами.

Получается слѣд. выводъ: *классичностью* своего слога въ главныхъ своихъ сочиненіяхъ Лактанцій обязанъ неуклонному примѣненію правила: «*saepe stylum uertas!*»,—необыкновенно тщательной ихъ отдѣлкѣ. Но этотъ слогъ былъ *искусственный*. Когда же Лактанцію приходилось диктовать наскоро (а это и нужно предполагать относительно *De mortibus*), его языкъ отличался лишь *заурядною* чистотою хорошо образованнаго человѣка IV ст.—Это мнѣніе энергично высказано Фаукзомъ (Foulkes).

6 β) Второе полубъективное основаніе—различіе литературной манеры въ *Institutiones* и въ *De mortibus* (Ueb. d. Entst. 84). Въ *Institutiones* (V, 2, 2; 4, 1; 11, 13. 15) Лактанцій любитъ говорить отъ своего имени: «*ego cum in Bithynia docerem*»; «*et ipse iudici*»; «*uidi ego*». Напротивъ въ *De mortibus* авторъ прячетъ свѣтлыиикъ своей личности подъ спудомъ». Но aa) 3—4

мѣста на цѣлыя семь книгъ Institutionum, это еще не такъ много, чтобы говорить объ этомъ, какъ о литературной манерѣ Лактанція. бб) «Выступать впередъ» съ заявленіями о себѣ чисто заурядными (въ роли напр. «я былъ въ Вноніи») Лактанцій въ De mortibus и не имѣлъ побужденій: Довать, конечно, хорошо зналъ, гдѣ былъ въ то время никомидійскій риторъ. вв) А самое главное: 9) процентовъ свѣдѣній въ De mortibus—такого характера, что Лактанцій и не могъ «выступить» въ роли очевидца: о томъ, что совершалось внутри императорскихъ дворцовъ, онъ, разумѣется, только слышалъ отъ другихъ.

7. в) Дальнѣйшія основанія Брандта я считаю чисто субъективными.

Первое изъ нихъ устранить не трудно. Брандтъ утверждаетъ, что хронологическія данныя De mortibus не позволяютъ считать Лактанція авторомъ этого сочиненія. Авторъ De mortibus несомнѣнно 13 іюня 313 г. (а по Брандту и въ концѣ 314 г.—въ началѣ 315 г.) былъ еще въ Никомидіи. Между тѣмъ Лактанцій уже около 308 г. (Leb. 34) переселился въ Триръ.—Этотъ выводъ представляется шитое бѣлыми нитками бѣстеровъ—прѣстеровъ: изъ двухъ мѣстъ Лактанція (А. И. Садовъ, 54, пр. 1; стр. 16 пр. 1) сдѣланъ выводъ, котораго дѣлать не слѣдовало,—выводъ напрасно принятый безъ протеста и А. И. Садовымъ; а потому на основаніи «всоголасія» съ этимъ выводомъ оспариваютъ подлинность сочиненія De mortibus. Изъ того, что въ Instit. V, 2, 2; 11, 15 Лактанцій, рассказывая о *прошедшихъ* событіяхъ, употребляетъ выраженія: «ego sum in Bithunia docerem», «uidi ego in Bithunia»,—еще не слѣдуетъ, что пятую книгу Institutionum онъ пишетъ уже не въ Вноніи,—все равно, какъ изъ того, что Брандтъ свое предисловіе къ I тому Lactanti opera въ мартѣ 1890 г. подписалъ словами: «Dabam Heidelbergae», еще не слѣдуетъ, что послѣ 1890 г. онъ живетъ уже не въ Хейдельбергѣ.

Но второе возраженіе Брандта отличается большою сложностью, такъ что его нельзя устроить безъ всякихъ околичностей.

XI.

Въ глазахъ самого Брандта всѣ приведенныя выше доказательства противъ принадлежности De mortibus Лактанцію не

имѣютъ такого значенія, какъ то доказательство, о которомъ теперь рѣчь. Брандтъ настаиваетъ на томъ, что нравственная атмосфера въ подлинныхъ сочиненіяхъ Лактанція съ одной стороны и въ книгѣ *De mortibus* съ другой существенно различна, — и, основываясь на этомъ, выѣняетъ себя (*Ueb. d. Entst.* 116) въ заслугу свою попытку — очистить память «честнаго мужа», какииъ былъ Лактанцій, «отъ позора — числиться авторомъ такого низменнаго пасквиля», какъ *liber de mortibus persecutorum*. Такимъ образомъ, хейдельбергскій профессоръ, академически мягко на словахъ, бросаетъ послѣдователямъ противоположнаго мѣннія тяжеловѣсное по сущности обвиненіе — въ недостаткѣ развитаго чувства къ нравственному элементу въ этомъ спорѣ. Они просмотрѣли глубокую противоположность нравственныхъ характеровъ Лактанція-автора *Institutionum* съ одной стороны, и неизвѣстнаго автора книги *De mortibus* съ другой. Это были «люди совершенно различнаго духа» (S. 74). Лактанцій — «честный, гуманный и христіанскій характеръ» (S. 122), «открытая, честная личность съ горячимъ сочувствіемъ ко всему нравственному и человѣчному» (S. 64). Его слова отмѣчены строгою правдивостію. Любовь къ истинѣ и благородное чувство своей самостоятельности въ немъ были такъ развиты, что лесть была ему instinctивно противна. Самому Константину не сказалъ онъ ни одного слова, похожежа на панегирикъ, изъ опасенія, что его могутъ принять за лесть. Напротивъ авторъ сочиненія *De mortibus* то лживъ, то льстивъ до наглости. Онъ останавливается только на темныхъ сторонахъ описываемыхъ имъ личностей, ихъ дѣйствія объясняетъ только самыми низменными побужденіями. Онъ способенъ и на сознательную ложь, и на явную клевету. Брандтъ полагаетъ, что авторъ *De mortibus* «самъ выдумалъ» (S. 76), будто Максиміанъ закончилъ жизнь свою въ страшныхъ мученіяхъ вслѣдствіе неудавшагося покушенія на самоубійство. И не фанатизмъ, не страстность, а холодное, выдержанное безсердечіе натуры этого писателя сказывается въ томъ, что онъ подробно «съ явнымъ наслажденіемъ» (S. 75) описываетъ «смерти гонателей», ихъ долгую агонію, ихъ вопли раскаянія. И никогда не озаряетъ его свѣтлая мысль истиннаго Лактанція, что Богъ милосердъ и пріемлетъ кающагося. Нравственная тупость автора *De mortibus* такъ велика, что, рассказавъ о казни септиміанго и восьмилѣт-

него ребенка, онъ восклицаетъ: «такъ всѣ нечестивые получали по дядямъ своимъ!»—Сущность этого довода Брандта можно формулировать такъ: *психологически невозможно, чтобы авторъ De mortibus и авторъ Institutionum были одно и тоже лицо.*

А. Прѳτων φεῦδος всей этой аргументаціи Брандта—его идеализованное представленіе объ авторѣ Institutionum. Портретъ Лактанція онъ пишетъ исключительно розовыми тонами, надѣляетъ своего Лактанція такимъ обиліемъ добродѣтелей, какія въ дѣйствительномъ Лактанціи существовали едва въ зародышѣ.

1. Былъ ли дѣйствительный авторъ Institutionum такъ правдивъ, какъ увѣряетъ Брандтъ, такъ далеко отъ тѣхъ измѣнностей, которыя въ такомъ обиліи подмѣчаютъ въ De mortibus? Далеко нѣтъ! Самъ Лактанцій въ одномъ мѣстѣ (А. И. Садовъ, стр. 16) риторичку, которою самъ такъ долго занимался, называетъ «arguta malitia». И въ Institutiones онъ не разъ свое искусство являетъ именно въ формѣ arguta malitia, т. е. какъ умѣнье—причинить своимъ краснорѣчивымъ словомъ наибольшій вредъ своимъ противникамъ. А. И. Садовъ, стр. 31, приводитъ in extenso характеристику, которую Лактанцій даетъ двумъ противникамъ христіанства. «Не знаю, чего у нихъ было больше: надменности или ваглости». Таково чуть не первое слово «благороднаго», «человѣчнаго» Лактанція! Прямо предполагаются побужденіи самыя низменныя; о томъ, что эти люди дѣйствовали быть можетъ въ человѣческомъ ослѣпленіи, нѣтъ и помина. И затѣмъ объ одномъ изъ нихъ, учитель философіи, идетъ докладъ, что это былъ человѣкъ чувственный, корыстолюбивый, лстивый, глупый, достойный презрѣнія.—Думая служить дѣлу христіанской истины такими приѣмами, никомидійскій риторъ, повидимому, и не помышляетъ, что лучше бы опровергнуть возраженія этого противника христіанства по существу, потому что, если они были сколько нибудь справедливы (а это именно и могли предполагать язычники-читатели Institutionum), то они и въ устахъ чувственнаго человѣка оставались истинною; а если они были ложны, то жалкій философъ никакими доблестями своего

личнаго характера не могъ замѣнить недостающаго авторитета истины.

2. Полемика Лактанція нерѣдко страдаетъ безпринципностью. Напр. *Inst.* II, 3, приведши слова Цицерона, что не слѣдуетъ вести разсужденій противъ существующей религіи, которой держится народъ, Лактанцій тотчасъ раздражается репликою противъ трусости Цицерона: онъ боится—стало быть—участи Сократа. Но изливъ на древняго оратора потоки обличеній, Лактанцій самъ же указываетъ, что Цицеронъ высказалъ такое мнѣніе потому, что смиренно сознавалъ, что несравненно легче изобличить ложь, чѣмъ обрѣсти истину, т. е. знаменитый ораторъ не видѣлъ, чѣмъ замѣнить несостоятельную языческую религію.

3. Историческое значеніе римской имперіи, по Лактанцію, чрезвычайно высоко: пока она стоитъ, не можетъ придти антихристъ (А. И. Садовъ, стр. 117). И въ другомъ мѣствѣ (тамъ же, стр. 5, пр. 1) Лактанцій показываетъ въ себѣ добраго римскаго патріота. Не трудно уразумѣть, что это міродержавное положеніе доставило Риму побѣды его легионовъ, и можно бы понять и образъ мыслей тѣхъ, которые высоко чтили побѣдителей. Съ этой точки зрѣнія стѣбитъ взглянуть на презрительный отзывъ Лактанція о побѣдителяхъ—въ его глазахъ они стоятъ ниже даже кудачныхъ бойцовъ,—стоитъ прочесть и его глумливую выходку по поводу сравненія Скипіона Африканскаго съ Геркулесомъ (А. И. Садовъ, стр. 214).

4. Одна изъ любимыхъ мыслей Лактанція—доказательство высокаго достоинства человека, какъ ἄνθρωπος, какъ существа, *quod sursum spectet*. Въ *Inst.* II, 1, 15 Лактанцій признаетъ, что *optime ingeniosus poeta signavit*:

pronaque cum spectent animalia cetera terram,

[Богъ] *os homini sublime dedit caelumque videre*

iussit et erecto ad sidera tollere vultus.

Ovid. *Metamorph.* 1. 84.

Но въ *Inst.* III, 9, 4 онъ приводитъ слова Анаксагора, который въ отвѣтъ на вопросъ, для чего онъ родился, сказалъ: «caeli ac solis videndi [causa]», «затѣмъ, чтобы видѣть небо и солнце». Отвѣтъ до буквальности сходный съ «отличными» словами «геніальнаго поэта». И казалось бы для Лактанція не позорно признать въ Анаксагорѣ своего единомышленника. Но «благород-

ный» и «правдолюбивый» никомидійскій риторъ находитъ отвѣтъ древняго философа и пустымъ и непродуманнымъ и начинаетъ осыпать Анаксагора укоризнами за то, что онъ помышляетъ только о глазахъ, только о тѣлѣ, и совсѣмъ не думаетъ объ умѣ (mens). Этотъ споръ ради спора показываетъ ясно, что у Лактанція—два аршина: одинъ для себя, другой—для своихъ противниковъ.

На чествомъ современномъ языкѣ это качество Лактанція пришлось бы назвать «нечестностью въ полемику». *Sprecher* въ этомъ родѣ настолько замѣтны у Лактанція, что ихъ не отрицаетъ и самъ Брандтъ. Только онъ находитъ, что «не слѣдуетъ»—въ извиненіе или объясненіе въкоторыхъ особенностей тона *De mortibus*—«ссылаться на то, что Лактанцій на древнихъ философовъ часто напускается самымъ придирчивымъ и—сказать прямо—непомѣрнымъ образомъ». «То былъ тонъ чисто школьной логомахи, тонъ, который часто принимали сами философы въ своихъ взаимныхъ пререканіяхъ. Напротивъ въ *De mortibus* дѣло идетъ о плоти и крови противниковъ» (S. 78).—Какъ будто—съ другой стороны—дѣло шло не о плоти и крови христіанъ, которые пострадали по милости этихъ «противниковъ»! И какъ будто для Лактанція легче было сохранить академическое безстрастіе въ отзывѣ о такихъ гонителяхъ, чѣмъ въ школьномъ діалектическомъ пререканіи!

5. И основные пункты «апологетической» полемики Лактанція противъ язычниковъ не лишены значенія для сужденія о томъ, насколько тонко въ немъ развита была любовь къ истинѣ. Уже одна цитата изъ «Сивиллы», приводимая въ греческомъ (стихотворномъ) подлинникѣ, показываютъ достаточно, что Лактанцій не къ простецамъ-язычникамъ обращаетъ свое слово, а къ цвѣту языческой интеллигенціи, къ аристократамъ мысли. А какое язычество онъ подвергаетъ разгрому, «destruit»? Да именно то, которое легче всего опровергнуть, которое—предъ такою аудиторіею—и въ опроверженіи не нуждается, — то язычество, которое нашло себѣ выраженіе въ мифологическихъ розказняхъ. Лактанцій назойливо коритъ своихъ слушателей этимъ нелѣпостями, повидимому нисколько не смущаясь тѣмъ, что культурный языческій міръ еще до рождества Христова отъ этой мифологии уже

отвернулся съ омерзвѣніемъ. А съ благороднѣйшими стремленіями греческой и римской интеллигенціи, съ попытками—создать монотеизмъ на развалинахъ политеизма и подъ политеистическою оболочкою,—съ тѣмъ язычествомъ, съ которымъ Оригенъ напр. боролся въ книгахъ противъ Кельса, Лактанцій и не думаетъ считаться.

6. Съ истинною чисто историческою Лактанцій обращается тоже не особенно скрупулезно. Вотъ напр. мѣсто довольно характерное. Inst. IV, 18, 4. 6. «at illi (iudaei) comprehensum (Christum) ac Pontio Pilato, qui tum legatus Syriam regebat, oblatum cruci additi postulauerunt... tum Pilatus et illorum clamoribus et Herodis tetrarchae instigatione m-tuentis ne regno pelleretur, uictus est, nec tamen ipse sententiam protulit, sed tradidit eum iudaeis, ut ipsi de illo secundum legem suam iudicarent». Здѣсь а) довольно незначительный procurator Iudaeae Пилать выданъ за legatus Syriae. б) Настоячино провозглашается явная неправда, будто не Пилать—представитель римской власти осудилъ Христа на распятіе, а сами иудеи. γ) На Ирода четверовластника (о которомъ самъ Пилать, Лук. 23, 15, засвидѣтельствовалъ, что онъ во Христа не нашелъ вины возводится—если угодно—«клевета»), будто онъ требовалъ распятія Господа и требовалъ по низкому побужденію.

7. И «человѣчность» Лактанція была не столь благородной пробы, какъ представляетъ Брандтъ. Лактанцій, напр., полагаетъ, что Богъ ненавидѣлъ іудеевъ, къ которымъ послалъ Сына Своего (ad eos ipsos eum misit quos oderat Inst. IV, 11, 15) и что (А. И. Садовъ, стр. 156) Христосъ по воскресеніи потому отправился въ Галилею, что «не хотѣлъ явить Себя іудеямъ, чтобы не привести ихъ къ покаянію и не исцѣлить нечестивыхъ».—Вообще Лактанцій твердо увѣреалъ, что Богъ не пріемлетъ отъ чловѣка запоздалаго (предсмертнаго въ буквальномъ смыслѣ) покаянія. И въ своихъ Institutiones и въ своемъ сочиненіи De ira Dei никоидійскій риторъ остается вѣренъ самому себѣ: его идеалъ—не всепрощеніе безгравичное и безпринципное, а справедливость не только мплующая, но и строго карающая. Для самого христіанства онъ не находитъ названія болѣе высокаго, чѣмъ «iustitia». На почвѣ этого нравственнаго идеала не трудно между безспорными твореніями Лактанція и книгою De mortibus установить связь самую тѣсную.

8. Въ восхваленіяхъ Брандта Лактанцію видное мѣсто занимаетъ тотъ предполагаемый фактъ, что Лактанцій такъ ненавидѣлъ лести, что выгдѣ не обмолвился ни однимъ панегирическимъ словомъ по адресу Константина в. Предполагаемый фактъ и стоитъ и падаетъ съ вопросомъ о такъ называемомъ «второмъ изданіи» *Disciplinarum Institutionum*, т. е. съ вопросомъ о подлинности двухъ прибавокъ, которыя встрѣчаются въ рѣпп. RSg, но въ прочихъ ркши. не читаются. Это—такъ называемыя *Kaiserreden*, т. е. панегирическія посвятительныя привѣтствія Лактанція императору Константину.

Если эти прибавки въ RSg подлинны, то Брандтъ видимо былъ бы готовъ и Лактанція признать и льстецомъ и лжецомъ (хотя провести точную гранцу между лестью и глубокою, истинною, но африкавски пылко и риторически витѣвато выраженною благодарностью—очень не легко, и у каждаго критерій будетъ здѣсь субъективный). Но Брандтъ полагаетъ, что въ своемъ специальномъ изслѣдованіи онъ доказалъ, что *Kaiserreden* неподлинны. А. И. Садовъ (стр. 57, прим. 3) по этому вопросу держитъ себя уклончиво, сообщаетъ чужія мнѣнія, но—если не ошибаюсь—и самъ расположенъ считать Брандта побѣдителемъ. По моему мнѣнію, Брандтъ блестяще доказалъ, что между слогомъ этихъ прибавокъ и слогомъ подлинныхъ сочиненій Лактанція никакой разницы и усмотрѣть невозможно, и—только. Другія же его доказательства—всѣ фиктивные. 2) Онъ предполагалъ—совсѣмъ не кстати—будто Лактанцій «во второмъ изданіи» непремѣнно уничтожилъ бы всѣ намеки на то, что «первое изданіе» *Institutionum* писано во время гоненій на христіанъ. 3) Заранѣе убѣжденный въ неподлинности книги *De mortibus*, онъ во всѣхъ случаяхъ совпаденія между нею и *Kaiserreden* видитъ указаніе на неподлинность послѣднихъ. 4) Онъ пользуется для той же цѣли и валичными несовершенствами гипотезы «второго изданія», не пытается, напр., поправить хронологическія предположенія послѣдней, а обращаетъ ихъ въ аргументъ противъ нея.

Появленіе «второго изданія» *Institutionum*, по моему мнѣнію, слѣдуетъ представлять такимъ образомъ: Когда до Вѣнны дошли первые слухи о медіолаанскомъ эдиктѣ (въ самомъ концѣ 312 г.—самомъ началѣ 313-го), Лактанцій, лично Константину вѣроятно неизвѣстный (это противъ «*offenbar*»

Брандта, *Leben*, 33), но благоговѣвшій предъ нимъ, какъ императоремъ благосклоннымъ къ христіанамъ, вознамѣрился посвятить ему свои *Institutiones*, къ тому времени уже законченныя, т. е. поднести государю - покровителю христіанъ этотъ свой трудъ въ изящномъ экземплярѣ съ почитательнымъ предисловіемъ: «*Quod opus nonc nominis tui auspicio inchoamus, Constantine imperator maxime*» etc (это—первая *Kaiseranrede*). (Не невозможно и то, что Лактанцій изъ надежнаго источника узналъ, что Константинъ приметъ его *opus* милостиво). Когда Лактанцій писалъ посвяtitельное предисловіе, на востокѣ еще продолжалось гоненіе Максимиана на христіанъ («*malis, qui adhuc in aliis [= не изпадныхъ] terrarum partibus saeviunt*»). Въ *Institutiones* въ «первомъ изданіи» были нѣкоторыя страницы, эпиграфомъ къ которымъ могло бы служить извѣстное выраженіе *Virgil. Aen. 1, 203*: «*Forsan et haec olim meminisse iuvabit*». Лактанцій справедливо могъ вѣнчать себѣ въ заслугу, что въ самый разгаръ ожесточеннаго гоненія противъ христіанъ онъ былъ глубоко убѣжденъ и высказывалъ это ясно (въ *Inst. V, 23. 1*), что *iustitia*, «справда», т. е. дѣло христіанъ, восторжествоуетъ и гонителей ожидаетъ самый плачевный конецъ. Къ началу 313 г. событія уже въ значительной степени оправдали это предвѣдѣніе Лактанція, и онъ конечно не былъ настолько близорукъ, что не понималъ, что эти вѣщія страницы дѣлаютъ ему полную честь какъ публицисту, какъ политяку-мыслителю, и не опустили ихъ и во «второмъ изданіи» (а если книга *V* была переписана еще во время гоненія Максимиана, то и окончательно неумѣстно было бы передвѣлывать эти страницы). Между тѣмъ, пока каллиграфъ медленно работалъ надъ порученнымъ ему объемистымъ сочиненіемъ, прошли мѣсяцы. Кончилась уже гоненія и на востокѣ. «Правда» восторжествовала. Это Лактанцій и высказалъ въ посвяtitельномъ эпиграфѣ «*Sed omnia iam*» [второй *Kaiseranrede*] «*Nemo iam nobis Dei nomen exprobrat*». Этотъ эпиграфъ во всякомъ случаѣ написанъ былъ до 1 марта 317 г. Лактанцій совершенно умалчиваетъ, что уже два сына Константина—*Caesares*. «Забывать» объ этомъ послѣ марта 317 г. было бы и литературно-психологическою и политическою

безтактностью; наоборотъ, до 1 марта 317 г. молчать о дѣтияхъ Константина было — пожалуй — и тактично. Но очень возможно, что, когда Лактанцій писалъ это послѣсловіе, онъ уже зналъ и о побѣдѣ Константина надъ Ликиніемъ и о заключеніи между ними — еще до конца 311 г. — миръ («*dextera Dei tibi quietum tranquillumque moderamen cum summa omnium gratulatione largitur*»). Какъ человекъ съ политическимъ тактомъ, Лактанцій, въ качествѣ дойнаго подданнаго *по-бѣжденнаго* имп. Ликинія, не позволилъ себѣ ни одного сколько-нибудь прозрачнаго намека на эти побѣды и лишь въ прикровенно двусмысленной тирадѣ: «*illi [ближайшимъ образомъ враги христіанъ] rebus scelcris sui et pendunt et perenderunt: te dextera Dei potens ab omnibus periculis protegit*» онъ далъ понять, что во дни битвъ кибальской (8 октября 314 г.) и мардіейской его симпатіи были на сторонѣ не Ликинія, а Константина. — Наконецъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ ркп. RSg до насъ сохранилось это «второе изданіе» Institutionum. Дѣло можно представлять такъ: кто-то имѣлъ въ своихъ рукахъ экземпляръ, поднесенный Константину, выписалъ въ некоторые варианты на поляхъ своего экземпляра «перваго изданія», а значительныя дополненія «второго изданія» («*Kaiseranreden*» и «дуалистическія прибавки») скопировалъ на отдѣльныхъ листахъ и приложилъ ихъ къ своему экземпляру. Отъ этого послѣдняго и ведутъ свое начало рукописи RSg.

Б. Если Лактанцій въ безспорныхъ своихъ сочиненіяхъ не такъ лучезаренъ, какъ представляется Браунду, то — съ другой стороны — и авторъ книги *De mortibus* не такое выѣстляще нравственной извѣстности, какимъ изобразилъ его хейдельбергскій профессоръ.

1. Предполагаемая живность автора книги *De mortibus* — понятіе весьма условное.

а) Ничѣмъ невозможно доказать, что онъ самъ что-нибудь выдумалъ. Въ самомъ худшемъ случаѣ приходится только допустить, что этотъ писатель имѣлъ несчастіе напасть на источники ненадежныя и — можетъ быть — некрпично предпочелъ ихъ другимъ, вполне достовѣрнымъ. Но въ такомъ же положеніи бывалъ и подлинный Лактанцій. Онъ, напримѣръ (А. И. Садовъ, стр.

103) утверждаетъ, что іудей возненавидѣли Христа между прочимъ и за то, что Онъ разрѣшалъ употребить въ пищу свиняину. Поднимать ли на этомъ основаніи вопли о «живости» Лактанція?

бб) Есть критика и критика. Есть авторы (и къ числу ихъ несомнѣнно принадлежитъ и писатель книги *De mortibus*), которые все рисуютъ въ максимальномъ масштабѣ. Ловить ихъ на «преувеличеніяхъ» столь же легко, сколько и бесполезно,—потому бесполезно, что подобныя сочиненія всякій сколько-нибудь напрактиковавшійся ученый читаетъ непременно *cum grano salis*, съ обратной редукаціею на средній масштабъ, по такой, напр., формулѣ:

Написано:

Читаетъ:

Всегда	Не рѣдко
Всѣ люди	Многіе
Великое множество народа	Нѣсколько человѣкъ
Тотчасъ же	Спустя немного времени.

Кому угодно критиковать *liber de mortibus*, тотъ долженъ быть не по этимъ *falsae generalitates*, статистической достовѣрности которыхъ не будетъ отставать никто, а долженъ оспаривать самое содержаніе сообщаемыхъ тамъ извѣстій.

вв) Брандтъ критикуетъ и взглядъ автора книги *De mortibus* на исторію предшествующихъ гоненій и находятъ, что онъ «грубо лжетъ». «Только тотъ можетъ приписывать это воззрѣніе Лактанцію, кто считаетъ его способнымъ сказать сознательно и на мѣриво неправду» (*Ueb. d. Entst. SS. 69. 70*). Однако эти мѣста (3, 4; 4, 1) изъ сочиненія *De mortibus* еще въ 1875 г. комментировалъ ученый вполне компетентный, базельскій проф. церковной исторіи Францъ Овербекъ (въ *Studien zur Geschichte der alten irche, SS. 93—157*, особенно *SS. 111. 141—143* въ статьѣ: «О законахъ римскихъ императоровъ отъ Траяна до Марка Аврелія противъ христіанъ и о воззрѣніи церковныхъ писателей на эти законы») и никакой «лжи» у «Лактанція» въ приводимыхъ мѣстахъ не замѣтилъ. И Брандтъ со своими катилинадами отсталъ на этомъ пунктѣ отъ научнаго движенія болѣе, чѣмъ на 15 лѣтъ.

гг) Въ *De mort.* 24, 9 сказано: «*suscepto imperio* (въ 306 г.) *Constantinus augustus nihil egit prius quam christianos cultui ac Deo suo reddere. haec fuit prima eius sanctio sanctae religionis restitutae*».

«Это,—разсуждаетъ Брандтъ,—не только пустыя, но и прямо не правивыя слова». Авторъ книги *De mortibus* противорѣчатъ здѣсь даже самому себѣ: вѣдь онъ самъ же говоритъ, что Константій Хлоръ христіанъ не преслѣдовалъ. И «изъ приведенныхъ выше словъ не видно, что же именно сдѣлалъ для христіанъ Константинъ» (*Ueb. d. Kais.* 28; *Ueb. d. Entst.* 73). Однако легче доказать, что самъ Брандтъ неявно повинаетъ дѣло, чѣмъ удичить книгу *De mortibus* во внутреннемъ противорѣчіи. И инкриминируемое мѣсто не только никакимъ другимъ извѣстіямъ не противорѣчить (о положеніи христіанъ въ Британніи и Галліяхъ *liber de mortibus* сообщаетъ самыя подробныя свѣдѣнія, какими только располагаетъ наука, и—по внутреннимъ признакамъ—болѣе точныя, чѣмъ общія мѣста у Евсевія), напротивъ, изображаетъ дѣло такъ естественно, что и сомнѣваться нельзя въ достовѣрности сообщаемого факта. Кажется, Брандтъ совсѣмъ опустилъ изъ вида, что когда въ 303 г. появился эдиктъ о преслѣдованіи христіанъ, онъ возымѣлъ и во владѣніяхъ Константія Хлора силу закона, возымѣлъ уже въ силу того простого факта, что данъ былъ и отъ имени самого Константія. Этотъ послѣдній, какъ *caesar*, и подумать не могъ воспротивиться августамъ и не признать даннаго отъ имени всѣхъ четырехъ государей эдикта. *liber de mortibus* говоритъ категорично, что *pro forma* началъ гоненіе на христіанъ и Константій, но вель сго настолько мягко, насколько позволяли обстоятельства. Въ Британніи и Галліяхъ эдикты противъ христіанъ не были примѣняемы лишь *фактически*, приостановлены были только въ *административномъ* порядкѣ. И разумѣется, провозглашенный императоромъ, Константинъ первымъ дѣломъ долженъ былъ дать своему *praefectus praetorio* руководственную инструкцію по вопросамъ внутренней политики, — указать, какого рода процессамъ *praefectus praetorio* не долженъ давать движенія (напр., нѣкоторымъ *causae maiestatis, sacrilegia* и т. п.). При этомъ, конечно, новый государь и «возвратилъ христіанъ ихъ Богу» и — въ виду своихъ отношеній къ Галерію — вѣроятно съ болѣею, чѣмъ Константій, рѣшительностію высказался противъ гоневій за вѣру. Послѣ этого въ христіанахъ и явилась отрадная увѣренность въ собственной безопасности («*religio restituta*). Это была «первая» «санкція» со стороны *самого* Константина («*eius*»), въ отличіе отъ позднѣйшей «санкціи» — «медіоланскаго эдикта».

2. Литературныя вины Лактанція, если только онъ былъ авторъ *De mortibus*, — Брандтъ отягчаетъ вѣнченіемъ ему неблагоугодно-сти. «Лактанцій былъ вызванъ Діоклетіаномъ, von Diocletian, въ Никомидію въ качествѣ профессора и имѣлъ возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наблюдать его. Если даже допустить, что Лактанцій не чувствовалъ себя обязаннымъ—быть благодарнымъ императору за оказанное ему отличіе, то все же невозможно по-вѣрить, чтобы онъ испалъ до такой несправедливости или ослѣпленія, какія замѣчаются въ книгѣ *De mortibus*».

аа) Что Лактанцій былъ вызванъ въ Никомидію Діоклетіаномъ, это — вѣдѣе за другими — принимается за фактъ и А. И. Садовъ (стр. 23) и строитъ на этомъ заключеніе, что, «приглашая Лактанція въ Никомидію, Діоклетіанъ» «обезпечилъ его» и «матеріальными средствами для жизни» (стр. 30). Ничего этого не говоритъ Іеронимъ. «Sub Diocletiano principe accitus», не «a Diocletiano». Лактанція пригласили въ Никомидію *въ царствованіе императора Діоклетіана*, и только. Кто именно пригласилъ, каковы были статуты никомидійской школы, отъ кого ритору получали содержаніе (*salarium* отъ правительства или только гононаръ отъ учениковъ), какъ относился Діоклетіанъ къ приглашенію Лактанція и къ самой никомидійской школѣ, слѣдилъ ли онъ съ живымъ участіемъ за ея жизнью и дѣятельностію,—ничего этого мы не знаемъ.

Не излишне припомнить, что Іеронимъ въ хроникѣ подъ 2374 отъ Авраама (358 г. по Р. Хр.) пишетъ: «Euantius eruditissimus grammaticorum Constantinopoli diem obit. in cuius locum ex Africa Charistu- [Charisius ex coniect. Usener] adducitur». Можетъ быть и въ концѣ III в. существовалъ уже обычай—приглашать на востокъ риторовъ изъ Африки.

Такимъ образомъ для спеціальной квалификаціи Лактанція съ точки зрѣнія благодарности или неблагоударности нѣтъ фактической почвы.

бб) «Неправдивость или ослѣпленіе» Лактанція Брандтъ видитъ въ завѣреніи автора сочиненія *De mortibus*, что Діоклетіанъ по трусости (*timiditate, meticulosus*) не отправился самъ на войну противъ персовъ, а послалъ Галерія. Но подобное заблужденіе было по меньшей мѣрѣ извинительно. Вѣроятно всѣ кабинетныя теоретики того времени были, со словъ Страбона, глубоко убѣ-

ждены, что египтяне—народъ до послѣдней степени невоинственный. Между тѣмъ Діоклетіанъ самъ отправился въ походъ противъ египетскаго узурпатора Ахиллея,—противъ какого-то Ахиллея!—а на войну съ «царемъ царей» Нарсѣ персидскаго послалъ Галерія. Наружность, а можетъ быть и злые языки кліентелы Галерія цезаря были въ этомъ случаѣ противъ Діоклетіана августа.

3. Брандтъ находить «въ высшей степени отвратительнымъ», что авторъ *De mortibus*, говоря о самоубійствѣ Максиміана Геркулія, приводитъ при этомъ подходящій стихъ изъ Энеиды, но—повидимому—забываетъ спросить: легко ли для Лактанція было отнестись безъ глубокаго негодованія къ этому вредному интригану, дважды покушавшемуся погубить Константина?

4. Особенно несправедливъ, по мнѣнію Брандта, авторъ сочиненія *De mortibus* къ Галерію. «Конечно, въ его характеръ были дурныя стороны, но онъ не былъ такимъ чудовищемъ, чтобы о немъ можно было сказать: *omnibus qui fuerunt malis peior*. Однако и въ *Instit.* V, 11, 5, не только въ *De mort.* 32, Лактанцій называетъ Галерія такими именами, какъ «*bestia*», «*tanta bellua*», «*carنيفex*». Въ *De mortibus* авторъ только мотивируетъ подробно такой рѣзкій отзывъ о Галеріи.

5. Наконецъ (и это *ψεδδος ἔσχατος* не менѣе важно, чѣмъ *πρώτος ψεδδος*) Брандтъ страннымъ образомъ опускаетъ изъ вида, что *liber de mortibus persecutorum*—не исторія, а только *монографія*. Двумя словами «*mortes*» и «*persecutores*» строго опредѣляется планъ ея.

аа) «*Persecutores*» изображаются здѣсь безспорно односторонне. Но вѣдь когда хищнику читаютъ приговоръ о лишеніи всѣхъ правъ состоянія, то естественно при этомъ ничего не говорятъ о возможныхъ добродѣтеляхъ подсудимаго: ни о томъ, что онъ былъ почтительнымъ сыномъ и чадолюбивымъ отцомъ, ни о милосердіи его къ нищимъ; ему предъявляютъ только тотъ комплексъ его дѣяній, за который его постигаетъ гражданская смерть. Въ словъ «*persecutores*» содержится именно *обвиненіе* противъ гонителей, и Лактанцій имѣетъ предъ собою только одну задачу: показать, что они дѣйствительно были гонители, злые люди, *malі*, и своими преступленіями заслужили смерть. Свѣтлые тоны и даже только полутѣни при такой задачѣ излишни.

бб) О *смертяхъ* гонителей писатель не могъ рассказывать чи

съ лаонизмомъ статистики, ни съ тѣми приливами состраданія которыхъ Брандтъ ожидалъ бы отъ своего Лактанція. Что бы ни думать о самомъ авторѣ книги *De mortibus*, на «неповѣдника Доната» несомнѣнно слѣдуетъ смотрѣть какъ на лицо глубоко религіозное. И писатель уже ради своего адресата долженъ былъ стать на точку зрѣнія строго религіозную. Въ «смертяхъ гонителей» онъ видитъ не простой рядъ историческихъ событій, а *судъ Божій*. Эта точка зрѣнія обязываетъ ко многому, — даже и къ тому, что для гуманной слабонервности XIX в. кажется просто возмутительнымъ. Разъ признано, что гонители умпраютъ «iusto Dei iudicio», слезы соболзнованія о нихъ были бы уже неумѣстны, такъ какъ походили бы на слезы протеста противъ правды совершающагося суда. И даже когда эти—на взглядъ политическаго историка — политическія убійства поражаютъ малолѣтнихъ дѣтей, неповинныхъ въ злодѣяніяхъ отцовъ своихъ, и тогда авторъ книги *De mortibus* въ своемъ изображеніи не можетъ пойти далѣе границъ эпическаго спокойствія:

— Θεοῦ δ' ἀτελεύτετο βουλή —

не смѣетъ видѣть въ глубинѣ этихъ событій ничего другого, кромѣ суда Божія грознаго и праведнаго, хотя и непостижимаго въ своихъ обнаруженіяхъ съ точки зрѣнія человеческихъ понятій о вмѣняемости. — Злымъ, *malè*, приемлющими по дѣламъ своимъ. *liber de mortibus* называетъ во всякомъ случаѣ не дѣтей—какъ показалося Брандту,—а взрослыхъ и вполне ответственныхъ за свои дѣянія.

И такъ, между безспорными сочиненіями Лактанція и *liber de mortibus persecutorum* нѣтъ той рѣзкой разности нравственнаго тона, въ силу которой они не могутъ быть произведеніями одного и того же лица.

Итогъ: противъ подлинности сочиненія *De mortibus* Брандтъ не представилъ ни одного возраженія, которое и могъ бы призвать состоятельнымъ.

XII.

Коль скоро сочиненіе *De mortibus persecutorum* есть подлинное произведеніе Лактанція, оно является новымъ источникомъ для

его біографіи. Не касаясь того, что оно даетъ для обрисовки Лактанція какъ живого лица (напр. его отношеніе къ реформамъ Діоклетіана), отмѣчаю здѣсь три вывода болѣе другихъ очевидные и—последовательно—болѣе и болѣе важные.

1. А. И. Садовъ, стр. 61, по поводу пзвѣстія о бѣдности Лактанція высказываетъ предположеніе, что если онъ былъ бѣденъ и въ Никомидіи, то — развѣ послѣ того, какъ вынужденъ былъ оставить должность латинскаго ритора. De mort. 7 позволяетъ сдѣлать и другое предположеніе. Возможно, что Лактанцій былъ обезпеченъ только гонораромъ отъ слушателей и натерпѣлся лишній во время страшнаго экономическаго кризиса, ответственность за который онъ возлагаетъ преимущественно на *edictum de pretiis rerum venalium* 301 г. Во времена вздорожаній и годоводокъ обычно спросъ на такіа невещественныя блага, какъ латинское краснорѣчіе, падаетъ до *minimum*.

2. Вслѣдъ за Брандтомъ, хотя и оспаривая его въ нѣкоторыхъ частностяхъ, А. И. Садовъ, стр. 28—31, критикуетъ извѣстіе Іеронима, что Лактанцій вынужденъ былъ бросить преподаваніе латинской риторикки въ греческомъ городѣ просто по недостатку въ слушателяхъ, «*repugnā discipulorum*». Въ концѣ концовъ и авторъ мнѣніе Брандта, что Лактанцій лишился мѣста какъ христіанинъ въ силу эдикта отъ 24 февраля 303 г. о гоневіи на христіанъ,—находитъ болѣе «вѣроятнымъ», чѣмъ «объясненіе Іеронима». По моему мнѣнію, Брандтъ, смѣло противопоставляя «несостоятельной догадкѣ» Іеронима свою «очень простую причину», забываетъ, что, если бы дѣло было такъ, какъ онъ представляетъ, то Лактанцій явился бы въ ореолѣ исповѣдника, и Іеронимъ вѣроятно и самъ догадался бы сдѣлать «догадку», столь почетную для христіанскаго *vir illustis*. Но никакъ нельзя утверждать, что «*repugnā discipulorum*» есть только «догадка» Іеронима, а не извѣстіе, текстуально взятое изъ какого-нибудь письма Лактанція. Я принимаю показаніе Іеронима какъ точный фактъ, который находитъ себѣ объясненіе въ плачѣ книги De mortibus, 22: «*eloquentia extincta, causidici sublati*». Вся вѣроятность за то, что именно въ это время, не при Діоклетіанѣ, а при Галеріи, слѣдовательно уже послѣ 1 мая 305 г. утратилъ свое мѣсто и Лактанцій. Конечно греки на латинское краснорѣчіе смотрѣли только какъ на неизбежное зло, латинскому языку учился только

радп юридической карьеры. Между тѣмъ, грубый, необразованный Галерій и на науки посматрѣлъ какъ на *malas artes* и въ юристахъ почему-то увидѣлъ людей политически подозрительныхъ и поднялъ противъ нихъ преслѣдованіе. Уже это одно должно было заставить карьеристовъ юриспруденціи задуматься. Но Галерій сдѣлалъ шагъ еще далѣе: на мѣста губернаторовъ провинцій, *iudices*, онъ сталъ назначать военныхъ безъ всякаго образованія, да притомъ еще *sine assessoribus*, безъ совѣтниковъ-правовѣдцовъ. Слѣдовательно для юристовъ закрылись и высшіе и средніе служебные посты. Естественно, спросъ на юридическое образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на латинское краснорѣчіе, понизился чрезвычайно, и аудиторія Лактанція опустѣла.

3. Хронологическія даты въ *De mortibus* позволяютъ обрисовать довольно твердою рукою и положеніе Лактанція при Криспѣ. А. И. Садовъ — при его отношеніи къ вопросу о *De mortibus* — разсуждаетъ объ этомъ естественно неувѣренно (стр. 56—58), не осмѣливаясь стать ни на сторону Брандта, ни на сторону Бельсера. Брандтъ думаетъ, что уже около 307—308 г. Лактанцій занялъ свое положеніе учителя Криспа, которому въ то время было «по меньшей мѣрѣ 13 лѣтъ» (*Ueb. d. Entst.* 19—20). Изъ данныхъ сочиненія *De mortibus* слѣдуетъ, что Лактанцій сдѣлался учителемъ Криспа во всякомъ случаѣ не ранѣе 314 года. Свой взглядъ Брандтъ пытается обосновать—неизбѣжно—на догадкахъ, на извѣстіяхъ о томъ, въ какіе годы *обыкновенно* изучали латинскую грамматику и риторику *nobilissimi* въ IV в.,—но при этомъ не обращаетъ никакого вниманія на *исключительную*, деликатную сторону въ положеніи Криспа. Констанцію Хлору въ 292 году предложили постъ цезаря подъ условіемъ развода съ Еленою и женитьбы на Θεодорѣ, падчерицѣ Максиміана Геркулія. Отъ этого второго брака родились порфирородныя дѣти. Но когда 25 іюля 306 г. Констанцій августъ умеръ, всѣ державныя права его унаслѣдовалъ сынъ Елены, Константинъ. Но и въ положеніи самого Константина намѣтилась возможность такой же аналогіи: у него уже былъ сынъ отъ Минервины, Криспъ, когда онъ женился на дочери Максиміана Геркулія, Фавствѣ. Положеніе дѣтей Θεодоры было внушительнымъ предостереженіемъ для всѣхъ тѣхъ, кому были близки интересы Фавсты и порфирородныхъ дѣтей ея и Константина. Видимо поэтому Константинъ былъ очень сдержанъ

въ выраженіи своихъ чувствъ къ своему сыну отъ Минервины: лишь 1 марта 317 г. Флавій Юлій Криспъ сдѣлался *nobilissimus caesar* одновременно со своимъ племянникомъ Лякиніаномъ Лякиніемъ и своимъ своднымъ братомъ, Флавіемъ Валеріемъ Клавдіемъ Константиномъ, сыномъ Фавсты.— Не менѣ важна была и другая сторона положенія. Пока политическія отношенія на востокъ не разъяснились, пока можно было опасаться, что Галерій, Северъ или Максимпій долгіе годы будутъ держать въ своихъ рукахъ верховную власть на востокъ: Константину нельзя было не задумываться надъ судьбою Криспа. Упрочивая свой *modus uiuendi* съ августомъ востока, Константинъ вѣроятно былъ бы вынужденъ назначить Криспа на тотъ постъ, который самъ занималъ при жизни отца своего, и сынъ Минервины получилъ бы мѣсто въ легионахъ востока и роль полузаложенника при восточномъ дворѣ. А при такомъ оборотѣ дѣла, на что было Криспу нужно даже и самое блестящее латинское краснорѣчіе? Но счастливая война съ Лякиніемъ осенью 314 года сдѣлала Константина государемъ всего запада отъ Британніи до Иллирика включительно. По мирному договору Криспу предназначено было достоинство цезаря. Теперь судьба его достаточно опредѣлилась: онъ будетъ жить въ Галліяхъ, среди населенія латинскаго языка, будетъ продолжателемъ славныхъ традицій дѣда своего Констанція Хлора, который заявилъ себя и весьма активнымъ покровительствомъ просвѣщенію. Высшее словесное латинское образованіе для Криспа получило значеніе государственной потребности. Поднесши Константину (въ концѣ 314 — началѣ 315 г.) экземпляръ своихъ *Diuinae institutiones* [ср. стр. 155. 156], «*cicero christianus*» какъ нельзя болѣе кстати напомнилъ о своемъ существованіи и былъ вызванъ въ Триръ. Преподавалъ онъ Криспу высшее краснорѣчіе и продолжалъ свои уроки и послѣ того, какъ Криспъ сдѣлался *nobilissimus caesar*. Иеронимъ и въ хроникѣхъ подъ 2333 г. Авраама (317 г.), вслѣдъ за извѣстіемъ: *Crispus—Caesar appellatur* отмѣтилъ, что «*Crispum Lactantius latinis litteris erudiuit*» и въ своемъ «каталогѣ» главу о Лактанціи закончилъ словами: «*magister Caesaris Crispi filii Constantini in Gallia fuit, qui postea a patre interfectus est*». Невидно основаній понимать эти выраженія не въ строго буквальномъ смыслѣ. Если бы Иеронимъ полагалъ, что занятія Лактанція съ Криспомъ къ 1 марта 317 г. уже окон-

чились, вѣроятно онъ написалъ бы: «magister Crispi filii Constantini in Gallia fuit, qui postea iam Caesar a patre interfectus est».

XIII.

Я не сомнѣваюсь, что года смерти Лактанція не зналъ и самъ Иеронимъ ни въ 381—382 г., когда онъ переводилъ и дополнялъ хроняку Евсевія, ни въ 392 г., когда писалъ книгу De viris illustribus. Поэтому и въ заключеніяхъ о годъ рожденія Лактанція приходится отправляться не отъ года смерти его, намъ неизвѣстнаго, а отъ извѣстія, что онъ «extrema senectute» былъ учителемъ цезаря Криспа, — и слѣдовательно отъ 317 г. — *Лактанційъ родился около [317 minus extrema senectus] года.* Такова, по моему мнѣнію, единственно допустимая формула, постановки этого вопроса. Въ «Хр. Чт.» 1892, II, 126 я имѣлъ случай привести изъ греческой рукописи расчисленіе семи возрастовъ чловѣка. Съ этою схемою слѣдуетъ сравнить показанія Иеронима о самомъ себѣ, чтобы по возможности выяснить его modus loquendi.

Cod. CI [108 Влад.] Biblioth. S. Syn. Mosqu.		Иеронимъ (по O. Zöckler, Hieronymus. Gotha 1865, S.S. 21. 22.	
Возрастъ.	Лѣта отъ рожденія.	Лѣта отъ рожденія.	В о з р а с т ъ.
I. Βρεφος	1—4		
II. Παις	4—14	Ок. 10 лѣтъ	infantia.
III. Μεγαλειον	14—22	23.	puer.
IV. Νεανισκος	22—41	{ 34.	adolescens, imo et pene puer. in adolescentiâ.
		{ 43.	
V. Ανήρ	44—57		
VI. Γηραιός	57—68		
VII. Πρεσβύτερος	68—†		

Греческая схема достаточно совпадаетъ съ терминологіею Иеронима, и можно не колеблясь принять, что «extrema senectus», возрастъ престарѣлости, начинается и по Иерониму съ 68 года отъ рожденія.

Brandt, Ueber das Leben des Lactantius, 36: «Для extrema senectus мы должны безъ всякихъ сомнѣній (unbedenklich) принять по меньшей мѣрѣ 70-й годъ отъ рожденія, вѣрнѣе (richtiger) 70 съ лишкомъ».

Слѣдовательно *Лактанцій родился около 249 года, впрямую даже нѣсколько ранне.*

А. И. Садовъ, стр. 9, указываетъ, что Брандтъ «предполагаетъ, что Лактанцій родился около 260 года», и самъ (прим. 6), путемъ самостоятельныхъ (не брандтовскихъ) соображеній, получаетъ цифру: «около 255—260 г.». Въ текстѣ же у автора заявлено только, что Брандтъ «опирается на нѣкоторыя соображенія и сопоставленія» и что вообще «довольно ясно обнаруживается сомнительность подобныхъ точныхъ опредѣленій года рожденія Лактанція». Здѣсь Брандтъ поставленъ впереди другихъ изслѣдователей и изъ за него «сомнительность» возложена на всѣхъ. Слова: «нѣкоторыя соображенія и сопоставленія» Брандта совсѣмъ не выражаютъ дѣла: вмѣсто этихъ неопредѣленныхъ евфемизмовъ слѣдовало бы ясно сказать, что *Брандтъ рѣшаетъ вопросъ по методу прямо фальшивому.* Мое выраженіе: «единственно допустимая формула» направлено полемически противъ Брандта, который полагаетъ, что показаніе «extrema senectute» «совершенно невѣроятно», «völlig unwahrscheinlich», и окончательно терпитъ крушеніе на извѣстїи, что Лактанцій былъ ученикъ Арнобія. Нужно предполагать, что ученикъ былъ по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ моложе учителя. Но Арнобіи умеръ въ 327 г. Если Лактанцію уже въ 310 г. было 80 лѣтъ, то въ 327 г. онъ былъ уже 97 лѣтъ, — почти столѣтнимъ старцемъ. О такомъ удивительномъ долголѣтіи Иеронимъ не забылъ бы упомянуть. Дѣйствительность — далеко не лестная для Брандта — заключается въ слѣд. (А. И. Садовъ, стр. 11, пр. 4): Въ хроникѣ Иеронима подъ 2343 г. Авраама отмѣчено, что «Arnobius—clarus habetur». Брандтъ вслѣдъ за Teuffel-Schwabe, слѣдовательно uiribus unitis, дѣлаетъ предположеніе, что Иеронимъ подъ 2343 г.

Авраама отмѣтилъ годъ смерти Ариобин. Если бы и Тейфель и Швабе и Брандтъ дали себѣ трудъ—прочитать хроникку Иеронима до конца, для нихъ стало бы ясно какъ давнѣе, что, когда Иеронимъ говоритъ о чьей либо смерти, онъ пишетъ «moritur», не «clarus habetur» (ed. A. Schoene, p. 192 x, p. 194 b, p. 195 ist, p. 196 du, p. 197 huq, p. 198 ko). И въ 351—352 г. Иеронимъ, переводившій хроникку въ Константинополь, былъ и объ Ариобин того мѣвня, что на 327 годъ падаетъ самый разцвѣтъ его дѣятельности, что въ этомъ году онъ издалъ свое сочиненіе *Adversus gentes*. Это предположеніе, разумѣется, совершенно ошибочно и въ 392 г. Иеронимъ его уже не повторяетъ; но въ «хроникку» оно занесено потому, что Иеронимъ полагалъ, что у самого Ариобин члпается эта дата: онъ (lib. 1, 13) пишетъ: «trecenti sunt anni ferme minus vel plus aliquid, ex quo coepimus esse christiani». А «христіане начали быть» конечно съ того времени, какъ явились первые увѣрованіе во Христа и послѣдовавшіе за Нимъ. По «хрониккѣ» Евсевія это «начало спасительной проповѣди» приходится на 15-й годъ императора Тиверія, 2044 г. Авраама. Слѣдовательно annus nullus евангельской проповѣди есть 2043 годъ Авраама. 2043+300=2343. Вотъ нехитрый генезисъ ошибочной даты у Иеронима. Пользоваться ею для «соображеній» о годѣ рожденія Лактанція и для критики позже написаннаго, слѣдовательно зрѣло обдуманнаго показанія «extrema senectute» очевидно не приходится.

Болѣе чѣмъ возможно, что престарѣлый Лактанцій умеръ еще и, и жизни Криспа, до 326 г. Слѣдовательно и предположеніе о возможной немплости Константина къ бывшему учителю цезаря Криспа (А. И. Садовъ, стр. 65, пр. 1) и сантиментальныя описанія послѣднихъ лѣтъ жизни Лактанція (стр. 64, пр. 4) не налѣгаютъ подъ собою удовлетворительной хронологической почвы.

XIV.

А) А. И. Садовъ совершенно правъ, когда говоритъ о бѣдности русской литературы по вопросу о Лактанціи. Вся монографія о немъ—не русскія, и это сказалось въ нихъ одною чертою, которой не устранилъ въ своемъ трудѣ и авторъ. *Свои*

изслѣзованіи западные ученые писали съ лицомъ, нравственно обращеннымъ къ западу. Въ западныхъ вліяніи, подъ которыми стоялъ или могъ стоять Лактанцій, эти ученые рассматриваютъ съ почтенною внимательностію; но христіанскій востокъ для нихъ словно не существуетъ, хотя есть весьма серьезный поводъ повести рѣчь о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ латинской Африки въ Никомидію Лактанцій отбылъ по всей вѣроятности язычникомъ (А. И. Садовъ, стр. 20. 21), а изъ греческой Влопціи въ латинскій Трипръ несомнѣнно прибылъ уже христіанникомъ. На востокъ совершилось его обращеніе ко Христу. Естественно спросить — и спросить въ упоръ, — хотя ученые повидному и не думаютъ объ этомъ: не восточными ли вліяніями вызвана была эта перемена? Не лежитъ ли восточной печати и на возрѣвѣихъ Лактанція?

При двухъ условіяхъ этотъ вопросъ являлся бы неумѣстнымъ: во-первыхъ въ томъ случаѣ, если бы Лактанцій былъ личностію гениальною; во-вторыхъ въ томъ случаѣ, если бы—на основаніи другихъ извѣстій—богословскую мысль восточныхъ того времени приходилось считать совсѣмъ безцвѣтною.

а) Но Лактанцій не былъ одаренъ мощнымъ умомъ генія, который все, даже прямо заимствованное, органически претворяетъ въ свое достоиніе. Наоборотъ, даже ученымъ Лактанцій былъ едва посредственнымъ. Онъ, правда, иногда путается и тѣмъ создаетъ затрудненія для опредѣленія источниковъ, которыми онъ пользовался. Уже было указано (въ гл. XI стр. 153), какъ онъ пересказалъ исторію осужденія І. Христа на распятіе. Но обычно Лактанцій является скромнымъ копипетомъ доступныхъ ему ученыхъ пособій.

Въ библейской хронологіи онъ совсѣмъ запутался въ противорѣчивыхъ данныхъ, бывшихъ въ его распоряженіи. По Inst. IV, 8, 13 Соломонъ жилъ за 140 до взятія Трои. Моисей (Inst. IV, 5, 6) — почти за 900 лѣтъ до троянской войны. Получается разность между временемъ Моисея и Соломона въ 760 лѣтъ. Однако изъ отдѣльныхъ датъ отъ Моисея до царей получается всего только 437 лѣтъ и лишь 887 лѣтъ отъ Моисея до плѣва вавилонскаго. Следовательно отъ Моисея до Соломона получатся только 500—520 лѣтъ вмѣсто 760.

Но именно эта безпомощность Лактанція предъ цифрою п повела къ тому, что въ его твореніяхъ уцѣлѣлъ одинъ слѣдъ, не мало важный для освѣщенія разсматриваемаго вопроса. Хорошо извѣстно, что, вслѣдъ за Ипполитомъ, Тертуліанъ и хронографъ 354 г., опирающійся на древніе источники, утверждаютъ, что duobus Geminis consulibus въ пятнадцатый годъ царствованія Тиберія (слѣд. а. У. с. 782, въ 29 году по Р. Хр., при врудѣ лѣто 3) 25. марта Христосъ былъ распятъ. Въ этомъ характерно западномъ мнѣніи вѣрно только то, что 25. марта въ 29 г. по Р. Хр. приходилось въ пятницу. На востокъ же было распространено то мнѣніе, что 25. марта Христосъ воскресъ. Имѣя въ виду 31-й годъ по Р. Хр. (врудѣ лѣто 3, Tiberio Caesare Augusto V L. Aelio Seiano consulibus). И въ этомъ восточномъ мнѣніи вѣрно только то, что 25. марта въ 31 г. по Р. Хр. приходилось въ воскресенье. — Мнѣніе Лактанція приведено у А. И. Садова, стр. 91, пр. 2: никомидійскій ритторъ утверждаетъ, что въ пятнадцатый годъ Тиберія duobus Geminis consulibus 23. марта Христосъ былъ распятъ.

Таже дата: «Rufo et Rubellione cons. passus est die X kal. apr.» чпается и въ такъ называемыхъ consularia Нудатіана; но составитель ихъ имѣлъ полную возможность взять это опредѣленіе у Лактанція. Въ De mortibus 2, 1 Лактанцій пишетъ: «cruciatu8 est post diem decimum kalendas aprile8 duobus Geminis consulibus». Различіе отъ Institutiones — только въ томъ, что тамъ стоитъ правильное «ante diem decimum». здѣсь — стилистически невозможное «post. d. d.». По моему мнѣнію, это «post» интерполировано съ поля. Какой-то латинскій читатель, глубоко увѣренный, что Господь пострадалъ «ante diem octavum» протестуетъ противъ мнѣнія Лактанція и пишетъ на полѣ «post» въ смыслѣ: «нѣтъ, послѣ 23. марта!»

Приведенная дата изобрѣтена видимо самимъ Лактанціемъ: вмѣстѣ съ западными онъ полагаетъ, что І. Христосъ пострадалъ и воскресъ въ 29 г. по Р. Хр., п вмѣстѣ съ восточными 25-е марта считаетъ днемъ не крестной смерти, а воскресенія Господа. Нѣтъ нужды распространяться, что мысль Лактанція — чистый абсурдъ: въ 29 г. по Р. Хр. 25-е марта было несомнѣнно въ пятницу; а что Христосъ воскресъ не въ пятницу, это ко-

нечто известно даже и Лактанцію. Но эта дата блистательно доказываетъ, что христіанскій востокъ своею ученостію произвелъ такое впечатлѣніе на Лактанція, что онъ отступился отъ мѣтин своихъ латянскихъ авторитетовъ и принялъ греческое воззрѣніе, что 1. Христосъ 25. марта не пострадалъ, а воскресъ. Не понимая того, что восточные разумѣютъ при этомъ не 15-й годъ Таверія, въ который консулами были *Geminus et Geminus*, Лактанцій вообразилъ, что онъ улучшить текстъ своихъ латинскихъ источниковъ, если поставитъ въ нихъ (на мѣсто — будто бы — «ошибочнаго» *octavium*) только одно слово: *decimum*. Эта хронологическая ошибка, такимъ образомъ, доказываетъ, что Лактанцій не только не замыкался противъ восточныхъ богословскихъ вліяній, но готовъ былъ отдавать имъ даже предпочтеніе предъ латинскими: тамъ, гдѣ востокъ расходился во мѣтніяхъ съ западомъ, Лактанцій подозрѣвалъ, что ошибаются западные.

б) Съ другой стороны и богословскую мысль восточныхъ въ это время нельзя представлять какъ что-то общее, безъ особыхъ признаковъ своей эпохи. Стоить лишь сопоставить слѣд. даты: До 315 г. Лактанцій жилъ въ Виѣннѣ и если не всегда, то—видимо—большою частію въ Никомидіи; а въ 325 г. на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никейѣ виѣнской три виѣнскіе епископа, Евсевій никомидійскій, Θεогній вякейскій и Марій халкидонскій, поддерживали Арія, — Евсевій и Θεогній поддерживали даже такъ стойко, что заплатились за это временно лишеніемъ кафедръ и ссылкою. И всѣ три епископа, подобно Арію, были «лукіаннсты», были ученики св. Лукіана, пресвитера антиохійскаго. Слѣдовательно именно въ Виѣннѣ энергичнѣе чѣмъ въ другихъ епархіяхъ было представлено опредѣленное богословское направленіе, доведшее свои особенности даже до уклоненія отъ каедръ и ссылкою.— Спрашивается теперь: можно ли допустить, что Лактанцій въ Виѣннѣ былъ знакомъ съ «лукіаннстами»? То фактъ, что на соборѣ анкирскомъ (весною 314 г.) присутствовалъ епископъ никомидійскій Евстолий. По всей вѣроятности Евсевій былъ непосредственнымъ преемникомъ Евстолія на никомидійской кафедрѣ, и Лактанцій едва ли звалъ Евсевія въ санѣ епископа никомидійскаго, но могъ знать его еще ранѣе, еще до хротопія его во епископа впритскаго.

Юлианъ, будущій императоръ, въѣренъ былъ для воспитанія Евсевию никомидійскому, «quem genere [по отцу или по матерѣ?] longius contingebat». Amm. Marc. 22, 9, 3. 4. Мать Юлиана, Василіана, судя по тому, что названный въ честь ея городокъ *Vasilioopolis* лежалъ между Никомидіею и Никеею,—родомъ была повидимому вѣнчанка, и если ей доводился дальнимъ родственникомъ Евсевій, то и онъ могъ быть родомъ изъ Вѣнчанин.

Никакихъ опорныхъ хронологическихъ пунктовъ для опредѣленія времени вступленія Теофілія и Марія на ихъ кафедры не сохранилось. Лактанцій могъ быть знакомъ съ ними, могъ знать и самого св. Лукіана, могъ быть даже свидѣтелемъ его мученической кончины (въ Никомидіи 7 января 312 г.).—Сверхъ того, и представители школы Оригена, несмотря на самое серьезное различіе между ихъ экзегетическимъ методомъ и методомъ школы Лукіана, сознавали себя солидарными съ послѣднею въ области богословско-догматической: оригенистъ Евсевій кесарійскій дружески протягивалъ руку лукіанисту Евсевию никомидійскому. Оригенизмъ въ началѣ IV в. представлялъ явленіе довольно своеобразное: отказавшись отъ экстравагантныхъ мнѣній Оригена, оригенисты пожертвовали и нѣкоторыми изъ самыхъ возвышенныхъ и свѣтлыхъ его положеній, сдѣлали шагъ въ направленіи къ аріанству. Возможно, что въ Вѣнчанин Лактанцію приходилось встрѣчаться и съ оригенистами. Можетъ быть, читалъ онъ и сочиненія Оригена.

Б) Такимъ образомъ при подробномъ историко-догматическомъ анализѣ возрѣній Лактанція слѣдуетъ искать параллелей не только въ латинской церковной письменности, но также ставить пробы и на оригенизмъ и на лукіанизмъ, даже на аріанскій лукіанизмъ.

Вотъ нѣсколько штриховъ въ этомъ родѣ.

1. Inst. IV, 29 (А. И. Садовъ, стр. 150). Лактанцій здѣсь видимо стоитъ въ зависимости отъ Тертуліана. Но несмотря на «*una substantia*» и «*faciat Filius Patrem*», разсужденія Лактанція (А. И. Садовъ, стр. 141) по поводу «*desertum ac solitarium*» и слышкомъ опредѣленное (стр. 145) заявленіе о «домірности» (не болѣе!) рожденія Сына Божія,—показываютъ, что никомидійскій риторъ не усвоилъ самыхъ возвышенныхъ сторонъ богословствованія кар-

оагевскаго пресвитера, что для Лактанція не ясна внутренняя необходимость бытія Слова изъ существа Бога. Λόγος по представленію Лактанція является только Λόγος προφορικὸς безъ Λόγος ἐνδιάθετος. — На этомъ пунктѣ и съ подлиннымъ оригенизмомъ Лактанцій не соприкасается и вѣроятно оказался бы не въ сплахъ удержать эту позицію противъ арианства.—Что это мѣсто «написано прямо противъ арианства», это мнѣ представляется столь же мало вѣроятнымъ, какъ и предположеніе, что Птолемей свою астрономическую систему писалъ противъ Коперника.

2. Inst. IV, 14, 17 (А. И. Садовъ, стр. 148): «principem angelorum». Сравни. «τῶν ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἡγούμενος», «ὁ μέγας ἀρχιστρατηγὸς τοῦ Θεοῦ» у Евсевія кесарійскаго въ hist. eccl. 1, 2, 11; 10, 4, 15.

3. Inst. IV, 7, 5. Своеобразное мнѣніе, что у Сына Божія много именъ, напоминаетъ филоновское ἀρχάγγελος πολυώνυμος. Въ воззрѣніяхъ Оригена можно найти тоже нѣкоторыя точки опоры для такого мнѣнія.

4. Inst. II, 8, 5 (А. И. Садовъ, стр. 143, 144 прим.). «Deo Patri perseuerando probatus». Эти слова pochodятъ на заимствованіе изъ Origen. de princip. 2, 3—6, хотя мысль Оригена — совсѣмъ другая. Признавая предсуществованіе душъ, онъ естественно долженъ былъ поставить вопросъ о душѣ Иисусовой, о ея жизни отъ начала міра до воплощенія Бога Слова. По Оригену, ова неизмѣнно пребывала въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Богомъ, всегда горѣла любовью къ Нему и стала еще до воплощенія нравственно «единыъ духъ» съ Богомъ - Словомъ - Христомъ и за это нравственное совершенство удостоилась ипостаснаго соединенія съ Нимъ при воплощеніи. Латинской правомѣрной натурѣ Лактанція, жаждавшей юридической правды, iustitia, въ видѣ воздаянія за заслуги, подобная мысль не могла не нравиться, и—можетъ быть—онъ только изложилъ ее по-своему: «perseuerando cum probatus, tum etiam carus».

5. Тотъ же вопросъ ставили и ариане и тоже рѣшали его съ точки зрѣнія идеи заслуги: Христось прежде вѣкъ удостоился высокаго имени Слова и Сына Божія и «обществленъ причастіемъ» потому, что Сущій Богъ предвидѣлъ, какъ нравственно высокъ будетъ Христось въ земной жизни по вопло-

щениа. Отголосокъ этого мѣтнія есть и у Лактанція, Inst. IV, 14, 18. 20: «exhibuit Deo fidem — nec umquam se ipse Deum dixit. propterea quia tam fidelis extitit quia sibi nihil prorsus adsumpsit, — Dei nomen accipit». Справедливо замѣчено (Martens у А. И. Садова, стр. 144, пр. 1), что «послушаніе Христово» Лактанцій выставляеть на видъ «почти арианскимъ образомъ».

6. Inst. IV, 8, 6 — 8 (А. И. Садовъ, стр. 146). Духъ Сынъ различается отъ духовъ - ангеловъ по аналогіи съ тѣмъ, какъ человеческое дыханіе-слово, изъ устъ исходящее, различается отъ беззвучнаго дыханія, выходящаго изъ ноздрей. Это мѣсто могло бы служить комментариемъ на выраженіе, употребленное Аріемъ въ примирительномъ посланіи (что важно уже и потому, что это посланіе было отправлено къ Александру «изъ Никомидіи»): «*κτίσμα, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, γέννημα, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν γεννημάτων*». По моему мнѣнію, означенное мѣсто по методу отличается антиохійскимъ характеромъ и могло быть заимствовано изъ какого-нибудь трактата «дукіанистовъ». Методика антиохійскаго направленія: *допустить тождество въ родѣ, in genere, но непреклонно стоять за различіе въ видѣ, in specie*. Такъ напр. и Феодоръ мопсуестійскій признавалъ, что Богъ Слово во Христѣ Іисусѣ обиталъ какъ и въ пророкахъ и апостолахъ, *тоже* «по благоволенію», но при этомъ пылко и энергично заявлялъ, что онъ «еще не рехнулся», чтобы допустить, что и во Христѣ Богъ обиталъ *такъ же*, какъ и въ пророкахъ и апостолахъ. Тоже *in genere*, но «*οὐκ ἴσον*», но съ огромнымъ различіемъ *in specie*, *κατὰ τὸν τρόπον*. Тождество вербальное, но смыслъ различный.

В) Такія же пробы слѣдуетъ ставить и въ тѣхъ случаяхъ, когда Лактанцій цитуетъ мѣста св. Писанія. Къ сожалѣнію, изданіе Брандта, какъ небогослова, отстало на этомъ пунктѣ отъ современной постановки вопроса о свш. текстѣ. Брандтъ опирается на работу Рѣнша, изданную еще въ 1871 г. А. Рѣншъ задавался только одною цѣлю: открыть какъ можно болѣе цитаты изъ доіеронимовскаго текста св. Писанія (изъ тавъ называемой Itala). А по своей общей точкѣ зрѣнія Рѣншъ былъ вполнѣ заурядный тишендорфіанецъ. Собственно говори, не ознакомившись по меньшей мѣрѣ съ Introduction въ The New Testament in the original Greek by B. F. Westcott and F. J. A. Hort, Cambridge — London 1882 (если уже не съ подлежащими трудами *de-Lagarde*

и его школы), Брандтъ ничего серьезнаго и сдѣлать не могъ для науки.—Эти недочеты отразились и на сочиненіи А. И. Садова: и онъ оказался въ полной зависимости отъ Рѣнша и Брандта (статья *И. Е. Евсева* въ «Хр. Чт.» 1894, I, 471—486 вышла въ свѣтъ очевидно слишкомъ поздно, чтобы оказать какое-нибудь вліяніе на направленіе работы автора на стр. 85—107). По моему мнѣнію, задача, которую должны бы рѣшить и Брандтъ и авторъ, сводилась бы къ слѣдующему:

а) Что Лактанцій бѣльшую часть цитать изъ св. Писанія взялъ изъ *Testimonia* св. Кипріана, это доказано какъ $2 \times 2 = 4$. Что въ пониманіи мѣстъ св. Писанія Лактанцій зависить то отъ св. Кипріана то отъ Тертулліана, тоже не подлежитъ спору. А потому не слѣдовало вести споръ о мелочахъ, какъ дѣлаетъ Брандтъ (у А. И. Садова, стр. 87, пр. 3); слѣдовало оставить въ сторонѣ все то, чтѣ у Лактанція есть общаго или съ *Testimonia* или съ Тертулліаномъ,—копистовъ не критикують—и тщательно отмѣтить только то, въ чемъ Лактанцій разнится отъ нихъ, и только по этому остатку и судить о Лактанціи какъ толкователь св. Писанія.

б) Этотъ остатокъ, эти особенности въ библейскихъ цитатахъ, слѣдовало бы попытаться объяснить вліяніемъ не латинскаго перевода, какъ дѣлаетъ Рѣншъ, а *греческаго* текста. Считаю долгомъ заявить прямо, что сдѣланныя мною пробы не дали мнѣ *уныныхъ результатовъ*, т. е. опредѣленныхъ выводовъ въ смыслѣ требованій de Lagarde—Westcott—Hort. Но А. И. Садовъ, работая по такому научно бесполезному изданію, какъ *Vetus Testamentum graece* Тишендорфа (стр. 93, пр. 2), очевидно не имѣлъ и шансовъ прійти къ какому-нибудь результату. *Материалъ* же собрать во всякомъ случаѣ и можно и — должно, но непременно по изданію Холмза-Парсонза.

Мои наблюденія надъ этою стороною твореній Лактанція и труда автора даютъ мнѣ возможность обратить вниманіе на слѣдующіе пункты:

1. Изъ каноническихъ книгъ ветхаго завѣта Лактанцій приводитъ (А. И. Садовъ, стр. 93. 94) два такихъ мѣста, которыхъ нѣтъ ни въ масоретскомъ, ни въ наличномъ греческомъ текстѣ. Это явленіе я объясняю слѣдующею гипотезою:

а) Уже во II вѣкѣ между христіанами обращался своеобразный

таргумъ, въ которомъ мѣста ветхаго завѣта объяснялись въ месіанскомъ смыслѣ и христіанскомъ духѣ.

3) Нѣкоторые мѣста изъ этого таргума были интерполированы въ самый текстъ св. Писанія. Таково напр. знаменитое чтеніе Пс. 95, 10: «*ρίψτε κο ιζυψήχη, ικκω Γακ κοαρημω οτθ древа*».

γ) Интерполированные экземпляры св. Писанія обращались и въ районѣ дѣйствія антиохійской богословской школы, такъ какъ часть интерполяцій вошла даже въ лукіановскую рецензію, по крайней мѣрѣ въ тотъ экземпляръ ея, которымъ пользовался блаж. Теодоритъ. Онъ Псал. 37, 21. 22 читалъ слѣдующимъ образомъ:

— *ζανε ιενηχη благоскыню.* ἐπει κατεδίωκον ἀγαθωσύνην.

И отбросили меня, возлюбленнаго, словно трупъ омерзѣвшій. Καὶ ἀπέρριψάν με τὸν ἀγαπητοῦ, ὡς νεκρὸν ἐβδελυμένον. Μὴ κε ωστεικί мене.

ἐγκαταλίπη: με

δ) По моему мнѣнію, «*dilectissimum*» и «*τὸν ἀγαπητὸν*» указываютъ на единство тона таргумической вставкы у Лактанція и Теодорита и позволяютъ предполагать, что и у Лактанція была подъ руками рецензія Лукіана.

2. Въ Inst. IV, 12. 9 Лактанцій цитуетъ мѣсто изъ Исаіа 45, 8, котораго нѣтъ въ Testimonia; слѣдовательно несомнѣнно Лактанцій пользуется здѣсь какимъ-то другимъ источникомъ. Объяснивъ, что имя «*Iesus — latine dicitur salutaris sive salvator*», Лактанцій приводитъ слова пророка къ такому видѣ: «*aperiatur terra et pullulet salvator*» и поясняетъ: «*salvator uero est, ut supra diximus, Iesus*». Въ греческихъ спискахъ (у Holms-Parsons) на слово «*saluator*» — въ намѣка! Въместо: «*да произрастетъ спаситель*» — читается: «*καὶ βλαστησάτω ἔλεος καὶ δικαιοσύνη ἀνατελάτω ἡμᾶς*». Такое же чтеніе должно было стоять и въ Itala, переведенной съ греческаго. Но въ масоретскомъ стоитъ: *וַיִּצְרַח*. Тоже слово «*уеѣаъ*» читается и въ Исаі. 61, 10: *ωκλεε κο μα κκ ριζδ̄ ιαλεσηω*, и вотъ какъ толкуетъ эти слова Теодоритъ: ἐν τῇ ἐβραΐῳ φωνῇ [вѣроятно на полѣ его «*Лукіана*» стояла выписка изъ второго столбца эксаплъ Оригена] τὸ ἱμάτιον σωτηρίου ἱμάτιον ἰεσσωά κεῖται, τοῦτ' ἐστὶ Χριστοῦ. Вѣроятно и Лактанцій текстъ-толкованіе Исаі. 45, 8 скопировалъ у какого-нибудь лукіанпста.

3. Въ De officio Лактанцій (А. И. Садовъ, стр. 138) придаетъ высокое значеніе челоуѣческой фигурѣ: «*sublimis status et uultus*

Deo patri communis» есть живое свидѣтельство въ человѣкѣ о Творцѣ его, factor. Такое представленіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ могли—по меньшей мѣрѣ—уцѣпить въ Лактанціи слова Быт. I, 17, которыя *въ переводѣ Симмаха* читаются такъ: «καὶ ἔκτισεν ὁ Θεὸς τὸν ἄνθρωπον ἐν εἰκόνι διαφύρα, ὁρῶν ὁ Θεὸς ἔκτισεν αὐτόν». Очевидно, Симмахъ, какъ чуткій семиць, еврейское עֲלָמַי «be-cēlam» -- «во образѣ» понимаетъ въ точномъ смыслѣ арабскаго عِلْمٌ «bi-ṣalamī»—«*въ статую*». «Стоящимъ, какъ статуя, ὁρῶν, Богъ сотворилъ его». — Переводъ Акилы Лактанцій зналъ несомнѣнно. И Акила и Симмахъ могли быть довольно широко распространены на *греческомъ* востокѣ, а не на *латинскомъ* западѣ. Весьма возможно, что, когда Лактанцій, склонившійся къ христіанству, пожелалъ ознакомиться со священной исторіей, его христіанскіе руководители, не безъ основанія опасаясь, что неясности, стилистическія неправильности и тяжелые буквально переданныя по-гречески гебраизмы перевода LXX на избалованный эстетическій вкусъ никомайдскаго риторика произведутъ впечатлѣніе, не соответствующее достоинству слова Божія, и изъ-за шероховатостей слога онъ, пожалуй, не замѣтитъ и высоты содержанія,—предложили ему читать ветхій завѣтъ въ переводѣ Симмаха. Его ясная стилистически правильная греческая рѣчь понятна для природнаго грека и даже изящно передавала смыслъ свящ. текста, не держась его съ буквализмомъ. Для литературно-образованнаго человѣка переводъ Симмаха могъ представить не только интересное, но даже пріятное чтеніе.

На основаніи всего этого я дѣлаю выводъ, что востокъ для привлеченія Лактанціи къ христіанству сдѣлалъ, быть можетъ, не меньше, чѣмъ западъ, и что въ богословствованіи Лактанціи многое объясняется прямо восточными вліяніями.

XV.

Предшествующими замѣчаніями исчерпываются мои разногласія съ авторомъ по всей линіи біографіи Лактанціи, которая занимаетъ стр. 1—65. Слѣдующій отдѣлъ (стр. 66—107) выискиваетъ отношеніе Лактанціи къ языческимъ и христіанскимъ писателямъ

и книгамъ свѣщ. Писанія. Какъ и предшествующій, этотъ отдѣлъ составленъ на основаніи тщательнаго изученія подлежащей литературы. Разсуждая объ «языческихъ писателяхъ въ сочиненіяхъ Лактанція», авторъ находится въ области своей специальной компетенціи, какъ ни разнородна по своему характеру та литература, которою пользуется Лактанцій. Здѣсь я не имѣю ничего ни поправить, ни восполнить въ трудѣ автора. Лишь одинъ пунктъ нуждался бы въ болѣе выпуклой постановкѣ, — это вопросъ: почему Лактанцій такъ усердно пользуется «свилами?» (А. И. Садовъ, стр. 73. 74. 75).

По моему мнѣнію, въ этомъ сказался не только духъ времени и не одиѣ апологетическія цѣли: здѣсь прежде всего обнаружилась недалекая богословская проникательность самого Лактанція. У него было въ рукахъ превосходное произведеніе истиннаго богослова, Testimonia св. Кипріяна. Какъ всякій истинный мастеръ, св. Кипріянь выказалъ себя здѣсь въ самоограниченіи. Онъ понимаетъ, что «vetus testamentum in popo patet», что «пророчества» понятны только вѣрующему христіанину и только для него они—«свидѣтельства». По буквѣ и въ каждомъ пророчествѣ въ отдѣльности, конечно, многое неясно, дано лишь въ видѣ «типа», намекъ, тѣни. И св. Кипріянь ведетъ дѣло такъ: Въ Test. II, 16, напр., въ заглавіи онъ ставитъ тезисъ: «Христось въ пророчествахъ именуется камнемъ». Затѣмъ онъ приводитъ текстualmente пять ветхозавѣтныхъ мѣстъ. Въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности слово «камень» можно бы понять, какъ поэтическій оборотъ рѣчи; но то постоянство, съ какимъ этотъ образъ повторяется отъ Моисея до Захарія, производитъ убѣждающее впечатлѣніе. Далѣе приводятся слова ап. Петра, что этотъ камень есть Христось. Съ этимъ твердо установленнымъ новозавѣтнымъ увоззрѣніемъ св. Кипріянь опять обращается къ ветхому завѣту и указываетъ еще пять событій, въ которыхъ подъ образомъ камня предвозвѣщается Христось. — Эта сторона пророческаго «свидѣтельства» оказалась слишкомъ тонкою для разумнія Лактанція. Для него «типовъ» не существуетъ. Всюду онъ хочетъ видѣть прямые пророчества, принимаетъ ихъ чуть не за математически точныя доказательства, которыми можно и язычипка принудить увѣровать въ новозавѣтныя событія, заставить признать ихъ и для него безспорными фактами. Въ задорѣ полемики

съ Иерокломъ Лактанцій вопреки евангелію (Іоан. 5, 36; 10, 25; 14, 11), смѣло провозглашаетъ слѣдующее: «Если есть въ тебѣ хоть капля смысла, то пойми, что мы не потому во Христа увѣрвали какъ въ Бога, что Онъ чудеса творилъ, а потому, что увидѣли, что на Немъ сбылось все, чтò предвозвѣщено намъ пророками. Онъ чудеса творилъ! Да мы (такъ же, какъ и вы теперь, — такъ же, какъ и іудеи тогда) сочли бы Его за мага, если бы все пророки единомысленно не предрекли, что Онъ сотворитъ именно эти чудеса». *Instit.* V, 5, 18. 19.—Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Лактанцій—мѣстами—попадаетъ въ положенія прямо ложныя. Въ двухъ случаяхъ онъ, видимо вынуждаемый своимъ *πρώτον φεῦδος*, — прибѣгаетъ къ литературно-недобросовѣстному средству: къ передѣлкѣ пророчества.

а) Въ 1 Цар. 2, 35 Господь отвергаетъ потомство Илія и на мѣсто его изъ другого племени возставляетъ себѣ *жреца вѣрна: и предѣидеть предъ христомъ Моимъ во вся дни*. Для св. Кипріана этотъ «жрецъ вѣрный» есть только «типъ» (уже потому не Самъ Христосъ, что не изъ колѣна іудина), и выраженіе: «*in conspectu christorum meorum*», т. е. царей израильскихъ, не представляетъ ничего затруднительнаго. Но Лактанцій, *безспорно* взявшій этотъ текстъ у св. Кипріана, принялъ слова Господа за прямое пророчество о Христѣ. Однако азычники справедливо могли спросить апологета: Предъ какими же «христами» І. Христосъ совершаетъ Свое священническое служеніе? По твоимъ же словамъ, *Instit.* IV, 7, 6. 7. 8; 10, 18, «христы» — цари іудейскіе, а когда Христосъ родился, царей въ Іудеѣ давно уже не было.—Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, Лактанцій вмѣсто «*in conspectu christorum meorum*» пишетъ: «*in conspectu meo*».

б) Вслѣдъ затѣмъ приводится видѣніе пророка Захаріи (3, 1—8), которому показалъ Господь *Исуса іереа великаго, и рече къ нему* (Исусу): *се отяжъ беззаконія твоя*. Для св. Кипріана первосвященникъ Исусъ есть только прообразъ І. Христа. При такой точкѣ зрѣнія и слова: «*Ecce abstuli iniquitates tuas*» не представляютъ ничего неудобнаго. Но Лактанцій раздражается филиппикю противъ «сумаешедшихъ (*mente captos*) іудеевъ», которые въ первосвященникѣ усматриваютъ Исуса сына Иоседекова. Они «лгутъ и заблуждаются». Пророкъ «*apertissime*» «глаголаеъ объ Исусѣ Сынѣ Божіемъ». *Instit.* IV, 14, 6—14. Логическое нака-

заніе не замедлило бы постигнуть ритора, qui nimis probat: язычники конечно указали бы ему на все несоотвѣтствіе словъ: «се отъялъ беззаконія твоя», если Іисусъ есть Сынъ Божій. Но Лактанцій предотвратилъ это опасное возраженіе, заранее опустивъ въ пророчествѣ слова: «Et dixit... tuas».

Очевидно такой взглядъ на значеніе пророчествъ ввергаетъ Лактанція въ сивилловѣріе. Конечно предсказанія «сивиллъ»; какъ prophetiae post euentum, списанныя прямо съ евангелія, предвѣщали евангельскія событія несравненно точнѣе, нежели сами пророки. Никто изъ пророковъ не предрекъ подробно, что І. Христосъ насытитъ пятью хлѣбами и рыбою именно пять тысячъ мужей и именно въ пустынѣ, и что остатки хлѣбовъ наполнятъ 12 корзинъ; что Ояъ будетъ ходить по волнамъ. А «сивиллы» все это обстоятельно «предсказали». Лактанцію требуютъ именно такія пророчества: они давятъ язычниковъ словно петля, и тѣмъ не остается другого выхода, какъ признать такія «изреченія сивиллъ» подложными.

Списокъ мѣстъ изъ христіанскихъ авторовъ, которыми пользовался Лактанцій, стоилъ А. И. Садову значительнаго и кропотливаго труда, въ результатѣ котораго получились «приложенія» 5-е, 6-е, 7-е и 8-е. Авторъ пересмотрѣлъ здѣсь и тѣ основанія, на которыхъ ученые устанавливають зависимость Лактанція въ этихъ мѣстахъ отъ того или другаго предшествующаго христіанскаго писателя. По поводу всего этого отдѣла (стр. 77—85) я могу сдѣлать только два замѣчанія:

1. Его заглавіе неточно. Авторъ долженъ бы былъ написать: «Пользованіе христіанскими латинскими авторами въ сочиненіяхъ Лактанція», потому что далѣе не упомянуть св. Теофілъ антиохійскій. Между тѣмъ проф. Гарнаккъ въ *Litteratur-Geschichte*, S. 497, пишетъ слѣд.: «Сколько извѣстно, *первый* назвалъ по имени и цитировалъ (*Instit.* I, 23, 2) Теофіла Лактанцій». Эта подробность, во всякомъ случаѣ интересная, дѣлаетъ большую честь начитанности Лактанція, если только большую часть этой похвалы не слѣдуетъ отнести на счетъ тѣхъ восточныхъ, которые — можетъ быть — обратили его вниманіе на этого древняго отца церкви. Можно при этомъ припомнить, что лукіанисты были ученики пресвитера *антиохійскаго*, а Теофілъ былъ епископъ *антиохійскій*. Да и Евсевій, *hist. eccl.* 4, 24, 1, о трехъ кни-

гахъ Θεοφιλα къ Автоливу узвалъ, конечно, не отъ Лактанція.

2. Сверхъ поименованныхъ у Брандта (А. И. Садовъ, стран. 263—265) сочиненій св. Кипріяна, которыми Лактанцій пользовался, слѣдуетъ отмѣтить еще зависимость Inst. IV, 30, 10 (А. И. Садовъ, стр. 181, пр. 2) отъ epist. 73 (Iubaiano), п. 4. Брандтъ этого не замѣтилъ; но имя «Anthropiani» въ обѣихъ мѣстахъ доказываетъ это ясно. «Anthropiani» — секта видимо африканская — только трижды и упоминаются въ христіанской письменности: у св. Кипріяна, у Лактанція и у блаж. Августина (Hort въ Smith and Wace, Dictionary, I, 119).

Относительно «библейскихъ текстовъ въ сочиненіи Лактанція» (стр. 85—107) я высказался въ гл. XIV, стр. 173—175.

Дальнѣйшая глава (стр. 108—123) характеризуетъ Лактанція какъ апологета. Строго говоря, тема этой главы могла бы и одна составить достаточный матеріалъ для самой серьезной богословской монографіи. Если Лактанцій и представляетъ изъ себя не незначительную величину въ церковной письменности, то во-первыхъ — какъ апологетъ, во-вторыхъ — какъ авторъ сочиненія *De mortibus persecutorum*. На 16 страницахъ авторъ могъ дать только слатый очеркъ существенныхъ моментовъ апологетики Лактанція, но, конечно, не могъ даже и намѣтить всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые должны бы подлежать рѣшенію въ спеціальному сочиненіи. Изъ гл. XI, стр. 150—153, видно, что, по моему мнѣнію, Лактанцій какъ апологетъ стоитъ невысоко. И авторъ тоже, подлѣ свѣтлыхъ сторонъ апологетики Лактанція, признаетъ и вѣрно отмѣчаетъ и ея недостатки.

XVI.

Вторая часть изслѣдованія А. И. Садова, стр. 124 — 207, имѣетъ своимъ предметомъ «богословіе Лактанція», третья, стр. 207—234, — его «христіанское нравственное ученіе». Взятые вмѣстѣ, эти двѣ части содержатъ самыя лучшія страницы въ книгѣ автора. Можно, правда, допустить, что предшествующая

часть, чисто историческая и историко-литературная, дала ему возможность выказать очень широкую эрудицію. Но въ тоже время авторъ вмѣствъ съ достоинствами наличной литературы перенесъ на страницы своего изслѣдованія и ея недочеты. Съ другой стороны, въ первой части не совсѣмъ выгодно для дѣла отразились и особенности личности автора: его преимущественная склонность къ преникѣ тамъ, гдѣ большихъ результатовъ можно бы ожидать отъ энергичной полемики. Наконецъ, на всемъ протяженіи этой части авторъ имѣлъ самаго неудобнаго предшественника въ лицѣ Брандта, превосходящая слава котораго обращала его—слишкомъ часто—въ безпрекословнаго спутника.

Вступая съ начала второй части въ область чисто богословскую, авторъ неизбежно долженъ былъ взять на себя трудъ, на первый взглядъ болѣе скромный, чѣмъ тѣ задачи, которыя онъ рѣшалъ въ предшествующихъ отдѣлахъ, — трудъ изложенія и возможной систематизаціи взглядовъ Лактанція. Значеніе эрудиціи здѣсь понижалось. Но и Брандтъ не работалъ надъ этими вопросами. Открывалось благодарное поле для приложенія собственнаго сужденія автора, спокойнаго, яснаго, щепетильно осторожнаго въ богословскихъ выводахъ.

Въ первой главѣ второй части («Мысли апологета о религіи», стр. 124—135) авторъ не могъ сдѣлать многого: Лактанцій всего менѣе былъ послѣдовательнымъ богословскимъ мыслителемъ, и изслѣдователю его воззрѣній приходится отмѣчать эту неслѣдовательность.

Вторая глава (стр. 136 — 159): «Мысли Лактанція о Богѣ, въ особенности о Богѣ Отцѣ и Сынѣ» — самая важная во второй части и самая интересная для читателей-богослововъ. Ясность и твердость взгляда автора вужно поставить ему здѣсь въ похвалу. Онъ не поддавался искушенію — смѣшивать *quadrate rotundis*, не слилъ въ одно точку зрѣнія *догматическую*, которая должна отличаться непреложностью предъявляемыхъ ею требованій и цѣнить мысли Лактанція, не взирая на лицо его, — и точку зрѣнія *историческую*, которая беретъ Лактанція только въ связи съ современными ему условіями и взгляды его должна оцѣнивать *лишь сравнительно* съ воззрѣніями его современниковъ и предшественниковъ. Обычно текстъ въ книгѣ автора представляеть догматическую оцѣнку взглядовъ Лактанція, а подъ строкою

пзлагаются — такъ сказать — смягчающія обстоятельства, вносимыя въ эту оцѣнку историческимъ сужденіемъ о Лактанціи.

Прежде всего авторъ сжато и твердо устанавливаетъ, что Лактанцій держался своеобразнаго представленія объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ, потому что о Самомъ Богѣ мыслилъ антропоморфически. Это положеніе невозможно оспаривать. Но въ историческомъ порядкѣ, думаю, слѣдуетъ признать справедливый моментъ и въ попыткѣ Шторфа (А. И. Садовъ, стр. 139 прим.). Если авторъ желаетъ отклонить ее безусловно, то онъ долженъ бы сказать, какъ же иначе, на языкѣ своего времени, слѣдовало Лактанцію выразить ту истину, что Богъ есть не *abstractum*, а *concretum*.

И противъ дальнѣйшаго изложенія ученія Лактанція о Богѣ Отцѣ и Сынѣ я не имѣю возраженій. Моя попытка — точнѣе, опредѣленнѣе указать тѣ восточныя вліянія, которыя отразились на взглядахъ Лактанція, предложена выше, въ гл. XIV. Дѣньсколю ограничивающихъ замѣчаній можно сдѣлать по поводу исторической оцѣнки автора.

1. (Стр. 139). При оцѣнкѣ выраженія «*ex se ipso sit processus*» слѣдовало бы принять во вниманіе богословскій терминъ «*Aseität*».

2. (Стр. 153). Умозрительныя разсужденія о томъ, почему воплотился именно Богъ Слово—Единородный Сынъ Божій, даже и отцы церкви предлагаютъ какъ свои «личныя предположенія». «Другого основанія», т. е. текста св. Писанія, очевидно и представить невозможно, и потому-то мысли человѣческой и приходится вдаваться въ умозрѣнія.

3. (Стр. 153). Слѣдовало бы прямо и ясно сказать, что слова Лактанція: «*et Deum fuisse et hominem ex utroque genere permixtum*»—зайствованы у св. Кипріана (*Testim.* II, 10): «*Quod et homo et Deus Christus ex utroque genere concretus ut mediator esse inter nos et Patrem posset*». Если авторъ не имѣлъ въ виду настаивать, что «*permixtum*» существенно различно отъ «*concretum*»; то онъ долженъ признать, что для Лактанція изреченіе св. Кипріана было *auctoritas sufficiens* и слѣдовательно — при исторической оцѣнкѣ — за недостаточную точность выраженія Лактанцій, какъ копистъ, никакой отвѣтственности и нести не долженъ.

4. (Стр. 155, пр. 4). Не излишне имѣть въ виду, что св. Дукіанъ антиохійскій, конечно—далеко оставившій за собою Лак-

танція—какъ богословъ, о чeловѣчествѣ Христовоѣ выражался, повидимому, тоже весьма неясно, такъ что въ послѣдствіи слышались нареканія, что въ этомъ пунктѣ Лукіанъ мудрствовалъ со-всѣмъ по-аріански, т. е. подъ чeловѣчествомъ во Христѣ разумѣлъ только одно *тѣло*.

XVII.

Что касается ученія Лактанція о Св. Духѣ, то я расхожусь здѣсь съ авторомъ (стр. 157 — 159) во взглядахъ радикально. Слова блаж. Иеронима (стр. 158, пр. 6) столь недвусмысленно ясны и такъ категоричны, что ихъ нужно принять безъ всякихъ отговорокъ. Слишкомъ трудно допустить, чтобы Иеронимъ, жившій въ ту эпоху, когда ученіе о Св. Духѣ составляло предметъ оживленныхъ споровъ, не обратилъ на слова Лактанція серьезнаго вниманія, или же передалъ содержаніе ихъ небрежно и неточно. Оспаривать такое опредѣленное показаніе Иеронима значить идти на вѣрное *методическое* поражение. Вѣдь недаромъ же онъ въ обоихъ мѣстахъ отсылаетъ читателей именно къ «посланіямъ къ Деметріану», до насъ несохранившимся, и сряду же (прямо послѣ «demonstrari») заявляетъ: «Quis mihi interdicere potest ne legam institutionum eius libros, quibus contra gentes scripsit fortissime, quia superior sententia detestanda est?» Т. е. Иеронимъ прямо утверждаетъ, что этого ложнаго ученія о Св. Духѣ въ Institutiones нѣтъ: оно читается въ epistolae ad Demetrianum. А А. И. Садовъ разсуждаетъ: такъ какъ въ Institutiones этого ученія нѣтъ, то его не было и въ посланіяхъ къ Деметріану.—И тѣ мѣста изъ Institutiones, на которыя ссылается авторъ, въ дѣйствительности ни мало не «препятствуютъ принять» этотъ «взглядъ блаж. Иеронима».

1. Если этого не замѣчаетъ читатель, то лишь потому, что авторъ привелъ ихъ не достаточно полно (какъ в выпаску изъ Hieron. epist. 84, п. 7). Вотъ связь ихъ. Inst. IV, 11, 7. sed illum Filium suum primogenitum — Богъ Отецъ — delabi iussit e caelo ut religionem sanctam Dei transferret ad gentes. — 8. quod iam pridem denuntiaverat se esse facturum, sicut Malachiel propheta indicat

[это «se» чрезвычайно важно: оно показываетъ—про-

тивъ автора, стр. 158, пр. 2, что «Духъ Божій», глаголавшій во пророкахъ, есть *Самъ Сынъ Божій*].—

Inst. IV, 12, 1. Descendens itaque de caelo

[это «itaque», пропущенное авторомъ въ стр. 157 пр. 5, опять весьма важно: оно доказываетъ, что Лактанцій возвращается къ «Filium suum—dehabet—e caelo», беретъ опять оставленную выше нить рѣчи: повѣствованіе идетъ, слѣдовательно, о *Сынѣ Божіемъ*]

sanctus ille Spiritus Dei

[это «ille» опять указываетъ на предыдущее: «Святой оный Духъ Божій», о которомъ рѣчь была выше; а выше Лактанцій говорилъ только о *Сынѣ Божіемъ*]

sanctam virginem cuius utero se insinaret elegit. at illa etc.

[авторъ опять пропустилъ *существенно-важныя слова*: «cuius utero se insinaret» и усмотрѣлъ, благодаря этому, «совершенную ясность» тамъ, гдѣ совершенно ясна противоположная мысль: что *Сынъ Божій* есть особое Божеское Лице].

2. Если этотъ анализъ не разсвѣялъ сомнѣній относительно того, Вторую или Третью Ипостась св. Троицы Лактанцій разумѣеть, когда говорить о Духѣ Божіемъ, глаголавшемъ во пророкахъ и сошедшемъ во чрево св. Дѣвы, то я, конечно, не имѣю средствъ доказать свою мысль, если только эта тѣнь сомнѣнія устоитъ даже и противъ слѣд. мѣста (Inst. IV, 18, 31), *не цитованнаго у автора*: «quae utique propheta [Давидъ во пс. 21] non de se locutus est—sed SPIRITVS DEI per eum loquebatur QUI FUERAT ILLA PASSIVVS post annos mille et quinquaginta». А что подъ Святымъ Духомъ, наптіемъ котораго совершилось воплощеніе Слова, Лактанцій разумѣлъ *Сына Божія*, это нисколько не удивительно: такъ же думали и Тертуліанъ и св. Кипріанъ.

Tertull. adv. iud. 13: liberabit nos post biduum die tertia (Осн 6, 1 — 3), quae est RESURRECTIO eius gloriosa, de terra in caelos cum recepit unde et VENERAT IPSE SPIRITVS AD VIRGINEM, cuius neque nativitatem neque passionem iudaei agnoverunt. advers. Prax. c. 20: dicens Spiritus Dei superveniet in te (Лук. 1. 35)—portionem totius intelligi voluit quae cessura erat in Filii nomen; hic Spiritus Dei idem erit Sermo.

Cypr. de idolorum vanitate c. 6 (XI): Sermo et Filius Dei mittitur qui per prophetas omnes—praedicabatur. Hic—in virginem illabitur, carnem Spiritus sanctus induitur, Deus cum homine miscetur.

3. Если, вслѣдъ за Оверлахомъ, А. И. Садовъ (стр. 153, пр. 2) думаетъ, что ипостасное бытіе Св. Духа выражено въ Inst. IV, 14, 15; то, по моему мнѣнію, въ эту иллюзію онъ вдался потому, что текстъ не совсѣмъ ясный (который — по требованію научнаго метода—слѣдуетъ толковать въ смыслъ совершенно яснаго Inst. IV, 18, 31) онъ пояснилъ произвольною вставкою (изъ предыдущаго) слова «Iesus»: достаточно не читать этого вставленнаго слова, и «Spiritus Dei» окажется подлежащимъ и въ главномъ, и въ придаточномъ предложеніи.

4. Inst. IV, 15, 3 (стр. 153, пр. 1) тоже не рѣшаетъ вопроса въ томъ смыслѣ, на которомъ авторъ настаиваетъ: явленіе Св. Духа въ видѣ голубя Лактанцій могъ представлять — какъ откровеніе святости Отца такое же не ипостасное, какъ и «vox», гласъ Отца.

По всему этому я считаю непоколебленно и непоколебимо твердымъ антитезисъ Мартенса (А. И. Садовъ, стр. 159, пр. 1), что Institutiones не только не опровергають и не ослабляютъ, но скорѣе подтверждаютъ показаніе Иеронима, что «per imperitiam scripturarum» Лактанцій «errore iudaico» держался ложнаго представленія о Св. Духѣ. Авторъ правъ лишь въ томъ отношеніи, что изъ Institutiones мы не могли бы вывести сами строго-логически такого заключенія о заблужденіи Лактанція, если бы Иеронимъ не подсказалъ намъ этого.

Загадочнымъ это заблужденіе становится лишь подъ угломъ зрѣнія, указаннымъ мною въ гл. XIV, — когда мы поставимъ вопросъ: какимъ образомъ Визаннія не просвѣтила Лактанція католическимъ ученіемъ о Св. Духѣ? Въдъ объ ипостасномъ бытіи Его твердо учили и оригенисты и самъ Лукіанъ и даже ариане.— Отвѣтъ, который мнѣ представляется *самымъ вѣроятнымъ*, я излагаю въ концѣ главы XX.— Но, съ другой стороны, нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ предположеніи, что Лактанцій жилъ въ Визанніи въ такое время, когда здѣсь въ напчномъ богословствованіи о

Св. Духъ сазалась своеобразная «интерференція свѣта», когда здѣсь заявили о себѣ тѣ догматическія теченія, съ которыми приходится встрѣчаться въ продолженіе IV в. а) Въ «Хр. Чтеніи» 1891, II, 280—281 я имѣлъ случай указывать, какъ неопредѣленно выражались объ Ипостаси Св. Духа восточные богословы въ 344 г. (а въ нихъ нельзя не признать лучшія и наиболѣе чистыя силы оригенистовъ и лукіанистовъ, очутившіяся въ аріанскомъ лагерѣ). Ясно исповѣдуя св. Троицу, т. е. Отца и Сына и Св. Духа, эти богословы однако опасаются не того, что кто-нибудь заподозритъ ихъ въ *требожии*: они предусматриваютъ только возможность обвиненія ихъ въ *двубожии*, и потому настаиваютъ, что, называя Отца Богомъ и Сына Богомъ, они не двухъ Боговъ исповѣдуютъ. А далѣе восточные говорятъ о «Сынѣ, дарующемъ благодать Св. Духа». Чтò же было бы удивительнаго, если бы Лактанцій, наслушавшись подобныхъ разсужденій, написалъ одну изъ лучшихъ главъ своихъ *Institutiones* (А. И. Садовъ, стр. 150) о томъ, что Богъ Отецъ и Богъ Сынъ не два Бога, и остался при «іудейскомъ мнѣніи» о Св. Духѣ?—б) Равнымъ образомъ и богословская мысль, по тенденціи діаметрально противоположная субординаціонизму, не была свободна отъ заблужденій въ ученіи о Св. Духѣ. Василій великій знаетъ такихъ ревнителей, которые полагали, что «Св. Духъ»—*πρεσβύτερον* Πατρός, есть «болѣе первичное» понятіе о Богѣ, чѣмъ «Отецъ». Если Лактанцію приходилось встрѣчаться съ богословами этого типа, то они, конечно, не имѣли существенныхъ возраженій противъ взгляда латинскаго риторика, что именемъ «Св. Духъ» означаетъ и Отецъ и Сынъ, точнѣе: святость того и другого Лица.

XVIII.

Далѣе (стр. 160—174 и 266—273) слѣдуетъ глава о дуалистическихъ представленіяхъ Лактанція, поясняемая въ «приложеніи» 9-мъ. Выраженная авторомъ увѣренность, что обълить Лактанція на этомъ пунктѣ невозможно, равно и богословская оцѣнка этихъ мнѣній Лактанція, вполнѣ основательны. Въ пр. 3 стр. 272 авторъ высказалъ болѣе правильный взглядъ на литературно-критическую сторону этого вопроса, чѣмъ въ тѣхъ строкахъ текста, къ которымъ это примѣчаніе относится. Если для А. И. Садова въ этомъ

вопросъ еще возможны колебанія, то—не для меня. Признавая (выше стр. 154—156) подлинными панегирическаія обращенія Лактанція къ Константину, я, конечно, не могу оспаривать и подлинности «дуалистическихъ прибавокъ», такъ какъ и Kaisarenreden и эти «прибавки» читаются въ тѣхъ же самыхъ рукописяхъ RSg. Слѣдовательно, въ «дуалистическихъ прибавкахъ» до насъ сохранился остатокъ «второго изданія» Institutionum (respective сочиненія «De officio»). Но мы, понятно, не знаемъ, (замѣчу противъ стр. 272 автора), не устранилъ ли «сравнительно болѣе существенной разности» (читаемой въ «первомъ изданіи») самъ Лактанцій и не изложилъ ли (во «второмъ изданіи») своихъ воззрѣній такъ, что никакого «нарушенія связи мыслей» они не производили. Получается, такимъ образомъ, то заключеніе, что *Лактанцій прогрессировалъ въ развитіи своихъ дуалистическихъ представленій* и на склонъ дней своихъ, extrema senectute, болѣе отклонился отъ каѳолческаго догмата, чѣмъ въ никомидійскій періодъ своей литературной дѣятельности.

Важный вопросъ о томъ, подъ какими вліяніими сложились дуалистическія представленія Лактанція, едва затронуть въ на-личной литературѣ. И авторъ (стр. 174) повторяетъ общее мѣсто о «вліяніи гностическо-манихейскихъ представленій», хотя отлично знаетъ (стр. XIX), что единственный изъ его предшественниковъ, отнесшійся серіознѣе другихъ къ этому вопросу, Мартенсъ «пришелъ къ заключенію о несходствѣ» системы Лактанція съ манихействомъ «въ существенномъ». Во всякомъ случаѣ, говорить о «гностическо-манихейскихъ» вліяніяхъ, не обозначая самыхъ деталей, значитъ тоже, что утверждать, что дуалистическія воззрѣнія Лактанція сложились подъ вліяніемъ дуалистическихъ воззрѣній. Вопросъ поставленъ, очевидно, неудовлетворительно, и это даетъ мнѣ право, не погрѣшая противъ обязанности научнаго консерватизма, предложить совсѣмъ другое мнѣніе объ источникѣ дуалистическихъ представленій Лактанція.

Думаю, что всякому бросается въ глаза одна подробность въ дуалистическихъ мнѣніяхъ Лактанція: онъ приписываетъ (А. И. Садовъ, стр. 161) этическо-религіозное значеніе космической противоположности юга и сѣвера. Начинаетъ онъ, правда, съ противоположности востока и запада, которой нетрудно усвоить мистическій и религіозный смыслъ и на почвѣ библейской и

христіанской (Христосъ есть «востокъ съ высоты», пришедшій къ естеству нашему—«темному западу»; христіанинъ обращается лицомъ къ западу, когда отрицается сатаны при крещеніи и затѣмъ, обращенный лицомъ къ востоку, сочетается Христу, и т. п.); для такого противопоставленія юга сѣверу въ христіанствѣ опорныхъ точекъ нѣтъ. Но, всматриваясь въ аргументацію Лактанція, легко можно замѣтить, что противоположность юга сѣверу у него должна не только преобладать надъ противоположностью востока западу, но даже и вытѣснить эту послѣднюю, какъ излишнюю. Востокъ противоположенъ западу, какъ свѣтъ—тьмѣ, югъ—сѣверу, какъ тепло—холоду. Но въдъ совершенно очевидно, что сѣверъ темнѣе запада, югъ свѣтлѣе востока. Видимо, Лактанцій приговяетъ свои послылки къ заравѣ извѣстному заключенію, приспособляетъ свои мотивы къ христіанскому (или другому какому-нибудь) противоположенію востока западу. — Но извѣстно, что именно противоположность сѣвера югу имѣетъ огромное значеніе въ религіозныхъ представленіяхъ Зороастра. «Отъ сѣверной половины, отъ сѣверныхъ странъ прибѣжалъ Анромайньюсь, многопагубный, изъ девовъ девъ», съ намѣреніемъ— «уморить непорочнаго Заратустру». Напротивъ, непремѣнно съ юга прилетаютъ къ праведному вѣстники Аура-Мазды, прай парсовъ, «hara berezaiti», «гора высокая», лежитъ на югѣ.—Противоположивъ этически югъ сѣверу, Лактанцій, по моему мнѣнію, далъ улвку противъ себя: *его дуализмъ парсійскаго происхожденія*.

Вопросъ о *посредствующемъ* источникѣ тоже можно рѣшать съ нѣкоторою увѣренностію. Во II—IV вв. въ римской имперіи, даже между аристократами мысли и происхожденія, распространень былъ *культъ Митры*. Его послѣдователей можно было встрѣтить и въ Римѣ и въ провинціяхъ, въ Африкѣ, въ Германіи, въ Дакіи. Своего бога они призывали даже на титулахъ, воздвигаемыхъ имп. и н. в. в., «in honorem domus diuinae», т. е. въ честь императорской фамиліи. Вильманнсъ въ своемъ сборникѣ далъ 19 inscriptiones, имѣющихъ отношеніе къ этому культу, и въ «scilicet I: tituli sacri» счелъ необходимымъ поставить «Mithriaca» въ видѣ спеціальнаго подраздѣленія. Sacra Mithrae пропагандировали въ римской имперіи парсизмъ, но парсизмъ sui generis, въ позднѣйшей стадіи его историческаго развитія. Тогда какъ въ древней системѣ Заратустры «добропобѣдный Митра» занимаетъ не очень

видное мѣсто (онъ не приваллежитъ даже къ числу семп «амешаспента»), онъ—только одинъ изъ многихъ «язата»), позднѣйшее воззрѣніе этого генія свѣта и борьбы со зломъ, блюстителя права и справедливости, одного изъ судей надъ человѣкомъ за гробомъ, отождествило съ солнцемъ и поставило весьма высоко. по Плутарху (*De Osiri et Iside* с. 46), Митра есть «μεσότης», «посредникъ» между началомъ свѣта—Ормуздомъ, и началомъ тьмы—Ариманомъ. Вѣроятно, ученый грекъ слышалъ это воззрѣніе отъ поклонниковъ Митры, которые обычно называютъ своего бога «D. S. I. M.», «Deus Sol Inuictus Mithras», но иногда свои титулы посвящаютъ ему короткимъ и выразительнымъ «оривенти», «Востоку». Восходящее солнце, дѣйствительно, посредствуетъ между свѣтомъ дня и тьмою ночи.

Стоитъ сопоставить это съ ученіемъ Лактанція, по которому «primogenitus Filius» стоитъ между Богомъ Отцемъ и—дьяволомъ, какъ второй между первымъ и третьимъ. Лактанцій съ любовью останавливается (*Institut.* II, 9, 12) на мнѣніи Цицерона, что солнце названо «sol» потому, что «obscuratis sideribus solus appareat». «Sol qui oritur in diem, licet sit unus» — для Лактанція выразительный символъ единого истиннаго Бога.

Sacra Dei Solis Inuicti Mithrae имѣли задачу — путемъ подвиговъ, испытаній, своеобразной аскетики, путемъ восхожденія со степени на степень, подготовить посвященныхъ къ блаженной жизни за гробомъ. Въ самой Персіи въ позднѣйшее время высокое значеніе Митры было признано. Ему посвященъ былъ 6-й мѣсяць года (*Mithr-mâh*) и 16-е число (*Mithr-rôz*) каждого мѣсяца. 16-го числа 6-го мѣсяца персы праздновали «*мидрâхана*», одинъ изъ величайшихъ своихъ праздниковъ, «въ знаменіе воскресенія и будущей жизни». А 21 числа 6 мѣсяца праздновали «великія *мидрâхана*» въ честь окончательнаго торжества добра надъ зломъ. Въ этотъ день персы привѣтствовали другъ друга словами: «*hazâr sâl bazî*», пожеланіемъ «тысячелѣтней жизни», — своеобразный «*хипіазмъ*»!

Изъ этого сухого очерка уже видно, что въ *mithriaca* было не мало пунктовъ соприкосновенія и съ дуалистическими элементами Лактанція, и можно поставить вопросъ: не былъ ли онъ самъ посвященъ въ *sacra Mithrae*? таинства Митры не были ли и для Лактанція «пѣстуномъ во Христа»? Противъ этого можно при-

вести только *argumentum e silentio*: въ сочиненіяхъ Лактанція нѣтъ никакого намека на культъ Митры. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣд. мѣсто (*Inst.* V, 2, 14. 15): *Ierockl̄ exprosuit adeo multa, adeo intima enumerans, ut aliquando ex eadem (=christiana) disciplina fuisse videatur. quod si fuit, quis eum Demosthenes poterit abinpietate defendere qui religionis cui fuerat accensus et fidei cuius nomen induerat et sacramenti quod acciperat proditor factus est?*» Можетъ быть, Лактанцій по принципу считалъ неблагороднымъ (*inrium*) разглашать сакраменты, въ которыя былъ посвященъ когда-то, а можетъ быть онъ находилъ это даже и не совсѣмъ безопаснымъ, такъ какъ и въ IV в., конечно, были еще люди, для которыхъ *sacra Dei Solis Inuicti Mithrae* далеко не были простою забавою.

Конечно, я и не думаю дѣлать А. И. Садову упрека за то, что онъ не прослѣдилъ тѣхъ нитей, которыя ведутъ отъ странностей во мнѣніяхъ Лактанція, быть можетъ,—къ *mithriaca*. Разъ возможность этой связи не приходила автору на мысль, онъ не имѣлъ и повода искать въ парсизмѣ того, что другіе пытались найти то въ гносисѣ то въ манихействѣ.

XIX.

Въ слѣдующей небольшой (стр. 174—179) главѣ авторъ плагаетъ хлїастическія представленія Лактанція. Значеніе этого очерка ослабляется слѣдующимъ замѣчаніемъ автора (стр. 178, пр.): Лактанцій, «повидимому, не имѣлъ относительно этого предмета вполне яснаго представленія», «не позаботился согласить всего, что онъ излагаетъ». «Поэтому подробнаго изложенія этихъ взглядовъ, требующихъ особаго детальнѣйшаго разсмотрѣнія, здѣсь не дѣлается». Противъ этого можно сказать многое.

1. Прежде всего здѣсь слышится какъ будто нѣкоторая неясность во взглядѣ автора на свою задачу. Если представленія Лактанція и дѣйствительно «не вполне ясны» и даже «противорѣчивы»; то обязанность изслѣдователя въ томъ и состоитъ, чтобы доказать, что эти противорѣчія дѣйствительно существуютъ. Освободить же себя отъ самой обязанности изслѣдовать дѣйствительныя мнѣнія Лактанція, противорѣчивыя или строго выдержанныя, ученый—думаю—не имѣетъ права.

2. Свои хиліастическія мнѣнія Лактанцій съ рѣдкою для него систематичностью изложилъ всѣ въ одной только VII книгѣ *Institutio* и, слѣдовательно, самъ избавилъ ученыхъ отъ труда—извлекать ихъ по крупицамъ изъ различныхъ сочиненій. Кроме того, въ позже написанной *Eritome* самъ Лактанцій далъ и авторитетный конспектъ къ седьмой книгѣ своего главнаго сочиненія. Въ виду этого я думаю, что авторъ преувеличиваетъ тѣ трудности, которыя представляетъ хиліастическое ученіе Лактанція «Детальнѣйшее разсмотрѣніе» могъ бы легче, чѣмъ кто другой, выполнить самъ авторъ, положившій такъ много труда на изученіе текста Лактанція. Ожидать, что по всякому сколько-нибудь сложному вопросу въ Россіи появится специальная диссертация, значить накладывать на нашу богословскую литературу пградъ и бурю. Обиліе «пособій» несомнѣнно есть бремя,—да не забывается это! И Лактанцій, какъ величина церковно-историческая, совсѣмъ не такъ значителенъ, чтобы такую компактную богословскую литературу, какъ русская, осложнять изслѣдованіемъ о «деталяхъ» его мнѣній, да еще такихъ, какъ хиліазмъ, т. е. заблужденіе вполне отжившее.

3. Въслѣдствіе того, что излагать взгляды Лактанція подробно авторъ не пожелалъ, онъ опустилъ въ своемъ пересказѣ одну подробность, богословская важность которой едва ли подлежитъ спору. Въ «Православно-Догматическомъ Богословіи» высокопр. Макарія (§ 252 прим. 235. 226; ср. § 249 прим. 172) Лактанцій причисляется къ тѣмъ писателямъ, которые, не отвергая частнаго суда непосредственно послѣ смерти, полагали однако, что до всеобщаго суда души праведныхъ находятся въ раѣ, но только не на небѣ, а въ преддверіи неба.—Такое представленіе о Лактанціи невѣрно. Вотъ какъ онъ думалъ на самомъ дѣлѣ: *Inst. VII, 20, 1. 5. 6.* *Postquam gubemator antichristi, ante summum adventum imperii millenarii regni «aperientur inferi et surgent mortui de quibus iudicium magnum idem ipse Rex et Deus faciet. — nec tamen universi tunc a Deo iudicabuntur, sed ii tantum qui sunt in Dei religione versati; nam qui Deum non agnouerunt — iam iudicati damnatique sunt. iudicabuntur ergo qui Deum scierunt et facinora eorum id est mala opera cum bonis conlata ponderabuntur».* И въ VII, 21, 7. 8: *«nec tamen quisquam putet animas post mortem protinus iudicari: omnes in una communione custodia detinentur, donec tempus adueniat quo*

maximus iudex meritorum faciat examen. tum quorū fuerit probata iustitia, hi praemium immortalitatis accipient, quorum autem peccata et scelera detecta, non resurgent, sed cum impiis in easdem tenebras recondentur ad certa supplicia destinati». Слѣдовательно

2) «частный судъ» «тотчасъ по смерти» Лактанцій отрицаетъ explicitissime.

3) Онъ полагаетъ, что въ настоящее время и праведные не только не видятъ свѣта лица Божія, но и находятся не въ раѣ и не въ преддверіи неба: нѣтъ, они заперты въ преисподней, въ общей темницѣ вмѣстѣ не только съ нечестивыми христіанами, но и съ язычниками, уже заранѣе осужденными ipso facto ихъ невѣрія.

Такъ какъ чествованіе святыхъ въ католической церкви основывается на вѣрѣ въ бытіе частнаго суда, покоится на убѣжденіи, что Господь уже вѣнчалъ небесною славою усопшихъ избранныхъ рабовъ Своихъ; то слѣдствія возрѣній Лактанція, Trugweite ихъ,—думаю—вполнѣ ясны.—И такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть совершенныхъ литературныхъ памятниковъ и особенно трудно избѣгать какихъ-нибудь неточностей въ курсахъ, какъ бы ни велики были знанія ихъ авторовъ; то очевидно ученые монографисты должны смотрѣть, какъ на прямую научную задачу своихъ изслѣдованій,—на исправленіе невольныхъ неточностей, допущенныхъ въ трудахъ, имѣющихъ достоинство высокаго авторитета.

4. Но и самъ авторъ излагаетъ мнѣніе Лактанція невѣрно, когда пишетъ (стр. 178): «Христосъ воскреситъ людей, познавшихъ Бога, и произведетъ судъ надъ ними, отдѣлитъ изъ среды ихъ достойныхъ награды, съ которыми и будетъ царствовать на землѣ тысячу лѣтъ». Но спрашивается: чтò же въ такомъ случаѣ будетъ съ «воскрешенными», которые окажутся послѣ суда недостойными награды? Умертвить ихъ Христосъ, что ли?—Мысль Лактанція совсѣмъ не та. Христосъ только изведетъ изъ преисподней души христіанъ («познавшихъ Бога») и ихъ,—точнѣе: дѣла ихъ, — испытаетъ огнемъ. Лишь тѣ христіане, души которыхъ послѣ такого экзамена окажутся праведными, «воскреснутъ», т. е. облечутся въ тѣла. А христіане грѣшныя, теперь — и только теперь — предосужденные, «не воскреснутъ»: ихъ души опять возвратятся «во тьму», въ которой свѣ находились и до-

селѣ. Слѣдовательно, этотъ судъ, ехатен, есть—по Лактанцію — судъ только надъ *душами* и предшествуетъ «воскрешенію» (т. е. облеченію въ тѣла) «праведныхъ». Авторъ, повидимому, невѣрно понялъ «*surgent*» («двинутся съ мѣстъ») VII, 20, 1 и перевелъ его: «воскреснутъ».

Глава заканчивается положеніемъ: «хиліастическія представленія были осуждены вселенскою церковію на второмъ вселенскомъ соборѣ». И при этомъ подъ строкою — никакой цитаты! Словно высказана мысль столь же безспорная, какъ, напр., та, что второй вселенскій соборъ былъ созванъ въ Константинополь въ 381 году! Это заключительное положеніе — такого свойства, что въ ученomъ сочиненіи лучше бы ему не быть. Чѣмъ выше авторитетъ суда вселенскаго собора, тѣмъ менѣе позволительно кому бы то ни было ех соиестига создавать соборно-вселенскіе приговоры, хотя бы и противъ явныхъ заблужденій. Авторъ, конечно, отлично знаетъ, что мысль, имъ повторяемая, держится лишь на такой догадкѣ: второй вселенскій соборъ (прав. 1) осудилъ на ряду съ другими еретиками также и *аполлинаристовъ*; *Аполлинарій* несомнѣнно держался, *между прочимъ*, и хиліастическихъ заблужденій; слѣдовательно, хиліастическія заблужденія осуждены на второмъ вселенскомъ соборѣ». Что это выводъ крайне сомнительной прочности, усмотрѣть не трудно: онъ безспорно покоится на *quaternio terminorum*, вѣрише: даже на *quinio terminorum*. Объ аполлинаріанахъ велась оживленная переписка между восточными и римскою церковію, и изъ нея не видно, чтобы «вселенская церковь» обращала вниманіе на хиліастическія заблужденія, которыхъ самъ *Аполлинарій* держался *между прочимъ*, а его послѣдователи, *аполлинаристы*, быть можетъ, и вовсе не держались. — И при томъ несомнѣнно одно: *никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ невозможно подтвердить того, что на второмъ вселенскомъ соборѣ была рѣчь о хиліастическихъ представленіяхъ*. Въ «Хр. Чт.» 1878, II, 180—234 напечатана обстоятельная, опирающаяся на тщательное изученіе всѣхъ фактическихъ данныхъ статья А. С—ва: «Второй вселенскій соборъ и его время». Въ ней замѣтно вліяніе строгой научной ферулы покойнаго проф. И. В. Чельцова. Считаюсь съ фактами—и только съ фактами, авторъ статьи ни на стр. 211, ни на стр. 213 и слѣд. объ осужденіи хиліазма на константинопольскомъ соборѣ не упо-

минаетъ ни единымъ словомъ. Да и нужно ли было еще на соборѣ осуждать хилиастическія заблужденія? *Cui vobis?* Свв. Василий вел. и Епифаній кипрскій еще въ 377 году и безъ всякаго соборнаго осужденія не колеблясь объявляютъ хилиастическія «бабіи басни» Аполлинарія самоочевиднымъ заблужденіемъ.

XX.

Въ слѣдующей главѣ А. И. Садовъ разсматриваетъ остальные догматическія воззрѣнія Лактанція (ученіе о церкви; понятіе о таинствахъ; указаніе на таинство крещенія; взглядъ на покаяніе и на бракъ), а равно и его мнѣніе о внѣшнихъ выраженіяхъ богопочтенія и свидѣтельство объ употребленіи крестнаго знаменія. И значеніе этихъ воззрѣній Лактанція (въ смыслъ большей или меньшей твердости ихъ засвидѣльствованія въ его сочиненіяхъ) и догматическое сужденіе объ ихъ недочетахъ и даже прямыхъ заблужденіяхъ, въ нихъ выраженныхъ, авторомъ установлены вѣрно.

Въ третьей части (стр. 208—234) излагается «христіанское нравственное ученіе и жизнь христіанъ по Лактанцію» (религія, какъ основа нравственности; добродѣтели: любовь, человѣчность; мнѣнія о патриотизмѣ, о самоубійствѣ; о свободѣ совѣсти въ религіозной области; аскетика; условія жизни христіанъ среди языческаго общества). Уже этотъ перечень даетъ понятіе о достаточномъ разнообразіи этического матеріала, извлеченнаго авторомъ изъ твореній Лактанція.

Въ краткой заключительной главѣ (235—243) авторъ предлагаетъ общее—и безпристрастное—сужденіе о Лактанціи и его трудахъ и кончаетъ свою книгу совершенно справедливымъ заключеніемъ, что Лактанцій есть только церковный писатель, не учитель и тѣмъ болѣе—не отецъ церкви.

Къ тому же самому заключенію я пришелъ бы, однако, другимъ путемъ. Всѣ изслѣдователи Лактанція, сколько знаю, не исключая и А. И. Садова, оказываются дѣтьми своего времени. Для нихъ положеніе: «Лактанцій былъ христіанинъ» имѣетъ только одинъ смыслъ. Между тѣмъ въ древней церкви выраженіе «*christianum fasces*» означало: причислить къ христіанской паствѣ въ

качествъ *оглашеннаго*. Имп. Константинъ вел. былъ конечно *христіанинъ*, когда присутствовалъ въ 325 г. на первомъ вселенскомъ соборѣ; однако въ то время онъ еще не получилъ св. крещенія. Итакъ, христіанина Лактанція слѣдуетъ ли считать крещенымъ или только оглашеннымъ? Повидимому, всѣ ученые предрасположены отвѣтить: да, крещенымъ. Я же склоненъ дать отвѣтъ: нѣтъ, оглашеннымъ. Примѣръ имп. Константина и имп. Констанція, получившихъ крещеніе лишь за нѣсколько дней до смерти, показываетъ, что такъ же могъ поступить и Лактанцій. Вполнѣ *возможно*, что всѣ свои сочиненія онъ писалъ, будучи еще оглашеннымъ. О томъ, насколько это вполнѣ возможное *вѣроятно*, приходится судить лишь по характеру тѣхъ свѣдѣній о христіанской жизни, которыя можно почерпнуть изъ его сочиненій.

1. Лактанцій не разъ говоритъ о крестномъ знаменіи, которое «праведные» изображаютъ на челѣ своемъ: христіанинъ есть человекъ *signatam frontem gerens*. Но присоединеніе въ христіанству въ качествѣ оглашеннаго (*facere christianum*) въ томъ и состояло, что епископъ или пресвитеръ возлагалъ на новообращеннаго руку и на челѣ его, новаго христіанина, изображалъ перстомъ крестное знаменіе. Это «*signum*» зналъ каждый оглашенный.

2. О крещеніи, о водѣ, о «*lucrum*» Лактанцій говоритъ довольно ясно.

3. Но о покаяніи онъ разсуждаетъ только какъ о нравственномъ подвигѣ и никогда—какъ о таинствѣ. Покаяніе, какъ эпитимію, въ качествѣ средства нравственнаго самоисправленія, церковь валагала и на согрѣшающихъ оглашенныхъ.

4. Преимущество христіанскаго религіознаго строя предъ языческимъ (А. И. Садовъ, стр. 133) Лактанцій полагаетъ въ томъ, что учителя мудрости и служители Божіи у христіанъ всегда одни и тѣ же лица, у язычниковъ же философы лишь случайно являются въ должности служителей боговъ. Это преимущество христіанскихъ пастырей апологетъ могъ бы дополнить одною важною чертою: на нихъ низводится божественная благодать. Онъ не упоминаетъ объ этомъ. Потому ли, что онъ говоритъ съ точки зрѣнія, пріемлемой и для язычниковъ? Но язычники едва ли согласились бы съ нимъ и въ томъ, что служители христіан-

скаго Бога суть учителя *мудрости*. Думаю, что Лактанцій, какъ ἀμόητος, ничего не знаетъ о хиротоніи, какъ таинствѣ, μυστήριον.

5. У Лактанція нѣтъ никакихъ указаній и на таинство евхаристіи. Едва ли не въ единственномъ случаѣ Лактанцій на ряду съ «aqua salutaris» упоминаетъ и о «caelesti cibo» (А. И. Садовъ, стр. 186, пр. 1); но изъ контекста видно (какъ совершенно справедливо доказываетъ авторъ), что подъ спасительною водою и небесною пищею разумѣется здѣсь ученіе христіанское.— Правда, именно относительно таинства евхаристіи была особенно строга disciplina arcani. Но требуемая при этомъ fides silentii сводилась не къ безусловному молчанію, а къ такому способу выраженія о таинствѣ, чтобы присутствующій при подобной бесѣдѣ ἀμόητος не понялъ, о чемъ идетъ рѣчь. Можетъ быть, и Лактанцію приходилось бывать при такихъ разговорахъ, слышать отъ μερολημένοι таинственныхъ рѣчи о «небесной пищѣ»; но въ этихъ словахъ онъ видѣлъ только метафорическое обозначеніе содержанія христіанскаго ученія. Что онъ имѣлъ самъ свѣдѣнія о величайшемъ христіанскомъ таинствѣ, ничѣмъ доказать невозможно.

Словомъ, я не вижу въ сочиненіяхъ Лактанція такихъ чертъ, которыя были бы необъяснимы безъ предположенія, что этотъ писатель былъ христіанинъ крещенный. Наоборотъ, если онъ былъ только оглашенный, то этимъ объясняется очень многое въ его сочиненіяхъ. Лактанцій былъ—такъ сказать—*богословъ самоучка*. Онъ прочиталъ нѣсколько христіанскихъ сочиненій, бесѣдовалъ съ образованными, можетъ быть даже высокоучеными христіанами въ Вѣнѣ. Было ли въ его рукахъ евангеліе, это—по моему мнѣнію—большой вопросъ, на который основательнѣе дать отрицательный отвѣтъ.

(Лактанцій цитуетъ ветхозавѣтные *тексты* весьма охотно, но онъ непоследовательно—даже съ точки зрѣнія буквальныхъ цитатъ изъ языческихъ авторовъ—и *подозрительно* скупъ на мѣста изъ новаго завѣта: всего три мѣста, въ совокупности 47 словъ—считая и «et» и «in» въ томъ числѣ).

Бесѣдъ нравственнаго характера онъ, присутствуя при богослуженіи, слышалъ достаточно много. Изъ всего этого Лактанцій и составилъ себѣ—на свой страхъ и отвѣтственность—извѣстныя

представленія о христіанской религіи. Но никто не контролировалъ ни точности этихъ представленій, ни полноты ихъ. Ему, многолѣтнему оглашенному, не былъ «врученъ символъ» вѣры (traditio symboli готовящимся ко крещенію), и не слушалъ онъ тайноводственныхъ поученій. А если такъ, то неудивительны ни его дуалистическія мнѣнія, ни его «іудейское заблужденіе» относительно Св. Духа, ни полное молчаніе о Trinitas, ни ложныя эсхатологическія представленія, ни незнакомство съ чествованіемъ святыхъ, ни преувеличенно-рѣзкое отрицательное отношеніе къ обрядности, ни наконецъ—это рискованное заявленіе, что лишь по пророческимъ свидѣтельствамъ христіане вѣруютъ и въ чудеса Христовы.

А. И. Садовъ (стр. XXXII) начинаетъ свой трудъ наблюденіемъ, что въ русскіяхъ «системахъ догматическаго богословія» Лактанцію «удѣляется меньше вниманія, чѣмъ онъ заслуживаетъ».— Мнѣ приходится закончить этотъ отзывъ тезисомъ прямо противоположнымъ. Если мое послѣднее предположеніе—не ошибка, то, очевидно, мѣсто для имени и мнѣній Лактанція—лишь въ исторіяхъ догматовъ, но никакъ не въ системахъ православно-догматическаго богословія. Лактанцій, конечно, не еретикъ; но онъ далеко не всегда и каеодиченъ. Въ немъ просто приходится усматривать христіанина съ недостаточными свѣдѣніями въ богословіи; а потому и его взгляды совсѣмъ неавторитетны тамъ, гдѣ они не подтверждаются авторитетомъ бѣльшимъ и достаточнымъ,—и излишни, если стоятъ рядомъ съ другимъ авторитетомъ.

XXI.

Мнѣ остается выразить свое заключительное сужденіе о сочиненіи А. И. Садова.

Мои предшествующія замѣчанія, принявшія размѣры столь обширныя, вызваны необходимостію для рецензента считаться съ вѣжеслѣдующимъ положеніемъ:

Совершенно безспорны права на существованіе тѣхъ ученыхъ книгъ, которыя устанавливаютъ какіе-нибудь *novae theses*, дотолдъ неизвѣстныя въ наукѣ. Такія сочиненія всѣ признаютъ за произведенія капитальныя, за труды *primaе rangi*. На ряду съ ними стоятъ и тѣ кнѣги, которыя реабилитируютъ тезисы, въ исторіи

наукъ не новые, но фактически давно позабытые, незаслуженно заброшенные, или даже прямо оспариваемые современными корифеями, какъ ложные. Въ такихъ сочиненіяхъ предлагается *новая аргументація* въ пользу старыхъ истинъ. Быть авторомъ сочиненія перваго ранга, ввести въ научную сокровищницу новый тезисъ, есть благороднѣйшая цѣль, въ какой только можно стремиться каждому истинному ученому. Тотъ рецензентъ, который, встрѣтивъ въ книгѣ новые тезисы, не призналъ бы этого,—показалъ бы тѣмъ или свою некомпетентность, или даже недобросовѣстность. Составляя отзывъ столь отвѣтственный, какъ настоящий, я не считалъ себя въ правѣ—не стать на самую высшую точку зрѣнія, на какой только можетъ стоять рецензентъ,—не прийтти къ разсматриваемому сочиненію самыхъ строгихъ требованій, какія только мыслимы. Иное отношеніе походило бы на снисхожденіе, т. е. на оскорбленіе автору.

Но я не въ состояннн указать въ книгѣ А. И. Садова какіе-либо *novae thesibus* съ капитальнымъ научнымъ значеніемъ. Но крайней мѣрѣ я не могу усвоить такого значенія ни осторожной нерѣшительности автора въ выборѣ между Firmianus Lactantius и Lactantius Firmianus, ни его замѣчаній по поводу Caelius-Caecilius, ни его рѣшимости показать, что итальянская гипотеза еще не совсемъ разбита, ни наиболее рѣшительному шагу автора во всемъ его изслѣдованнн,—тому, что онъ первый изъ русскихъ ученыхъ сталъ на сторону тѣхъ, которые сочяненіе De mortibus resecutorum не признаютъ произведеніемъ Лактанція, и т. п. Обсуждая все это на правахъ лишь равнаго противъ равнаго, я опять не считалъ себя вправѣ уволить себя отъ труда подробной мотивировки моихъ мнѣній.—Другая часть моего отзыва содержитъ мои собственныя гипотезы. Ихъ я представляю съ тою цѣлю, чтобы отклонить возможное возраженіе, что изслѣдуемый авторомъ предметъ не допускаетъ и *самой возможности* новыхъ тезисовъ, новыхъ точекъ зрѣнія ни въ великомъ, ни въ маломъ.

Но, не признавая за изслѣдованіемъ А. И. Садова первостепеннаго значенія въ наукѣ, я однако нахожу его книгу достаточною для той цѣли, съ которою она написана. Академическая практика послѣдняго времени, насколько она мнѣ известна, ни когда не предъивляла докторантамъ требованія, чтобы они въ своихъ сочиненіяхъ устанавливали какія-нибудь положенія, дотолѣ

неизвестныя ученымъ. Предъявивъ это требованіе, въ смыслѣ *condicio sine qua non*, автору разсматриваемаго сочиненія, С.-Петербургская духовная академія допустила бы историческую *summa injuria*. Не только этого не требуетъ академическій *usus*, но и Уставъ духовныхъ академій не содержитъ параграфа, который рецензентамъ диссертаций, представляемыхъ на соисканіе степени доктора богословскихъ наукъ, давалъ бы право требовать отъ нихъ непременно научныхъ открытій.

Слѣдовательно, нормальнымъ типомъ такого рода диссертаций должно признанъ сочиненія *второго ранга*,—тѣ, которыя, не уставившая новыхъ научныхъ положеній, не ставя предъ собою высшихъ задачъ, чѣмъ *cognitio cogniti*, ведутъ изслѣдованіе предмета на высотѣ, современною наукою достигнутой, хотятъ быть просто полезными въ научномъ отношеніи для читателей, доводя до ихъ свѣдѣнія наиболѣе цѣнные результаты, которыхъ достигли другіе ученые, писавшіе о данномъ вопросѣ.

Всѣмъ запросамъ, въ этомъ объемѣ предъявляемымъ, удовлетворяетъ и сочиненіе А. И. Садова.

1. Несомнѣнно, авторъ отлично знакомъ съ текстомъ сочиненій Лактанція и изучалъ его не только по новѣйшему изданію Бравдта, но и по цѣннымъ стариннымъ изданіямъ (объ этомъ между прочимъ говоритъ и принятая въ книгѣ автора двойная цитация). На всемъ протяженіи моего отзыва мнѣ приходилось лишь очень рѣдко предполагать, что авторъ чего-либо не замѣтилъ въ текстѣ Лактанція.

2. Авторъ изучилъ почти все, что о Лактанціи было писано въ видѣ монографій. Изъ пропусковъ можно указать на слѣдующіе:

а) Изъ старинныхъ сочиненій не упоминаются *Mémoires* Тилльмона, монографически обстоятельныя. Исходитъ отъ Тилльмона, въ изслѣдованіяхъ, подобныхъ настоящему, значить — выказать вѣрность научной аппликатуры.

б) Изъ новѣйшихъ авторъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи *Smith and Wace, A Dictionary of Christian Biography, Literature, Sects and Doctrines*, гдѣ даны статьи: «*Arnobius*» (by Moule, 1877) въ I, 167^a—169^b и «*Lactantius*» (by Ffoulkes, 1882) въ III, 613^b—617^a.

Я не могу однако утверждать, что авторъ пришелъ бы къ другимъ результатамъ, если бы былъ знакомъ съ названными

сочиненіями. Еще менѣе можно поставить ему въ упрекъ, что онъ не далъ себѣ труда прослѣдить вопросъ о Лактанціи по многочисленнымъ общимъ нѣмецкимъ курсамъ церковной исторіи.

О богатствѣ иностранной монографической литературы, которую авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, даютъ понятіе слѣд. цифры:

а) На стр. IV—V названы 48 сочиненій.

б) На стр. XXVI—XXVII названы еще 10 именъ.

в) Кромѣ того въ примѣчаніяхъ автора—по моему счету—цитуются 59 статей и книгъ.

Слѣдовательно, въ фундаментъ этого небольшого по объему сочиненія заложена цѣлая ученая библіотека.

3. Особенности сочиненій Лактанція поставили автора въ необходимость пріобрѣсти свѣдѣнія разнородныя, и не легко—даже на окраинахъ вопросовъ, сопряженныхъ съ Лактанціемъ,—найти такой пунктъ, гдѣ авторъ не показывалъ бы своимъ читателямъ въ перспективѣ возможности дальнѣйшаго и болѣе подробнаго ознакомленія съ предметомъ по трудамъ современныхъ ученыхъ. Отъ вниманія автора не ускользаетъ ни отзывъ о физиологическихъ свѣдѣніяхъ Лактанція (стр. 44—45), ни извѣстіе о переводѣ «Апологетика» Тертуліана на греческій языкъ (стр. 35), ни новооткрытая надпись въ Аравандахъ (стр. 31), ни свѣдѣнія о богослужебномъ употребленіи греческаго языка въ западной церкви (стр. 24). Онъ готовъ дать справку и о Флавія грамматикѣ и медицинскомъ писателѣ (стр. 23) и о двухъ Siccenses (стр. 12), о «свицлахъ» (стр. 69, 7'), объ Ἐριῆς Τρισκέυτος (стр. 69) и объ Евгемерѣ (стр. 68), о donatum (стр. 112), о томъ, почему Лактанцій утверждаетъ, что римская религія заключалась въ пальцахъ (стр. 113), но также и о знакомствѣ римлянъ-язычниковъ съ іудейскою религіею (стр. 100), объ adoratio, о tingere и baptizare (стр. 188), о крестномъ знаменіи (стр. 206).

4. Какъ извѣстно, техническія испытанія прочности предмета представляютъ попытку разрушить этотъ предметъ. Съ этой точки зрѣнія предлагаю посмотреть на дѣйствіе главъ IV—XX моего отзыва противъ положенія, занятаго авторомъ. Прежде всего общее замѣчаніе не излишне. Если бы гг. Членамъ Совѣта угодно было посмотреть и на всѣ тезисы, мною предлагаемые, какъ болѣе правильные, чѣмъ тѣ, которые поддерживаетъ авторъ, то

мой долгъ—заявить прямо, что въ глазахъ IX—XI, рѣшительно расхожусь съ авторомъ, я расхожусь и съ наличною научною литературою: здѣсь настоящее состояніе западной науки выражаетъ съ, а не я. Мои мнѣнія, высказанныя въ главѣ VI, вполне индивидуальны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе спорны и во всякомъ случаѣ наукою не предусмотрѣны, равно какъ и главы XIV, XV и конецъ XX. Насколько же мои замѣчанія расходятся съ тезисами автора?

Въ гл. IV и V наши тезисы одни и тѣже; рѣчь лишь идетъ о степени правоспособности противоположныхъ тезисовъ: авторъ признаетъ за ними нѣкоторыя права на существованіе, я—оспариваю.

Объясненіе имени Lactantius, предлагаемое мною въ главѣ VI, вѣроятно осторожный авторъ призналъ бы (если бы и нашелъ въ предшествующей литературѣ) слишкомъ рискованною гипотезою. Самъ онъ, во всякомъ случаѣ, и не могъ ставить вопроса такимъ образомъ: ни въ академическомъ, ни въ литературномъ прошломъ автора ничто не указываетъ на его влеченіе къ Monumenta Phoenicia.

По той же самой причинѣ авторъ не могъ ставить вопросъ о знакомствѣ Лактанція съ еврейскимъ языкомъ такъ, какъ я его ставлю въ главѣ VII. Въ литературѣ эта постановка, думаю, не предусмотрѣна. Но за авторомъ остается во всякомъ случаѣ та заслуга, что онъ извлекъ самый вопросъ изъ старинныхъ изслѣдованій и поставилъ его снова. Достаточно сказать, что Elliott, авторъ статьи Hebrew Learning among the Fathers (въ Smith and Wace Dictionary II, 851_a—872_b), видимо не подозреваетъ и возможности вопроса о томъ, не зналъ ли еврейскій языкъ и Лактанцій.

Въ гл. VIII мое разногласіе съ авторомъ касается лишь способа доказательства того тезиса, который одинаково признаетъ и онъ вмѣстѣ со мною.

Въ гл. XII и XIII мнѣ — строго говоря — приходится имѣть дѣло съ пустымъ пространствомъ, которое образовалось въ книгѣ автора влѣдствіе того, что онъ въ вопросѣ о De montibus занялъ—вмѣстѣ съ современными корифеями германской науки—совсѣмъ другое положеніе, чѣмъ я.

Въ гл. XV и XVI дѣло идетъ не объ антитезисахъ, а лишь о дополненіяхъ къ изслѣдованію автора.

Лишь въ главѣ XVII и XIX я расхожусь съ нимъ во мнѣніяхъ рѣшительно.

5. Форма изложенія, избранная авторомъ, конечно служила значительною помѣхою для широкаго проявленія его эрудиціи. Слишкомъ часто ему приходилось ограничиваться лишь намекомъ на то, что данное воззрѣніе и ему не безызвѣстно. Его изслѣдованіе получило характеръ слишкомъ библиографическій. При нашей книжной бѣдности такое направленіе работы умаляетъ ея цѣнность для русскаго читателя. Но если бы трудъ автора появился на нѣмецкомъ языкѣ (подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ конечно, чтобы и самъ авторъ былъ не русскій, а нѣмецъ), то нельзя сомнѣваться, что германская критика признала бы, что эта книга свидѣтельствуетъ о глубокомъ изученіи авторомъ обширной литературы предмета и что авторъ стоитъ вездѣ на высотѣ современнаго знанія. Вопросъ о томъ, устанавливаетъ ли его книга какіе-нибудь новые научные тезисы, даже не былъ бы и поставленъ, какъ не предъявляютъ его сотнямъ и тысячамъ другихъ сочиненій,— не предъявляютъ потому, что настойчивое «quid novi?» оказалось бы роковымъ, вѣроятно, для 99% книжной производительности, и въ ученомъ мірѣ давно привыкли въ новой книгѣ не искать непремѣнно новыхъ результатовъ, а довольствоваться талантливымъ сводомъ уже достигнутаго, въ которомъ не совсѣмъ исчезаетъ авторская индивидуальность.

Въ виду всего этого я признаю сочиненіе А. И. Садова заслуживающимъ ученой степени доктора церковной исторіи.

